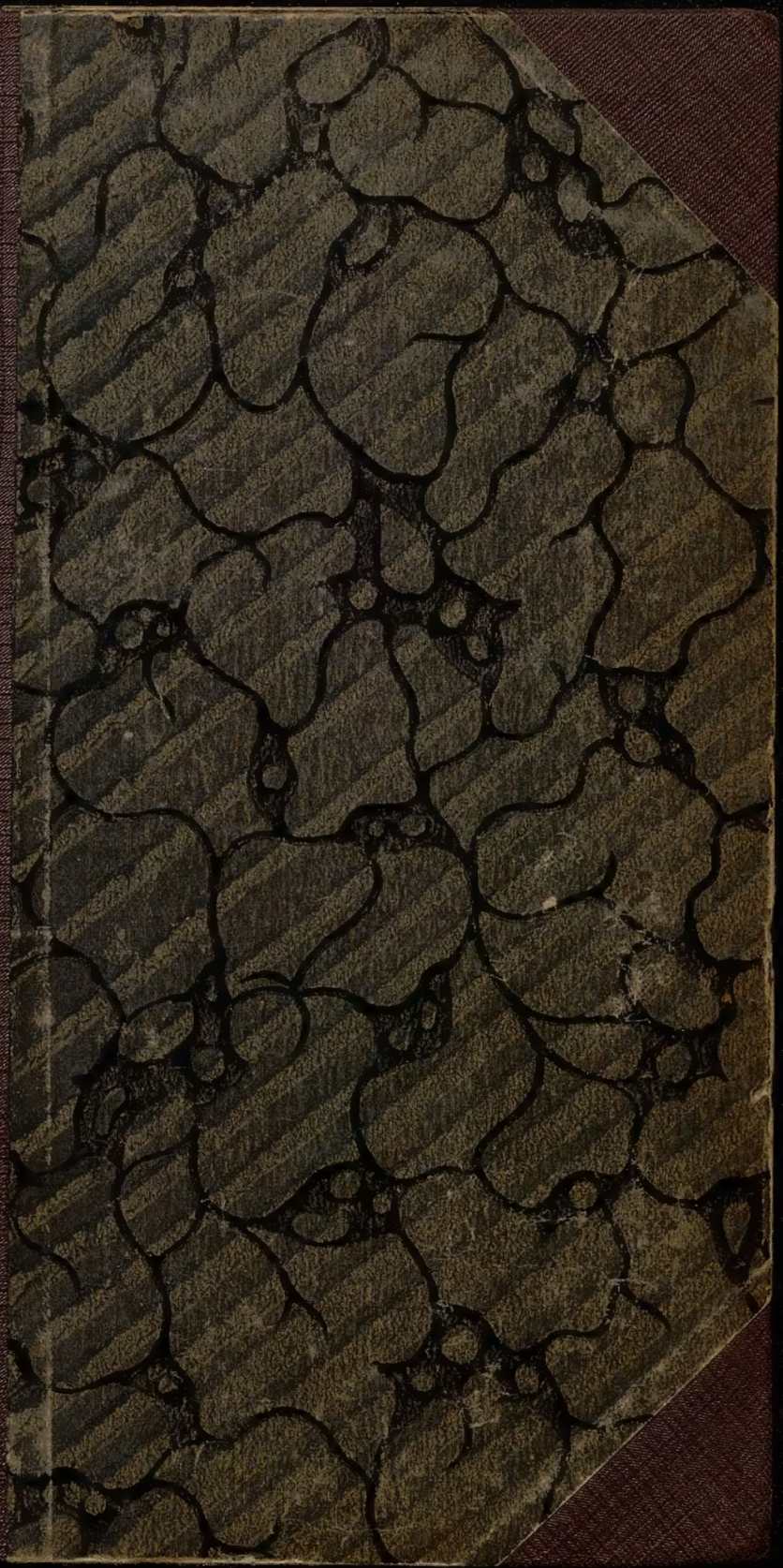
Скорынко

КОМСОМОЛЬЦЫ ОКТЯБРЯ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН1281
С 546



ИВ. СКОРИНКО

КОМСОМОЛЬЦЫ ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД 1924

М. К.

028-1924
209396
209396
ЕН 1281
С546 р

И. СКОРИНКО

КОМСОМОЛЬЦЫ ОКТЯБРЯ

Сектор „ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ"
Рабочего Издательства „ПРИБОЙ"
Ленинград 1924

Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС
сф
40712
209396
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2000
ЕН1281
С 546 Р
К.
П

ОТ АВТОРА

Данная книга является сборником статей, фельетонов и воспоминаний, помещенных мною в комсомольской печати („Смена“, „Юный Пролетарий“ и др.).

Цель сборника—дать некоторое представление молодежи о первых днях юношеского движения и участии комсомольцев в Октябрьских событиях.

Так как, с одной стороны, помещенный здесь материал является плодом наблюдений и воспоминаний и не может носить документального характера.

И с другой—автор как член РКП и комсомолец, имея свою основную работу, отнюдь не располагающую к литературной работе, и в виду некоторой спешки печатания книги, не имел возможности детально обработать сборник, то не исключаются погрешности и шероховатости в нем.

За указание замеченных недостатков, неполного освещения фактов и т. п. автор будет благодарен.

Ленинградский Гублит № 15161. Тираж 10.000.
Государств. тип. имени тов. Зиновьева, Ленинград, Социалистическая, 14.

ВСТУПЛЕНИЕ

Прежде чем приступить к своим воспоминаниям о первых днях юношеской организации в Ленинграде, мы бегло, поскольку разрешают имеющиеся материалы, постараемся отметить роль российской молодежи в революционном движении вообще, что, конечно, имеет существенное отношение к ним.

МОЛОДЕЖЬ НА ФАБРИКЕ.

Гнет капиталистического общества с его эксплоатацией, произволом, предрассудками, милитаризмом, прежде всего и тяжелей всех ощущался пролетарской молодежью.

Нищета, голод, война при любознательности подростка неизбежно вызывают вопросы:

Почему?—и всегда при ответе у него появится вывод:

— Это несправедливо! Это нехорошо!

Возьмем школьный возраст.

Получив скудное воспитание и желая его продолжить, подросток наталкивался на ряд непроходимых преград в виде отсутствия средств, дворянского звания.

Это также отмечается в его мозгу, как явная несправедливость, и возбуждает против того строя, где это возможно.

Достигнув 13—14 лет, в пролетарских семьях подросток считается вполне годным, чтобы своим трудом помогать семье.

Как дешевая рабочая сила, он поступает на завод, где подвергается самой гнусной эксплоатации, ощущаемой им более сильно и болезненно, чем взрослыми рабочими.

Физически он не окреп и слаб. К тому же недоедание и скверные условия жилищ и социальные болезни (туберкулез, английская болезнь) делают его хилым, тщедушным существом, для которого даже одно-пребывание на фабрике или заводе утомительно и тягостно.

Но, не взирая на это, подросток несет ту же работу, что и взрослый рабочий.

В самых анти-гигиенических условиях работают 9—10 часов. Выполняют тяжелые ночные работы и, засыпая от усталости там, подвергаются опасности быть искалеченными и растерзанными машиной, правилом пребывания у которой является бдительность.

Помимо этого, подросток на фабрике был самой безответственной личностью, над которой показывал свой произвол мастер и начальник.

Но за работу, выполняемую во многих производствах в той же мере, как и взрослый, подросток получал 35% оклада его.

Его заработок с натяжкой покрывал расходы на питание самого и не давал ожидаемой помощи семье.

Такое положение заставляло подростка очень живо откликаться на рабочее движение, на экономическую борьбу, стачки.

Всем памятна роль рабочей молодежи на фабриках и заводах в дни стачек.

СТАЧКИ И МОЛОДЕЖЬ.

Без излишней смелости можно заявить, что характер стачки, ее обхват, своевременность зависели от степени участия в ней молодежи.

За два-три дня, когда становилась перед рабочим необходимость стачки, одновременно с подготовительной работой революционных кружков начиналась и работа молодежи.

Подростки обычно выполняли революционно-техническую работу под руководством того или иного старого партийца, главным образом распространяя листовки.

Это была чрезвычайно трудная и рискованная работа. В эти дни охранка мобилизовывала все свое внимание и силы.

Но молодежь с этим справлялась вполне, и транспорты литературы достигали своего назначения.

Полученные листовки с призывом к стачке засовывались под рубашки, и рано утром подростки в числе первых рабочих забирались в мастерские, где листовки раскладывались по станкам, верстакам и вешались в рабочем «клубе»—уборной.

На собрании подростки охраняли ораторов от пометок шпиков, и, когда после речей решали вопрос о забастовке, молодежь начинала ее устраивать.

По мастерским несся их свист. Ими останавливались моторы и снимались с работы взрослые других мастерских.

Последние всегда понимали, что, если их пришли снимать с работы подростки, то шутки плохи: чуть что, — и гайкой в лоб.

Многие склонны предполагать, что подростки потому были отзывчивы на стачки, что смотрели на них, как на отдых и только.

Это неверно. Ибо были моменты, когда, под впечатлением уговора партийцев, указывающих на несвоевременность забастовки, она проваливалась голосами молодежи.

Помимо участия молодежи в общих забастовках, молодежь уже и до революции проявляла известную самодеятельность в борьбе за улучшение своего экономического положения.

О забастовке молодежи на бумаго-прядильной фабрике, вызвавшей впоследствии забастовку и взрослых рабочих, нам известно по воспоминаниям Г. В. Плеханова.

О более организованной и осмысленной забастовке молодежи рассказывает и тов. Моисеенко.

В дни войны, когда некоторая часть рабочих смотрела на забастовку, как на измену родине и на нарушение гражданского мира, мы имеем забастовку молодежи на заводе Леснера в Ленинграде и в городе Харькове в 1915-ом году.

МОЛОДЕЖЬ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Участвуя активно в экономической борьбе и понимая, что экономическая борьба неразрывно связана с политической и что в обоих случаях враг один—буржуазия,—подросток не менее активно участвует и в ней, играя при этом довольно видную передовую роль.

Видевшая и переживающая прелести капитализма, молодежь явилась самым грозным его врагом, стремясь свергнуть революционным путем капиталистический строй и установить тот, где не будет гнета и эксплоатации и войн для порабощения других.

И если у взрослых рабочих в дни революционных вспышек некоторую задерживающую отрицательную роль оказывают личные соображения: семья, дети, дом,—то у молодежи этого нет, или она мало с этим считается.

В дни первой русской революции 1905 года, в самый разгар ее, Владимир Ильич Ленин дает такие директивы партии:

«..... Составляйте новые дружины. Посылайте их в бой. Вербуйте больше рабочей молодежи....»

Ильич не ошибался в надежде на рабочую молодежь.

9-го января, когда рабочие во главе с попом Гапоном шли бить челом к царю, густо намазав волосы маслом, а пятак, уцелевший от штрафов, отдав на свечку Николаю Угоднику, там рабочей молодежи было мало.

Там больше было молодежи из породы сенновских реброломов, выбивающих из революционеров вместе с революционным настроением и живой дух, да десяти-одиннадцатилетние ребята, которые с таким же наслаждением пойдут за похоронной процессией и будут с веселым гиканьем тащить пожарную линейку, качать воду.

Но зато на баррикадах была подлинная рабочая молодежь, державшая там свое место до последней возможности.

Тов. Моисеенко, оценивая революционную роль молодежи, приводит выдержки из газет того времени об участии в восстании мотовилихинской молодежи, где говорится:

«В результате можно было наблюдать, что многие старики революционеры с удовольствием проводили время на вечеринках, выпивали и мало-по-малу отставали от хода событий,—между тем как из среды молодежи выделилось человек пятнадцать, которые

безраздельно отдаются делу революции и, несмотря на юный возраст, служат для партийной организации опорой в развивающейся борьбе».

В этой борьбе подростки повсеместно выступают, как бесстрашный и передовой элемент.

Дрогнули на улицах ряды перед казаками, посылающими в толпу выстрелы. Но толпа подростков, преграждая казакам путь, мешала ехать и кричала:

— Не расходиться. Стоять дружнее!

Старый партиец, тов. Фрумкина, вот как описывает настроение «ребятишек» в эти исторические дни:

«Беззаветная удаль, безграничная настойчивость, настоящее благоговение перед взрослыми борцами (так называли активных участников движения). Детская, пылкая ненависть к буржуям, полицейским и жандармам — вот чем полны были души пролетарских детей....»

Варшавские товарищи рассказывают: «В самый разгар военного положения по улицам Варшавы марширует толпа ребятишек с красным флагом. Впереди раздается выстрел. Толпа шарахается назад. Но из передовых рядов раздается: «Не бежать! Вперед!» И маленькие демонстранты храбро зашагали вперед в ту сторону, где стреляли».

Примеров активного участия пролетарской молодежи в революционных событиях не перечесть.

Молодежь в эти дни проявляла всю свою молодую кипучую энергию. Разносила прокламации, предупреждала митинги о налете полиции, охраняла ораторов, подносила на баррикады патроны и своим бесстрашием заражала взрослых борцов.

И, если товарищ Ленин, как гениальный вождь, призывая к пополнению революционных рядов молодежью, этим самым характеризовал ее, как передовую и лучшую часть борцов за коммунизм, то такую же роль молодежи в движении отводили наши подлые, но умные враги—царское правительство.

Что это так, можно видеть из одного весьма скромного и не совсем показательного списка обвиняемых, привлекавшихся царским судом за вооруженное восстание в Мотовилихе (Пермской губернии):

«Из 92 привлеченных.... было 39 человек в возрасте от 14 до 23 лет, точнее: двое—14—15 лет, одиннадцать—19—20 лет, и двенадцать—21—23-х».

И суд из 38-ми приговоренных почетное место отвел молодежи. Молодняка, направленного в тюрьмы, было 14 человек. Процент, конечно, порядочный, к нашей гордости.

А во время стачек предприятия охотнее всего рассчитывали молодежь.

Но, может быть, у читателя возникнет такая мысль:

— Жаль-де ребят. Публика романтичная, ни аза в политике не смыслит и влезла в революцию, не зная, какие цели она

преследует; да и не желает знать, благо в восстании она чувствует себя веселей.

Пожалуй, читатель не будет прав.

Мы имеем некоторые данные, заставляющие нас утверждать, что большинство пролетарской молодежи в политике «кое-что смыслило» и могло поделиться с незнающими ее.

В частности, о таком факте нам известно из воспоминаний тов. Сверчкова.

Председатель царского суда Крашенинников, увидев среди свидетелей по делу Первого Совета (1906) 16-ти-летнего подростка, решил устроить ему политический экзамен, с целью показать полную политическую неразвитость рабочих. На все вопросы Крашенинникова парень отвечал с самой лучшей точностью, к восторгу всех обвиняемых.

Кружки самообразования, где в первую голову ставилось подпольное преподавание общественно-политических предметов, на $^{9}/_{10}$ заполнялись молодежью, с большим успехом осиливавшею самые тяжелые вопросы.

Читателями листовок и подпольных брошюр в первую очередь была молодежь, развивая по ним свою политическую грамотность.

Все вместе взятое поднимало революционную ценность молодежи.

Даже буржуазные поэты, отстающие от событий на десятки лет и заявляющие, «что призывать их воспевать революцию то же самое, что в дни увлечения и восторга златокудрой Лорелей, солнечным днем, поцелуями, заставлять воспевать прелести и аромат ассенизационного обоза», находили время для молодежи.

Сколько есть прекрасных вещей об участии молодежи в революции!

Партия большевиков в борьбе против империалистической войны в молодежи имела самую верную опору.

Кстати, многие товарищи задумываются над вопросом, почему молодежь с давнего времени более близка к большевикам, чем к другим партиям. Если анализировать изменение во взглядах отдельных товарищей, политически зрелых, здесь можно отметить, что к большевикам он пришел сознательно, путем критического мышления над программами и тактикой всех партий.

К массе молодежи нужно подходить с другой меркой. Иногда та или иная партия отдаляет молодежь от себя отдельными штрихами.

МОЛОДЕЖЬ И ПАРТИИ.

Молодежь романтична, это положение никто оспаривать не будет.

По своей романтичности, революционная деятельность в умах молодежи обычно рисуется в виде личного героизма, мученичества. Ей больше по настроению террор, экспроприации, потому что

дела эти живее и интересней, чем пропаганда и «нудная» мирная организационная и агитационная работа.

Желябов, Перовская, Балмашев—вот тот тип революционера, которому охотней бы подражала молодежь.

Но, однако, тем не менее, симпатии молодежи были на стороне партии большевиков, которая эксы и террор отвергала и занималась главным образом пропагандой—деятельностью, где молодежи, подростку участовать не приходилось, а если и приходилось, то на положении ученика.

Здесь мне хочется поделиться своими воспоминаниями относительно того, как я, политически безграмотный рабочий-подросток 15-ти лет, пришел к большевикам.

Читая и слушая рассказы о героизме террористов эс-эров, мне казалось, что они единственные революционеры и что каждый рабочий должен им подражать. Я захотел стать эс-эром.

И вдруг однажды кто-то у Путиловского завода убил околоточного—порядочную собаку.

— Ну,—думаю,—хоть вздохнут все, легче станет.

Однако, на следующий день появился другой, и еще хуже, чем первый.

Над этим я задумался. Значит, если убьешь одного, то появится другой, и легче не становится. Я решил тогда спросить, стало ли легче рабочим после убийства министров—Сипягина, Плеве.

Мне ответили, что всех по одиночке не перебить, а убьешь одного,—заместят другим, и легче ничуть не становится.

И, чувствуя прежнюю симпатию к террористам, я решил, что их террористическая деятельность революции не даст.

Потом я узнал, что эс-эры считают, что главная сила в революции будет крестьянство. А я был в деревне и видел разницу между рабочим и крестьянином. Рабочий, даже на мой детский взгляд, был главной силой в революции. Был еще ряд таких фактов, и я решил, что эс-эры ошибаются. Вернее говорят социал-демократы.

Я стал больше вертеться около них.

Познакомился я с меньшевиками и с большевиками. Меня больше тянуло к последним.

Для меня, для подростка, были милее большевики по таким наивным причинам.

Я заметил, что все меньшевики нашей мастерской во время забастовок выступают часто против нас, говорят каким-то нерабочим языком, и, так как это дело было во время войны, то очень часто они говорят о необходимости войны, примирения на это время рабочих и буржуазии. А большевики, наоборот, говорят всегда смело рабочим языком против войны и гражданского мира.

Я стал больше симпатизировать большевикам. И однажды меньшевики окончательно пали в моих глазах.

Была в Путиловском театре опера. В одном из антрактов кто-то из публики потребовал у оркестра исполнения «Боже царя храни». Все встали, лишь сидела группа большевиков, на которых накинулись с руганью меньшевики, с предложением встать и участвовать, как и они, в пении гимна.

Я тогда окончательно привязался к большевикам и, войдя в партию, путем чтения убедился в ошибочности взглядов меньшевиков.

Не вдаваясь в теоретическую оценку партии меньшевиков (которую и не могла дать), рабочая молодежь путем аналогичных фактов доходила до партии большевиков.

Последующие события, открывшие на многое глаза у рабочих, показали, насколько правы большевики, и молодежь целиком поддерживала их.

Сущность меньшевизма широко раскрылась, даже отсталым рабочим, после февральской революции.

Помимо этого, молодежь по своей натуре требует четкости и ясности в поступках и словах.

Меньшевистская формула: «с одной стороны, должны признаться, а с другой...» отталкивала молодежь.

Четкость и определенность во все дни, была у большевиков, и симпатии молодежи были у них.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ДНИ ВОЙНЫ.

Иностранные юношеские организации и молодежь вообще за долгие годы своего существования, в области анти-военной работы, имеют свою историю.

У Российского Комсомола—молодежи этой истории нет, но только в печати.

Борьба против империалистической войны РЛКСМ может заполнить большую и лучшую часть его истории.

Нам хочется бегло отметить отношение пролетарского юношества (в частности ленинградского) к империалистической войне 1914—1917 г.г.

Нужно было бы отметить отношение русской молодежи к русско-японской войне 1905 г.; но, так как материала по этому вопросу нет, или очень мало, то его придется оставить.

По воспоминаниям? Нет уж! Пусть 6—7-летние пионеры на с'ездах, выступая, говорят:

«Мы помним, когда нас бесчеловечно эксплоатировал капитализм» [1].

Мы не можем на свою память взять такую смелость, ибо откровенно сознаемся, что в период 1905 года были заняты больше наблюдением: куда сели «турман» и «сорока» и не надул ли Сенька при игре в «фантики», чем вопросом: почему идет

---

[1] Из речи московского пионера (7—8 лет) на 6 Всесоюзном С'езде РЛКСМ.

война и отношение к ней молодежи. По отзывам и воспоминаниям товарищей, настроение было противовоенное.

Берем 1914 год, как более доступный нашему сознанию и памяти.

— Опять сволочи затеяли войну!—такой фразой автор узнал о начале войны от отца-рабочего.

Гм! Думаю, что, после такой характеристики зачинщикам войны, особой симпатии к ней не наблюдалось бы у многих, если бы лицо, произнесшее это, было для них «авторитетом».

«Сволочная война». Это представление о войне было у многих пролетарских подростков. Отцы и братья ушли на фронт, оставив семью в нищете, голоде, и это порождало мнение у подростка о войне, как о скверном и ненужном времени

И если, при натаскивании матерью на молитву, просьба у «боженьки» здоровья теткам, бабкам произносилась скороговоркой, то наивная просьба к нему о прекращении войны произносилась медленно, с чувством и с искренними поклонами и крестами.

Но, однако, это не исключало желания посмотреть войну «одним глазком».

Война вызвала в обществе «переоценку ценностей». Люди, вчера еще готовые итти на приступ царизма, сегодня, в дни войны, перед ним стали в позу, называемую коленопреклонением.

Начались демонстрации с лозунгами «Долой германский милитаризм», «За веру, царя и отечество» с царскими портретами. К печали, нужно указать, что в этой позе находилась и некоторая часть рабочих.

Как отнеслась к этому молодежь? Гимназисты, студенты в этих демонстрациях со всей страстностью надрывали глотку в крике: «Долой немцев».

После изучения латыни щипали корпию, заполняли школы прапорщиков или под лавками вагонов ехали на борьбу с немецкми вандализмом.

Заводская молодежь вначале заколебалась, но, прислушиваясь к своим авторитетам, коими являлись большевики, и услыша их предостерегающий окрик, вновь встала, чтобы быть угрозой войне и царизму.

Война у молодежи пробудила мышление и любознательность—залог сознательности и революционности.

Отчего война и кому это нужно? Вот характерное настроение молодежи первых дней войны.

Листовки о войне, издание партии большевиков, читались запоем, ораторы слушались со вниманием, и последний патриотизм исчезал, как лишнее.

Да и не было настоящего патриотизма, каким было заражено непролетарское юношество.

Патриотизм был своеобразный, проглядывающий, например, в том, что какого-нибудь нелюбимого «Сеньку-соплю» с небольшим презрением называли «Вильгельмом», носатого Федьку

«Фердинандом», а сторожа, не дававшего прохода молодежи, «Францем-Иосифом».

Ну, а уж насчет отклика и проведения «гражданского мира», «примирения» классов (в чем проглядывал патриотизм иностранных рабочих и рабочей молодежи) среди нашей рабочей молодежи было туговато.

Где было можно напакостить правящему классу и их прихлебателям, там... с нашим удовольствием.

В зарядный ящик, отправляемый на фронт, набросают бумажек к солдатам, об'ясняющих цели войны, большевистских листовок. Освищут соглашателя, призывающего к поддержке войны. Где можно, там устроят стачку. Изобьют городовых. Агитация среди солдат велась преимущественно молодежью.

И нет ничего удивительного в том, что на учёте редко держали молодежь, из-за их настроения старались сплавить на фронт.

Кстати. У многих имеется тот взгляд, что дезертирство есть всегда проявление трусости. Не совсем. Здесь играет роль и идея.

Много молодежи в дни войны перебывало в «летчиках» (дезертирах), а после, в дни гражданской войны, свои груди украшало орденом «Красного Знамени» и героически умирало.

Много известных комсомольцев, до 1917 г., принципиально не шли на войну, а после, до 1921 года, прошли по всем фронтам, как солдаты революции.

О дезертирах можно рассказать анекдотические случаи.

За Нарвской заставой был околоточный Савицкий, специализировавшийся на ловле дезертиров, и была группа специализировавшихся на «полете». И как-то они вечерком встретились.

Как люди «гостеприимные», Савицкого «летчики» затащили к себе домой (закрыв глаза), вылили в него последний запас «денатурата», сняли штаны, вымазали суриком, а затем вместо шапки надели котелок и, на смех идущим на работу рабочим, выбросили, при эполетах, утром на улицу.

Этих ребят в 1918 г. мне пришлось встретить добровольцами на южном фронте.

Следовательно, молодежь не пацифисты, не бессознательные противники войны. Весь вопрос в том, какая война, в чьих она интересах. В интересах капиталистов — зачем же итти умирать? В наших интересах,—значит, нам нужно итти побеждать.

При организации союзов молодежи это анти-военное (противоимпериалистическое) настроение ярко выявлялось в них.

В союзе могли быть и были деления по партийностям, были культурнические уклоны, но во мнении «Долой войну» разногласий не было.

21 апреля, в день опубликования ноты Милюкова союзникам, первый крик возмущения вырвался из груди молодежи.

3—5 июля демонстрации имели большой процент молодежи, на знаменах которой было написано «Долой войну», «Война—войне», «Мир хижинам—война дворцам».

А Красная гвардия? Это была вооруженная молодежь, об'явившая войну войне и для уничтожения войны готовая жертвовать своими жизнями.

В области разрушения патриотизма у других молодежь сыграла крупную роль.

Выезды молодежи на Невский для ведения агитации против войны за большевиков стали чуть ли не плановой работой Союза.

Там молодежь били, сажали по участкам, но все-таки ежедневно молодежь ездила туда и в кругу солдат рассказывала о причинах войны и о необходимости другой войны, гражданской.

Достижения были большие. Все меньше и меньше людей ютилось под обтрепанным плакатиком «Война до победы» и все больше вставало под грозный клич для капиталистического мира «Война—войне».

Это для молодежи даже не лозунг, это почти его идея, поскольку она с 1917 года умирала на фронтах.

МОЛОДЕЖЬ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В 1917 году, под впечатлением империалистической войны, недостатков с'естных припасов и спекуляции на них и беззастенчивого полицейского произвола, с начала января отмечается углубление революционного движения, захватывающего широкие массы рабочих.

Усиление этого революционного движения, как в барометре, отражалось прежде всего на пролетарской молодежи.

В январе 1917 года на Путиловском заводе, кажется, по случаю годовщины 9-го января, был устроен обще-заводский митинг. Выступающие ораторы, вспоминая этот расстрел, сопоставляли войну, как величайшую бойню, и призывали рабочих требовать ее прекращения. Тут же на митинге был выброшен красный флаг с надписью: «Долой войну».

Не успел окончиться митинг, как ворота завода открылись, и на митинг направилась бегом партия полицейских. Ряды рабочих дрогнули, начались бегство и паника.

Лишь только группа молодежи с криками: «стойте, товарищи» осталась на месте и при приближении полиции, стоя стеной, предложила ей убраться из завода, в ответ на это один из городовых ударил близстоящего подростка.

И полиция за это поплатилась весьма жестоко.

Сотня подростков хватала болты, гайки, железо и градом засыпала полицию. Послышались выстрелы из выделанных на заводе «пугачей».

Паника перекинулась уже на полицию. Около 50 человек городовых бросились в узкую дверь проходной мастерской, где и застряли, образовав густую кучу человеческих тел, в которую стреляли, бросали всем, что попадалось под руку.

Сколько там было убито и ранено, так и осталось невыясненным. Это была полицейская тайна.

Но последствием этой истории был арест многих товарищей и партийцев, и взрослых.

Расходившаяся и возбужденная молодежь избиением не ограничилась и решила арестованных отбить.

Около Огородного переулка на группу полицейских, сопровождавших арестованных, вновь бросилась молодежь с камнями и вновь их избила, дав возможность части арестованных скрыться.

Этот факт имел весьма революционное значение, ибо наглядно показал рабочим, что, действуя дружно и безбоязненно, можно свое право отстоять перед какой угодно силой.

Я помню, что в следующие за этим событием дни все стали очень смелы.

Ораторы бесстрашно говорили на собраниях самые революционные речи, а рабочие шли на эти собрания и при шуме трусливо не отбегали от оратора.

18 февраля 1917 года на Путиловском заводе вспыхнула политическая забастовка. Мне очень памятна роль молодежи в ней.

В день забастовки с плакатами «Долой войну» и «Требуем освободить большевиков членов Государственной Думы»—путиловцы направились было на Невский, но на Петергофском шоссе их встретила полиция.

Врезавшись в гущу толпы, она поймала несшую знамя курсистку и принялась ее избивать.

Часть подростков, при виде этой возмутительной картины, бросилась с камнями на них. Знамя у курсистки было взято и быстро перекинуто в другие руки, а сама курсистка, закрываемая подростками, оттиснута в соседний двор.

На следующий день после забастовки было выяснено, что около 3 тысяч народа работает на заводе. Это были командированные для работы на Путиловский завод солдаты-специалисты, снятые с фронта.

Боязнь быть снятыми с учета и вновь высланными на фронт заставила их работать.

Без руководства партии и взрослых, за снятие с работы солдат взялась молодежь.

Проникнуть на завод в это время было очень трудно. Во-первых потому, что был об'явлен локаут и рабочих на заводы не пускали, а во-вторых потому, что работающих солдат очень охраняли.

Для того, чтобы попасть на завод, молодежь устроила следующее:

На Гутуевском острове была взята лодка, в штаны напиханы прокламации и просто записки к солдатам, и группа поехала кататься. Около Башенной мастерской на берег взморья молодежь высадилась «десантом» и пошла по мастерским, втихомолку разбрасывая листовки.

Вместе с тем, встречая одиночек солдат, молодежь агитировала среди них за забастовку.

Это посещение молодежи на-ряду с другими фактами и заставило солдат примкнуть к забастовке.

А в последующие дни молодежь с винтовками убирала с чердаков «фараонов» и принимала деятельное участие по укладыванию в организованное русло стихийного революционного под'ема.

Я помню, что на второй день революции, присутствуя случайно на собрании рабочих завода «Лесснер», я видел и слышал, как предложение о выборе совета рабочих депутатов, по примеру 1905 г., было внесено со стороны подростка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Октябрьская подготовка.

I. Вася Алексеев.

Когда приходится говорить об идее организации Союза Молодежи до революции 1917 года, мысль невольно переходит на воспоминание о Васе Алексееве, с которым эта идея тесно связана.

Пользуясь тем, что за последнее время среди молодежи имя покойного Васи Алексеева стало очень популярным, но мало кто о нем что знает, я первые строки своих воспоминаний уделю его личности, параллельно осветив и попытки создания Союза Рабочей Молодежи.

ДЕТСТВО ВАСИ.

Вспомнив о Васе Алексееве, я на минуту закрыл глаза—и мне так ярко представилась картина.

Подошел Вася и, будучи на 3 года старше, жестом пожилого человека, положил на мою голову руку и, слегка заикаясь, участливо проговорил: не унывай!

Сколько раз этой фразой Вася Алексеев изгонял апатию и падение духа у союзного работника, вызванного бесчисленными препятствиями в работе, пренебрежением к союзу со стороны многих организаций и лиц.

Если бы Вася Алексеев не был сам активным работником и организатором РКСМ, все равно, в глазах многих он был бы и должен быть лучшим другом этого союза и только лишь благодаря своевременности и нужности фразы «не унывай», возвращающей работнику союза энергию и упорство в его достижениях и работе.

Здесь я о Васе Алексееве буду писать как о товарище, друге и работнике Петергофского района, но Вася работник всей Питерской организации, величина во всероссийском юношеском движении. «Юный Пролетарий», протоколы конференций и с'ездов, воспоминания работников—этому доказательство.

Василий Алексеев родился в семье бедняка рабочего в деревне Емельяновке, что рядом с Путиловским заводом, в 1896 году.

И если Васю Алексеева мы ценим как революционера, человека с прекрасной душой, отдавшего все свои силы и знания, приобретенные покупкой книг порой вместо хлеба, на борьбу за улучшение правового и экономического положения трудящихся, то этим мы целиком обязаны деревне Емельяновке.

Соседство такого гиганта, как Путиловский завод с его копотью, чадом дымящихся труб, скрывает от рабочих и их детей солнце и прелесть чистого воздуха.

Ряд домишек, населенных преимущественно беднотой, с плачем и криками голодных детей, анти-санитарными условиями жизни в них, скученностью и полным отсутствием культурной жизни, безусловно способствовали появлению у такого чуткого человека, как Вася, исключительной любви к рабочим, беднякам и возникновению ненависти к буржуазии, которая строит свое благополучие на нищете рабочего.

Драки, кулачные бои и дикие разгулы лишенной культурного времяпрепровождения (там и сейчас кажется нет клуба и библиотеки) молодежи были не по душе любознательному от природы и добродушному Васе Алексееву.

Вместо этого он предпочитает свое время уделить чтению. Книги, окружающая его обстановка, соседство такого кровососного капиталистического предприятия, как Путиловский завод, создали из него яркий тип рабочего-революционера.

М. Глебов, личный друг Васи Алексеева и горячо его уважающий, пишет о нем следующее [1]:

«Выросший в громадном промышленном городе, на одной из далеких столичных окраин, где промышленный капитал создал один из коллосальных источников своего дохода, Путиловский завод, он впитал в себя те характерные пролетарские черты, которые создают тип неукротимого революционера, не падающего духом в поражениях, не увлекающегося победами, тип, который в дни реакции исподволь, как крот, подрывает фундамент враждебного режима, вербуя и организуя отряды революции, а в дни пролетарской диктатуры неутомимо строит новое государство, залог раскрепощения человечества».

Лучшей характеристики,—я бы сказал даже: аттестации,—Васи Алексеева нельзя дать.

Мне хочется только снабдить ее теми фактами и штрихами, которые дополняли бы ее и неоспоримо доказали, что это так.

По своему социальному положению Вася Алексеев потомственный пролетарий. Но определить, где работал Вася, представляется

---

[1] Сборник «За 5 лет». Изд. «Юный Пролетарий». 1922, стр. 71.

чрезвычайно трудным. Можно сказать, что везде, во всех почти заводах и фабриках Петергофского района.

Вступив в партию РС-ДРП (большевиков) в 1912 году, т.-е. тогда, когда ему было 16 лет, Вася начал рано выдвигаться как великолепный пропагандист, последовательный и вооруженный марксистской идеологией работник-революционер.

Каждая стачка, выступление рабочих того завода, где работал Вася, если не целиком, то на половину была обязана присутствию среди них его.

И поэтому, наш милый и незабвенный Вася в то время для фабрик и заводов был «нежелательный элемент». Его выкидывали с одной фабрики, занося в «черный список», он поступал в другую, чтобы через несколько дней вылететь вновь на улицу, согласно справке от администрации прошлого завода, или же за будирование рабочих.

209396

МОЯ ВСТРЕЧА С ВАСЕЙ.

Моя первая встреча с Васей Алексеевым произошла в 1916 г. В это время я вошел в социал-демократический кружок Башенной мастерской Путиловского завода.

209396

Присутствуя однажды на сходке кружка в квартире одного рабочего в дер. Волынке и занятый разбором этой беседы, я услышал, как, при беседе невзрачного юноши, большинство зашумело: Вася пришел! Вася!.. Здравствуй, Вася!—Все очень мило пожимали ему руку, говорили с ним, шутили.

407/12

Я стал приглядываться к нему. Одет он был в черное пальто с поднятым воротником в кэпи, небрежно сидевшей на взлохмаченной голове, под пальто серая фуфайка (свитр), обтрепанные брюки и рваные сапоги. Этот наряд был на нем и после революции.

Вид у него был худощавый, утомленный. Роста он был среднего. Если представить определение его внешних физических достоинств дамам, то они бы его назвали неинтересным. Но для нас он был очень симпатичен. С живыми и прекрасными карими глазами, раскрасневшийся от спора или полемики.

Его небольшим физическим недостатком было заикание.

Карманы его пальто, брюк были раздуты от газет и книг. Газеты он обычно покупал всех направлений от рабочих и до погромно-монархических. Читанные книги у него подчеркивались на страницах, заполнялись его мыслями и заметками.

Услышав наш спор, Вася подошел к нам и, положив на мою голову отеческим жестом руку, таким же тоном спросил заикаясь:

— О чем вы, ребятки, спорите?

В голове шевельнулась нехорошая мысль.

— Задается! Ишь, старшего из себя показать хочет,— подумал я.

Но странная вещь. Вася сел рядом и, не снимая с головы руки, начал нам раз'яснять суть спорного вопроса. Раз'яснение было исчерпывающе, понятно и популярно, и к тому он с нами говорил таким задушевным тоном, что я почувствовал к нему самую искреннюю симпатию и уважение.

С этого дня Вася для меня стал авторитетом. Видимо ответная симпатия ко мне возникла и у него. По крайней мере он чаще всех говорил со мной, подсовывал мне для чтения брошюры и книги, а после революции он притянул меня даже к себе жить.

ВАСЯ И ПАРТИЙНАЯ МОЛОДЕЖЬ.

Молодежь кружка боготворила Васю Алексеева, он был ее гордостью. Но и для взрослых он был также авторитетом и довольно сильным.

Не являясь членом нашего кружка, он тем не менее бывал в нем чаще, чем где-либо, из-за наличия в его составе большого количества молодежи. В этом проглядывает любовь Васи к рабочей молодежи, желание помочь ей ориентироваться в политических вопросах и в приобретении знаний. Он уже и в это время показывал себя как лучший работник и пропагандист среди молодежи.

Лишь благодаря ему некоторые из нас счастливо выбрались на большевистскую дорогу из дебрей фракционной и партийной борьбы. Как кто-либо из нас начинал праветь или леветь, так тотчас же появлялся Вася, тащил нас порой в чайную и там за скромным стаканом чая об'яснял, раз'яснял—и мы вновь были «честными» большевиками.

Как практик, организатор юношеского движения и даже его теоретик, он проявил себя задолго до появления официальных организаций союзов рабочей молодежи.

Это было в 1916 году. Наш кружок, в большинстве рабочая молодежь, стосковавшись от желания большой и видимой революционной работы, начал, по его выражению, «дурить». Как у учеников революции, наша работа заключалась в следующем: мы распространяли принесенные в мастерскую листовки, оповещали рабочих о митингах. На митингах мы группировались около оратора и охраняли его от меловых пометок шпиками, ареста. Во время стачек наша деятельность была более шумна и живее. Мы свистали, устраивали шум, крики, останавливали моторы, станки, бегали по мастерским.

Но все это нам казалось малым. Мы захотели быть героями революции. У нас был энтузиазм, кипела молодая энергия, а девать ее некуда.

Видя, что кружок требуемой нами работы не дает, мы стали говорить о «терроре».

Полагая по своему недомыслию, что, если ухлопать городового и пристава в Петергофском районе, то там настанет царство абсолютной свободы, мы и наметили себе устройство террористических актов в отношении представителей власти, царя, разгром охранки, кражу оттуда документов.

Гордые появлением у нас таких планов, мы поспешили «порадовать» этим Васю Алексеева.

Расскажи мы это взрослому партийцу, он засмеялся бы, рассказал бы это, как анекдот, и смех очевидно заставил бы нас выкинуть ряд глупостей и бестактностей.

Но мы имели дело с Васей Алексеевым. Над нами он не смеялся, а, слегка улыбнувшись, предложил нам его выслушать.

Мы раскрыли рты и узнали, что террор есть средство борьбы за социализм только по мнению эс-эров и анархистов; социал-демократы террор, и к тому же единоличный, отвергают, ибо дело не в личностях, а в строе.

Говорил он с нами долго, и мы были устыжены тем, что прозвали себя мальчишками, уступив своему настроению, вопреки программе и тактике своей партии.

В заключение Вася обещал нам подыскать работу по нам, нужную и революционную.

Прошла неделя, на сходку где-то около Красного кабачка (у селения Дачное) однажды пришел Вася и, рассадив нас вокруг себя, сообщил нам то, что было для нас неожиданностью.

В простой беседе он нам рассказал о возникновении в Западной Европе «Социалистических Союзов Молодежи», их достижениях, целях и задачах. Благодаря ему, мы кратко познакомились с историей этих союзов и роли в них Карла Либкнехта.

Видя, какое сильное впечатление было произведено среди нас этим сообщением, он добавил, что, вместо мыслей о эксах и терроре, мы могли бы нашу работоспособность и энергию применить в области работы среди рабочей молодежи, организуя аналогичные союзы.

И не его, и не наша вина, что организация союза не произошла в 1916 году, и Вася не был его инициатором общепризнанным.

Группа старых партийцев, узнав об этой мысли, нашла организацию союза, в условиях русской действительности, неприемлемой.

Но духом Вася не упал и, применив фразу—«не унывай!»—поднял и павшее наше настроение.

Вместо споров, ругани и уныния, которые замечались у нас, он нам растолковал, что между Россией, страной абсолютизма, и Западной Европой, с претензией на демократический строй, существует разница. У нас всякая свободная мысль, организация

давится, в Западн. Европе существует хотя относительная свобода слова, печати, союзов и т. д.

Если мы хотим видеть у себя союзы рабочей молодежи, то мы должны проникнуться большой ненавистью к существующему в России строю и должны для борьбы с ним отдать партии все свои силы и знания.

Этот вывод, сделанный Васей, был для нас лучше тысячи агитационных фраз, ссылок.

И после этого факта Вася с полным успехом может быть назван учителем и руководителем рабочей молодежи.

Его посещения нашего молодого кружка стали чаще, он ревниво просиживал с нами на сходках, направляя наши споры, развивая среди нас любознательность и любовь к книгам. Он часто, по нашей просьбе делал доклады по интересным вопросам и внедрял в наше партийное образование приемы полемики, конспирации, ведение дискуссий и прений.

И достиг больших результатов, незаметно до революции выработав известный кадр союзных работников. Так, напр., лишь благодаря «натаскиванию» Васи, большая часть кружка (Зиновьев, Скоринко, Соколов, Голубин и др.) в свое время играли более или менее заметную роль в создании Петергофского районного союза молодежи.

ВАСЯ И СОЗДАНИЕ СОЮЗА.

Пришла февральская революция. Как активный и преданный большевик (некоторое время Вася несколько тяготел к межрайонцам), Вася был избран в ряд партийных (член райкома) и рабочих (член Совета) организаций. Напряженная и большая работа по этим должностям его несколько оторвала от молодежи, и оставленная мысль об организации союза была поднята не им.

Но в апреле месяце, когда союз стал не мечтой, а нарождающейся действительностью, Вася, без ущерба для работы в партии и Совете, погружается в союзную работу.

Он раз'езжает по фабрикам и заводам Петергофского района, устраивает митинги, делает доклады, в которых с чрезвычайной простотой выявляет все стремления и цели рабочей молодежи.

Помимо этого он об'единяет под своим руководством ядро будущих активистов союза, давая им задания, контролируя их исполнение.

При этом он мало придерживается демократических принципов. В те места, где нужна выдержка, осторожность, он самолично командирует, помимо выборов, нужного ему человека.

Порой он нас обижал. Нужно, предположим, провести собрание молодежи на заводе «Противогаз». Вася командирует туда меня и перед от'ездом спрашивает:

— А о чем ты там будешь говорить?

Мое самолюбие «общественного работника» задето, и я ответил, что я—член партии, не мальчик и отчета не хотел бы давать заранее.

— Э! Нет, говори! — наседал Вася.—Пришлось конспективно излагать свои основные мысли. Вася подумал и начал инструктировать:—Это не говори, а это скажи так. Повысь тон в этом месте, сбавь в таком-то. Добавь и скажи об этом.

Иначе говоря, при моем выступлении я говорил мысли, слова и интонацией Васи.

Так было со всеми нашими пропагандистами. А лиц других партий (Зернов) Вася просто не пускал на митинги молодежи.

Конечно, от этого и мы и союз в целом выигрывали.

Пребывание наше в союзе, совместно с Васей Алексеевым, нас совершенно обезличило.

Его умственная сила была так велика, что рядом с ним мы казались пигмеями и мальчиками.

Все факты, имеющие историческое значение, произошли благодаря наличию в союзе Васи.

Так, например, «Социалистическим Союзом Рабочей Молодежи» юношеская организация в Петергофском районе была названа первой и по предложению Васи.

Этим он хотел союзу дать определенную политическую физиономию, и это наименование, несмотря на наличие во всех районах «Труд и Свет», не было изменено до переименования союза в «коммунистический».

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» был принят также по предложению Васи.

А для большинства работников союза предложение Васи было законом.

С первого дня своей организации, Петергофский районный союз молодежи считался одним из самых революционных, стоящих на большевистской точке зрения районов.

Пользуясь даже незначительным скоплением молодежи, Вася раскрывал мелкобуржуазную и оппортунистическую сущность эс-эров, меньшевиков и организации «Труд и Свет».

А виновником распада и ликвидации последней организации в обще-питерском масштабе неоспоримо и справедливо всеми признается Вася Алексеев.

Подрывая авторитет организации «Труд и Свет» в Петергофском районе, Вася разоблачал ее и в стенах «межрайонки» с трибуны и в личной беседе. Распропагандированные им делегаты очень часто ездили к нему, где он всемерно снабжал их соответствующими советами и указаниями.

В подтверждение этого, можно дать слово т. Бурмистрову, который в своих вспоминаниях пишет:

«...К этому времени уже в самом Всерайонном Совете получился раскол на три группы: 1-я группа—большевики, во главе

с тов. Алексеевым, который первый раскритиковал организацию «Труд и Свет»...

И эта критика, которую Вася не оставлял ни на один день, кончилась ликвидацией этого учреждения.

Победила точка зрения Васи, союзы стали называться «социалистическими», по примеру Петергофского района.

Избранный первый Петербургский комитет в своем составе также имел Васю Алексеева, и если бы члены его дали союзу подробные воспоминания, то можно было бы увидеть, какую колоссальную роль играл он там.

Нахождение в первом и последующих П. К. товарищей разных взглядов породило и там партийную борьбу.

Очень часто вносились на рассмотрение этой организации проекты и предложения, расходящиеся с революционной действительностью.

Нужны были энергия, изворотливость, знания и преданность интересам рабочей молодежи Васи Алексеева, чтобы союз вел прямую большевистскую линию.

Он и там был незаметным диктатором. Не крича много о себе, не делая большой популярности (она являлась сама), Вася, сообразуясь с тактикой партии большевиков и обстановкой, твердо проводил свои взгляды, подчас даже не брезгуя и здесь нарушить демократию.

При выборе первого редактора журнала «Юный Пролетарий» почти единогласно был избран достойнейшим—Вася Алексеев.

Не желая узурпировать права П. К. в выборе лозунга для журнала, он этот вопрос поставил на обсуждение пленума.

Большевистская фракция, главой и вдохновителем которой являлся он, предложила лозунг партии «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В противовес этому, пылким тов. Бурмистровым был внесен другой: «Трепещите, тираны—рабочая молодежь на страже революции!».

Привлекший своей новизной лозунг был вначале, при расплохе большевиков, принят.

Тогда Вася на следующем заседании настаивает на переголосовании этого вопроса, употребляя всевозможные доводы. А до этого он успел уже единолично распропагандировать много товарищей.

При втором голосовании принимается лозунг большевиков.

Кто его сейчас будет осуждать? Такими моментами часто сопровождалась его работа в союзе.

Союзная печать, пионером коей является «Юный Пролетарий», является прямым детищем Васи Алексеева—первого редактора.

Сколько бессонных ночей, беганий по организациям в хлопотах о средствах, корректировании!

ВАСЯ, КАК КОММУНИСТ.

Как человек и член партии, Вася был исключительной красоты.

Прежде всего он не имел ни одного врага за исключением политических: эс-эров, меньшевиков.

Проходя с ним по улице, можно было видеть, как проходящие мимо рабочие и просто обыватели очень приветливо ему кланялись.

Постараюсь осветить его день и жизнь.

Вставал он очень рано, часов в 7—8 утра.

На-спех позавтракав коркой хлеба, густо посыпанной солью и с чаем без сахара, он принимался или писать статью, или воззвание, или же что-либо читал, делая пометки и выноски.

Глебов в своей статье о чтении Васи Алексеева пишет следующее:

«Когда успевал читать Алексеев? Он читал в вагоне трамвая, где человек обречен на безделье, пока едет, перед собраниями и заседаниями в ожидании их открытия, в столовой за обедом или чаем, словом, всегда, когда глазам человека нечего делать».

Я добавлю, что Вася читал и во время собраний, во время доклада какого-либо товарища, укоризненно или одобрительно покачивая головой, что показывало его внимание и к докладу.

Память у него была изумительна. Прочитав какую-либо книгу, он мог цитировать ее чуть ли не главами.

Часов в 9—10 Вася, нагрузив карманы книгами, выбегал на улицу и гонялся за газетчиками, скупая все издающиеся в это время газеты, прочитываемые им на-ходу.

С этого часа у него начинался и рабочий день; он раз'езжал по заводам, делая доклады, присутствовал на заседаниях совета, райкома партии и союзов, выполнял работу в союзе металлистов, писал тезисы к докладам, редактировал юношеские резолюции, был председателем районной следственной комиссии, словом, в районе не было ни одной рабочей, партийной, советской и юношеской организации, где бы ни работал Вася.

Его работоспособностью злоупотребляли, расшатывая его организм.

Все крупные доклады и лекции в районе читались обычно им.

Казалось бы, что перегруженность работой, чтением должна была из него выработать сухого, неразговорчивого и чуждого жизни и мелочам человека.

Но это было не так. Вася был очень жизнерадостный и остроумный товарищ.

Очень часто, имея надобность в Васе, я мотался по району в его поисках и натыкался на группу, где Вася, дирижируя пачкой газет, вместе со всеми весело напевал:

«Пусть красное знамя собой означает идею рабочего люда»...

Особенно он любил молодежь. В ее кругу он оживал. Вместе с ними он пел, острил, играл в рюхи, чехарду, попутно сообщая с завидной популярностью марксистские истины.

Когда нужно было во время демонстрации охранять большевистские знамена, за это дело брался он, группируя около себя молодежь, готовую по его жесту разнести Невский и Питер.

Несмотря на заикание, Вася был «большим» оратором. Районных «авторитетов» среди небольшевиков он забивал шутя и был опасным противником даже их «верхам», и рабочие его слушали очень охотно.

Возвращался домой он очень поздно в 12—2 часа и вновь принимался читать. Но когда к нему приходили комсомольцы, он был не прочь пошутить, пропеть несколько песен и подкормить их всем, что у него находилось.

Он проникался настоящей любовью к тому юноше, который интересовался чтением. Он часто с ним говорил, давал указания, литературу и ухаживал с чрезвычайной заботливостью.

Лично я обязан Васе многим, в особенности любовью к чтению и к книге, а также и безупречным пребыванием в рядах РКП, ибо трудно предполагать, чем бы кончилось наше анархическое настроение в 1916 году, если бы мы не встретились с Васей.

И сколько приходится встречать молодых товарищей, которые заявляют, что они встали и стоят на «пути истины» благодаря Васе.

К общей печали, неумолимая смерть выхватила его из наших рядов в самый разгар гражданской борьбы, проводником и участником коей он являлся.

Несколько слов о Васе, после его смерти.

Он был женат. О коммунистической семье мы имели представление не по брошюрам Коллонтай и других авторов, а благодаря знакомству с семейной жизнью Васи.

Несмотря на то, что Вася с точки зрения дам был некрасив, а его жена была красива, изящна, умна и с прекрасной душой, эта пара давала гармоническое целое.

Их семейную жизнь сопровождало подлинное рабочее счастье, единство, не омрачаемое даже теми «глазенапами» и любовными письмишками, которые многие даже из друзей Васи навязывали его жене—Марии.

Их содержание обычно ему бывало известно, и в кругу всех он сам посмеивался над «горячкой» парня и настраивал того на шутки.

В день смерти Васи, его жена, потерявшая любимого мужа, друга и товарища, от сильного горя потеряла силу и застрелилась.

Хоронили их вместе.

Заканчивая свой очерк и жалея, что о Васе я не могу дать полное представление, я считаю нужным напомнить, что недалеко от Путиловского завода имеется скромная могила его, по-

сещаемая только родными, и нет ничего, что бы говорило молодежи о великой роли Васи Алексеева.

II. Создание Союза Молодежи.

Комсомольская история, так же как и история нашей партии, начинается не с одной даты. Были еще и до революции революционные кружки молодежи, организованные стачки и мысли об организации социалистического союза по примеру западно-европейских стран.

В частности, мысль об организации союза молодежи была поднята молодыми большевиками Путиловского завода в 1916 г., что мы видим из биографии Васи Алексеева.

Но все же это движение было не массовым. Широкое массовое и самостоятельное движение пролетарской молодежи началось лишь после февральской революции.

В эти дни стихийного революционного под'ема была захвачена и молодежь, у которой пробудился огромный интерес к общественной работе, критическое отношение к своему политическому и экономическому положению. А это положение, бывшее до революции весьма безотрадным, ничуть не улучшилось.

Считая молодежь политически незрелой, политические партии, клубы и другие организации не очень охотно допускали ее к себе в члены, несмотря на склонность молодежи к общественной творческой деятельности. Отсюда стихийное и смутное стремление к организации собственного союза, ставящего задачей защиту существующих и возникающих интересов молодежи.

В апреле 1917 года стремление это достигло своего апогея и, благодаря энергии и инициативе подростков Выборгского района (в большинстве—члены политических партий), было осуществлено.

НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ.

В апреле 1917 года я еще работал в Башенной мастерской Путиловского завода. И вот 13 апреля, получив из цехового комитета газету большевиков «Правду», я прочел краткое сообщение, гласившее следующее:

«Сегодня в 5½ часов вечера, на Выборгской стороне, в столовой завода «Рено» состоится собрание представителей рабочей молодежи».

Нужно отметить, что меньшевики и эс-эры в своих газетах данное об'явление поместить отказались, когда один из товарищей заговорил с ними о целях новой организации.

С этой газетой я тотчас же направился к работающему в нашей мастерской бывшему члену социал-демократического кружка тов. Александру Зиновьеву побеседовать о новости.

Бросив работать, мы от нетерпения готовы были тотчас же лететь к «Рено», чтобы не опоздать.

Но в некоторое затруднение нас привело то, что туда приглашались делегаты фабрик и заводов.

Цеховой комитет, состоявший в большинстве своем из эс-эров, на нашу просьбу (большевиков) разрешить устроить собрание молодежи мастерской на предмет выбора делегата, ответил категорическим отказом, а устроить собрание рабочей молодежи всего Путиловского завода было немыслимо.

Тогда, с целью быть все-таки на собрании в заводе «Рено», мы прибегли к тому способу делегирования, к которому в данное время прибегает эмиграция, представляющая грузинский и другие народы.

Мандат, как «представителю четырех тысяч» путиловских подростков, на имя А. Зиновьева выдал и подписал я, а на мое имя—он.

В назначенное время мы уже были в столовой завода «Рено».

Но до этого наша вся молодежь мастерской была взволнована идеей организации союза молодежи. В уборной мы в кругу подростков в самых радужных тонах рисовали будущность Союза Молодежи.

Уезжая, мы их оставили беседующими о Союзе. От них же, успокоив свою совесть и получив большую уверенность в своих устремлениях, мы получили санкцию на делегатов и представительство от имени молодежи Путиловского завода.

В СТОЛОВОЙ ЗАВОДА «РЕНО».

По приезде в столовую завода «Рено», мы застали огромное сборище молодежи, говорившее нам о серьезности и важности собрания.

Разбившись по группам, подростки вели оживленные беседы, выявляя физиономию нарождающейся организации. Попутно знакомились друг с другом.

Уже здесь стали выявляться лица, которым суждено было впоследствии играть известную роль в Союзе.

Особенно мне врезалась в память фигура Павла Бурмистрова. На этом собрании он был чрезвычайно возбужден, бегал по столовой, жестикулировал. Увидя его, я тотчас же подумал: «Или нервно-больной, или анархист».—Оказалось последнее.

Шум стоял неимоверный.

Но вот началось собрание

Началось оно с приветствий. Говорили преимущественно подростки. Это были совершенно особые, по своему построению и мыслям, речи.

Оратор выходил, краснел от непривычки видеть перед собой большую аудиторию, выбрасывал ряд отрывистых, не связанных одна с другой, фраз, хватался за отдельные лозунги и вызывал у остальной молодежи бурю восторгов и желание тоже говорить.

Но, несмотря на разбросанность мысли оратора, мы прекрасно понимали то, что хотел он сказать.

Как ораторы, здесь выделились только Павел Бурмистров и Михаил Кузнецов (анархисты) и Гр. Дрязгов (меньшевик).

Говорилось же здесь о нуждах молодежи, о необходимости союза, и в самых оптимистических тонах здесь предугадывалась та роль союза, которую он проявит в будущем и в революции.

Розовый юношеский идеализм обволакивал всю аудиторию, заставляя юные умы сосредоточиваться на грандиозных замыслах, на возможности проявления творческих способностей.

Майн-Рид, Жюль-Верн с их героями, которыми большинство молодежи хотело быть, сделались в этот день далекими и чуждыми. Все чувствовали революцию и намечали свое место в ней.

От имени рабочей молодежи Путиловского завода выступал я. Это было мое первое публичное выступление, и я, от непривычки выступать, очень робел и смущался, и что я говорил, я не мог вспомнить даже в тот день. Но помню, что я говорил горячо и убедительно.

Мое выступление от имени путиловцев аудиторией было принято чрезвычайно тепло и восторженно.

Ведь это свидетельствовало о том, что несколько тысяч подростков Путиловского завода, имеющего богатое революционное прошлое, будут верными и активными членами нарождающегося Союза.

Заключительным приветствием была выслушана речь представителя Шведского Социалистического Союза Молодежи, которого случайно встретила в Ленинграде и привела сюда на собрание Надежда Константиновна Крупская.

После приветствий, собрание перешло к деловому порядку дня. Докладчиками были, насколько помню, тт. Дрязгов, Кузнецов и др.

По ряду вопросов, несмотря на сильное противодействие небольшой группы меньшевистски настроенной части молодежи (была и такая), были приняты самого революционного содержания резолюции.

В заключение было принято пожелание о необходимости проведения в районах широких конференций рабочей молодежи, где и раз'яснить им о целях и задачах вновь организуемого Союза.

Подогретые приветствиями, переполненные энергией, мы разошлись для работы по предприятиям и для подготовки к конференции.

ОТНОШЕНИЕ К СОЮЗУ В МАСТЕРСКОЙ.

На следующий день после собрания на заводе «Рено», т. Ал. Зиновьев и я, взяв на себя инициативу организации конференции и союза в Петергофском районе, подали заявление в цеховой комитет Башенной мастерской, в котором просили нас временно освободить от работы с тем условием, что мы свое время будем

отдавать на устройство митингов и докладов по фабрикам и заводам.

Смотря на это, как на общественную работу, мы полагали, что освобождение от работы нам дано будет беспрепятственно.

Но здесь была наша ошибка. Нам ответили:

«Создание юношеских отдельных организаций будет не чем иным, как баловством. Молодежи-де не следует создавать своих организаций, во-первых, потому, что рабочая молодежь имеет возможность входить в любую рабочую организацию, а во-вторых потому, что молодежь, выделяясь в самостоятельный Союз, тем самым подрывает мощь рабочего класса и способствует его поражению».

Последний довод был поставлен настолько серьезно и был произнесен таким тоном, что напугал меня и т. Ал. Зиновьева, и мы чуть было не оставили мысли о Союзе.

Одновременно смущали нас и сами рабочие, узнавшие от цехового комитета про наше желание. Первые дни мы являлись темой шуток и острот. По мастерской ходила карикатура, где изображался митинг нового Союза.

На ночных горшках сидели малыши, перед которыми, зажимая нос, я держал речь, а тов. Ал. Зиновьев, тоже зажав нос, звонил в колокольчик.

На другой карикатуре была изображена демонстрация малышей, несших знамена, на которых были написаны такие лозунги: «Долой школы и розги», «Требуем вычеркнуть из библии факт избиения младенцев, как развращающий умы отцов».

Шутками нам не давали проходу по мастерской. Мы пали духом.

К нашему счастью, нас выручил Вася Алексеев, которому мы сообщили об общегородском собрании, а также ответ цехового комитета.

Назвав ответ последнего «ерундой», он нам порекомендовал духом не падать, а проводить без смущения ту работу, которую мы себе наметили.

С своей стороны, он обещал устроить собрание рабочей молодежи у себя—на заводе «Анчар».

Дня через три к нам, действительно, явились делегаты завода, поддерживающие все время с нами связь.

Получив от цехового комитета отказ, мы тем не менее не успокоились и подали вторичное заявление, где доказывали, главным образом, необходимость существования Союза рабочей молодежи.

В этом заявлении мы ссылались на заграничные социалистические Союзы Молодежи, доказывали существование особых юношеских интересов. Указывали также, что Союз преследует и воспитательные цели, так как, видя к себе пренебрежительное отношение со стороны взрослых рабочих, молодежь их покидает, проводя время на улице, в крайне нездоровой атмосфере, отвлекаясь от классовой борьбы и выполнения задач, поставленных перед рабочим классом.

Все было тщетно и напрасно. Цеховой комитет с нашими доводами не согласился и настаивал на ненужности Союза Молодежи.

На мой взгляд, их точка зрения была такова потому, что мы были членами партии большевиков, симпатий к которой цеховой комитет отнюдь не имел в те дни.

Это отношение цехового комитета к нам было первым и крупным препятствием в нашей союзной работе. Такие же точно препятствия, как оказалось впоследствии, встретились перед молодежью при организации союза и в других районах. Особенно неблагополучным в этом отношении оказался Обуховский район (часть нынешнего Володарского).

ПРЕПЯТСТВИЯ ИНОГО РОДА.

Пришлось для устройства собраний на фабриках и заводах и прочей организационной работы совершать прогулы, что, конечно, тяжело отражалось на нашем кармане.

В дни получения жалованья нам с тов. Ал. Зиновьевым приходилось получать на 75—80% меньше, чем другим подросткам. А кроме того, за наши прогулы, малую получку, приходилось выслушивать упреки и от старшего по работе и от домашних.

Дошло дело до того, что в один прекрасный день, после получения жалованья, к моему станку подошел тов. Ал. Зиновьев и, чуть не плача, рассказал мне о том, что его дома родители за прогулы и малое жалованье высекли.

Для меня такой факт был особенно печален, ибо в любой момент и я мог подвергнуться такой же участи.

Это, пожалуй, было первой репрессией, примененной в отношении работника Союза, за его существование.

Помимо этого препятствия, нами в своей союзной работе были встречены и другие.

Так, например, ряд заводов и фабрик Петергофского и Нарвского районов, куда мы являлись устраивать собрания работающей молодежи, положительно гнал нас с своей территории, обычно заявляя, что у них и своих агитаторов достаточно.

Самый крупный завод, «Треугольник», устроил у себя собрание молодежи только лишь тогда, когда был сконструирован и районный комитет Союза, и Петербургский комитет, да и то лишь после переизбрания фабзавкома, куда прошло большинство большевиков.

А до этого нас и в мастерские не пускали.

Единственным предприятием, которое охотно пошло нам навстречу и устроило тотчас же по нашей просьбе собрание молодежи, был завод «Противогаз», где в завкоме работу возглавляли анархисты (председатель тов. Червяков).

В тех заводах, куда нас не пускали, мы делегатов на конференцию выбирали таким образом:

Извлекали какого-либо бойкого и сознательного товарища и поручали ему, в порядке оповещения во время работы, поста-

вить в известность молодежь завода об организации Союза и предложить утвердить хотя бы его в качестве делегата на конференцию.

СОБРАНИЕ НА «ПУТИЛОВЦЕ».

На Путиловском заводе (в целом) трехтысячное собрание рабочей молодежи нами было собрано, по сравнению с другими заводами, легко.

Правда, кое-какие возражения были в завкоме даже и от большевиков, но Вася Алексеев, принявший к этому времени деятельное участие в организационной работе, их уладил.

Интерес к собранию, собираемому молодежью, в среде взрослых был настолько велик, что на него явились чуть ли не все рабочие завода, и мы наши доклады делали чуть ли не перед 20—25-тысячной аудиторией.

На собрании Васей Алексеевым, Ал. Зиновьевым и мной были сделаны доклады о положении рабочей молодежи, их нуждах и задачах и о Союзе Молодежи. Известие об организации Союза Молодежи было встречено с необычайным энтузиазмом, если судить по тем оглушительным аплодисментам, которыми нас наградили.

После нас выступал ряд товарищей, которые говорили, насколько нужна организация союза молодежи, и обещали возрождающемуся союзу все свои силы и энергию.

Здесь же в конце собрания было решено при каждой мастерской создать ячейки молодежи и уже от них выделить делегатов на районную конференцию.

СОБРАНИЕ НА ФАБРИКЕ КЕНИГА.

Но насколько сознательно и серьезно относились к нашим докладам юноши тяжело-индустриальных предприятий, настолько странно и невнимательно к нам относились девушки, в особенности текстильщицы.

Вспоминается следующий факт.

Должен сначала читателя поставить в известность, что в то время я принадлежал к числу «сознательных» и приобрел сообразный этому вид: головы не стриг и не причесывал, одевался неряшливо, имел строго серьезный вид и на девушек смотрел только лишь как на «товарищей», того же отношения к себе требовал и от них.

Васей Алексеевым было предложено мне провести собрание девушек, работавших на бумаго-прядильной фабрике «Книга» (в Екатерингофском парке).

Крупно побеседовав с фабзавкомом по поводу жизненности союза молодежи, и получив тем не менее разрешение на устройство собрания, я принялся делать доклад «Положение рабочей

молодежи и ее задачи», и встретил к своему докладу несерьезное отношение, которое заставило меня усомниться в будущности нашего союза.

Во время доклада я услышал, что часть девушек, ближе стоявших к трибуне, бурно о чем-то спорят.

Прислушиваясь к их спору, я обнаружил, что предметом разногласий был никто иной, как я. И спорили они о моих физических качествах. Одна называла мои глаза «очаровательными», другая находила их «гадкими». Третьей нравились мои волосы, другой они были противны. Моя особа здесь была разобрана с головы до ног.

Аналогичные отношения к докладам мне пришлось встречать среди девушек-работниц и других предприятий.

Для меня это было непонятно.

Забросивши ради новой работы все, что мило юношескому возрасту, я не понимал их и с тоской думал о том, что, даже если такая молодежь и пойдет в Союз, то он очень мало от этого выиграет. Такая молодежь в союзе будет искать не работы и знания, а флирта и развлечений.

Я счастлив, что мои опасения не сбылись. С первых дней Союза, большинство искало в нем знаний и нашими глазами смотрело на него. Редко-редко кто-нибудь из попавших в союз, не видя возможности в нем побалагурить и пофлиртовать, исчезали.

НА РАЙОННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

В конце апреля 1917 года (дата, к сожалению, мною забыта), когда от большинства фабрик и заводов делегаты подростков были зарегистрированы (регистрация велась мной и тов. Ал. Зиновьевым в мастерской, что отрывало нас от работы и порождало скандалы с цеховым комитетом, куда на нас жаловался мастер), Вася Алексеев выхлопотал помещение путиловской школы, и там была устроена «Первая Петергофско-Нарвская районная конференция рабочей молодежи» (официальное ее название).

Конференция была открыта в 7 час. вечера тов. Ал. Зиновьевым, предложившим избрать президиум.

Президиум был составлен так: председатель—Вася Алексеев, тов. председателя—Ал. Зиновьев и секретарь—пишущий эти строки.

По открытии конференции Вася Алексеев от имени Петергофского районного комитета РС-ДРП (большевиков) сказал небольшое приветственное слово, вызвавшее продолжительные овации по адресу партии, а затем был сделан доклад о целях конференции. Содокладчиками были я и тов. Зиновьев.

Наши доклады были выслушаны с редким вниманием. По каждому докладу возникали обширные прения. Ораторы, главным образом, рассказывали о своем незатейливом быте, плохом положении, и указывали, что новая организация молодежи предохранит их от обывательщины и мещанства.

Вася Алексеев по небольшому докладу о текущем моменте провел мою резолюцию в большевистском духе, хотя анархист Зернов (путиловец), странности действий которого начались с этого дня, грозно и шумно размахивал в воздухе руками и «кольтом» и метал громы и молнии по адресу всех социалистов, в особенности большевиков, чем доставил конференции большое удовольствие.

С этого же дня я сделался чуть ли не официальным автором всех союзных резолюций, потому что, по определению многих, и в особенности Васи Алексеева (он это сказал на одном собрании),—«мои резолюции, хотя и не содержат большой политической мудрости, но написаны зло и язвительно, читающие их сразу поймут, что это язык Союза, а не комитета Партии».

На этом основании я обычно эти резолюции и приготовлял в самых «отчаянных» выражениях, чем приводил в смущение даже членов районного комитета Партии.

С первого же дня существования нашей организации чувствовалось, что молодежь, если не разумом, то инстинктом, почувствовала, с кем итти: с большевиками или с их противниками.

Резолюции меньшевиков, эс-эров и анархистов были торжественно и при общем восторге на конференции провалены.

Поздно вечером конференция закончила слушание докладов (их было очень мало) и прений (их было невероятно много) и перешла к выборам организационного бюро, как было решено назвать руководящий орган.

При обсуждении вопроса, как наименовать районный руководящий орган, было внесено два наименования: районный комитет и исполнительный комитет. Оба эти наименования были большинством отклонены по своеобразной мотивировке: «члены его-де будут много задаваться и заважничают».

Эта веселая мотивировка так «испугала» конференцию, что даже Вася Алексеев, Ал. Зиновьев и я не могли доказать ее абсурдности.

ОСТАНОВИЛИСЬ НА ОРГАНИЗАЦИОННОМ БЮРО.

В организационное бюро, избранное на три месяца, вошло всего одиннадцать товарищей, которые по партийности распределялись так: большевиков—трое, анархист—один, левый эс-эр—один, меньшевиков—два и беспартийных—четыре.

Возрастной состав его был следующий: 21 года—один (Вася Алексеев), 19 лет—двое, 18 лет—1, 17 лет—6 и 15 лет—1.

Персонально организационное бюро состояло из следующих товарищей (все без исключения рабочие): Вася Алексеев, Зиновьев и я (большевики), Зернов (анархист), Васильев (эс-эр); фамилии остальных, к сожалению, забыл.

В наказе, который давался делегатами с мест, центральное место занимало желание молодежи видеть скорее свой клуб, где бы она могла полезно проводить свободное от работы время.

Поскольку здесь в воспоминаниях о первой районной конференции мною упомянуты две личности: Зернов и Ал. Зиновьев, я считаю нужным остановиться на их характеристике полнее, забежав в освещении некоторых фактов вперед. Личности эти представляют собой весьма интересные типы в юношеском движении.

III. Зернов.

АНАРХО-РЕКЛАМА.

Самой оригинальной фигурой юношеского движения 1917 года я считаю путиловца, члена Петергофского райкома—т. Зернова.

Все знающие его вполне подтвердят это.

В 1917 году ему был 21 год.

Уже по одной внешности он был большим оригиналом.

На голове черная котелкообразная панама, нахлобученная на глаза. Под панамой черная, нечесаная и немытая голова.

Глаза черные, на смуглом и грязном лице кажущиеся неимоверно большими и страстными.

Зимой и летом, вместо пальто, черный прорезиненный и засаленный плащ.

Под плащом черная русская рубашка.

Брюки, оканчивающиеся бахромой и латанные до последней степени, также черны.

Остаются как будто бы белыми руки? Он их никогда не мог отмыть от той заводской копоти, которая в'елась в его тело.

Везде и всегда он чесался, ерзал, запускал свои грязные пальцы в голову. Но он не был грязнулей или неряхой.

Не поэтому. Это был, кажется, первый человек, которому я верил в отсутствие у него времени для своего туалета.

По своим убеждениям он был анархист, последовательный и довольно сильный.

С детства я анархиста и не представлял иначе, как типа Зернова.

В своем кругу мы его прозвали «анархо-рекламой».

Работая, и очень много, в союзе, он тем не менее ни на минуту не забывал, что он анархист.

Его отношению к своим парт. обязанностям у него следовало поучиться.

Все карманы его платья топорщились от массы листовок, брошюр и иных анархических изданий, которые он распространял. Его знакомство с кем-либо, примерно, начиналось со следующего:

— Иванов,—рекомендовался некто.

— Здорово, Зернов! Ты, друг, у Дурново еще не был? Нет? Вот чудак-то, там все рабочие собираются. А ты знаешь, кто такие анархисты? Тоже нет? Ну на, почитай.

Из-под рубашки, из кармана доставалась листовка и совалась парню в руки.

Попутно Зернов принимался рисовать прелести анархии и часто такой агитацией завлекал на свою сторону многих.

Будучи силен в знании теоретиков анархизма: Прудона, Бакунина, Кропоткина, он с бешеной энергией занимался и своим образованием.

Все деньги он тратил на покупку книг, газет, наполнявших и украшавших его убогую комнату.

Каждая свободная минута у него уходила на чтение.

Парень он был начитанный, любознательный и умный, но недостатком его была бессистемность чтения.

Он читал все положительно, от философских книг до Рокамболя и Пинкертона.

На мой взгляд, его анархическое настроение, способствующее выработке идеологии, явилось следствием бессистемного чтения и той путаницы в его мыслях, которую оно порождало.

Читая ту беллетристику, где описывается сытая жизнь, чистота, комфорт, но видя в жизни с самого детства одну бедность, голод и грязь, он, как слишком впечатлительный и нервный, выходил из себя из-за такого несоответствия.

Разница между той жизнью, которую он чувствует и о которой он слышит, его озлобляла.

Будучи человеком с большими культурными запросами, но не имея возможности их удовлетворить, он возненавидел то общество, где возможно пресыщение всем и отказ в необходимом.

Но вместо того, чтобы умом доискиваться до причины такого несоответствия и способов его искоренения, он поддался чувству.

Мстить сытым за голодание таких, как он,—вот его настроение.

Он был бунтарем в общественной и личной жизни. Деспотия мастеров и старших из среды рабочих, а также способы поддержания господства того или иного класса заставляли его быть противником всякой власти.

Он был свободолюбив до щепетильности и настолько озлоблен строем и сытыми (как он называл буржуа), что, мне кажется, если бы не было до него анархистов, он был бы первый.

Работал он в шрапнельной мастерской Путиловского завода и среди молодежи имел сильный авторитет и влияние.

В Союз он пришел в первые дни и здесь стал довольно заметной фигурой.

ЗЕРНОВ В СОЮЗЕ.

Была первая районная конференция молодежи. По докладу Васи Алексеева о текущем моменте мною была предложена резолюция.

Не успел я ее прочесть, как из задних рядов встала черная фигура и грозным голосом произнесла: «Протестую!» Последовал удар кулаком по столу и в руке фигуры заблестел «кольт».

Все недоумевают. Зернов (это оказался он) взял слово и, размахивая руками, принялся ругать социалистов, ставя их на одну плоскость с буржуазией.

Жестикуляция была шумна, ругань крепка, и было всем весело.

Резолюцию, к возмущению Зернова, приняли, но его, как говорящего парня, выбрали в райком.

Наблюдая кипучую энергию Зернова, райком взял его в работу, больше всего в техническую, так как посылать для пропагандистской и агитационной работы, по причине его воззрений, мы, как большевики, считали неудобным.

Первой работой райкома было подыскание помещения под союз. Была создана комиссия, куда вошли Вася Алексеев, Зернов и я.

Денег у комиссии не было, и поэтому, без гарантий регулярной платы, нам помещения никто не давал.

Работа комиссии протекала главным образом в разборе чудовищных проектов, выдвигаемых Зерновым.

Проекты, примерно, были таковы:

«Предлагаю комиссии дать санкцию на экспроприацию мною кассы комитета партии народной свободы. Экспроприированная сумма поступает в союз».

«Предлагаю на 15 . . . . мес. назначить сбор молодежи, вооруженной огнестрельным оружием, для занятия комитета партии народной свободы (или меньшевиков) под помещение союза».

В силу своей тактики, мы, конечно, проекты Зернова отвергали, что давало ему предлог и повод размахивать кулаками и револьвером.

На собраниях Союза Зернов обвинял Васю Алексеева и меня в мелкобуржуазной идеологии, иронизировал над нашим «священным» отношением к частной собственности и многими другими грехами.

Переехал райком в помещение комитета большевиков. Зернов тотчас же учуял, что территориальная близость сблизит союз с партией и идеологически.

Начались протесты. Зернов нас обвинял в отдаче свободного юношества в кабалу и под контроль большевиков и отказался даже от участия в работе.

Но, слишком преданный юношескому движению (конечно, по-своему), он так легко уйти не мог.

Через неделю скучной работы и сухих заседаний вновь раздался хриповатый голос Зернова, с жаром излагающего нелепые (с нашей точки зрения) и юмористические проекты и речи.

При наименовании Союза фракция большевиков, вкупе с эс-эрами и меньшевиками, внесла предложение назвать союз «Социалистический Союз Рабочей Молодежи». Как последовательный анархист,

Зернов ударил кулаком по столу и предложил союз назвать «свободными юношескими федерациями».

Было принято наше наименование. Зернов с тоскливой иронией и драматизмом воскликнул:

— Стоит ли находиться в «социалистическом союзе»? Моя дорога идет влево.

Будучи по своим летам, начитанности и внешности серьезней многих, Зернов сохранил массу детских и ребяческих черт.

Выбирали мы лозунг Союза. Вася Алексеев от большевиков предложил лозунг социал-демократов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Зернов в противовес предложил настолько смехотворный и нелепый лозунг, что весь райком задыхался от смеха.

Зернов откашлялся и с пафосом заявил, что «кровью добьется» принятия его предложения.

В качестве об'екта нужного ему кровопускания он избрал почему-то меня, вызвав на дуэль.

Не считая такой вызов за особенную честь, я, вместо такого романического и рыцарского разрешения вопроса, предложил райкому в доказательство того, что «буза», затеянная Зерновым, есть смертный грех, прибегнуть к новейшему способу—его «отвозить».

Как ни протестовал Вася Алексеев, но Зернов был нами крепко зажат в угол и самым добросовестным образом избит.

Считая, что теперь голосование по данному вопросу кончилось несомненно, мы перешли к другому вопросу, предварительно исключив Зернова, по формуле «сила есть право», на два заседания.

С удовлетворением заметив, что у нас голосование идет как в парламенте, Зернов успокоился, а вечером мы с ним очень мило говорили и пили чай.

Ребячество Зернова больше всего проглядывало в том, что ту партийную борьбу, которая велась в райкоме союза, ему хотелось уподобить фракционной борьбе какого-либо парламента, со всеми ее проявлениями.

Так, напр., завербовав какого-нибудь парня на свою сторону, Зернов любил блеснуть такой высокопарной фразой:

— От имени фракции анархистов, разрешите мне огласить декларацию.

Обычно декларация заключалась в слове: «Протестую!»

Иногда он устраивал и обструкцию: свистел, бил о пол ногами и т. п., чтобы заглушить голос неугодного ему оратора.

В таких случаях мы прибегали для его обуздания к парламентскому способу: исключали его на ряд заседаний.

Здесь честность Зернова была изумительна. Исключенный на эти заседания, но присутствуя в качестве слушателя, он сидел чинно, тихо и смирно.

Но, несмотря на ряд его отрицательных черт, мы его все любили и главным образом за его работу в союзе.

Приглашением лекторов по вопросам чисто-научным ведал он, ибо никто из нас не обладал такой способностью, как он, уговорить лектора лекцию прочесть безвозмездно, даже без оплаты путевых расходов.

Нужно было вовлечь молодежь завода в Союз, мы посылали Зернова—и он убеждал их в необходимости быть в союзе.

Оборудование помещения, заготовка дров, литературы, иначе говоря, вся хозяйственно-техническая работа лежала на нем.

ЗЕРНОВ И КАДЕТЫ.

Как на факт, показывающий преданность Зернова Союзу и его хозяйственную деятельность, можно указать на следующее: несмотря на бедность, делопроизводство было поставлено на такую широкую ногу, что покупаемой бумаги не хватало и мы терпели в ней большую нужду.

Из затруднения обычно выручал Зернов.

Вместе со своим другом, ныне здравствующим в Ленинграде т. Васильевым (б. лев. эс-эр), вооруженные «кольтом», они заявлялись в злосчастный комитет партии народной свободы и забирали всю бумагу, какую там находили.

И это было неоднократно.

Помнится мне и другой случай. Союз нуждался в деньгах. Нужны были знамена, воззвания, но из-за отсутствия денег ничего у нас не выходило.

Тогда Зернов где-то ободрал в квартире все шторы и гардины, присовокупил свои дырявые брюки и, продав их на толкучке, деньги сдал в кассу Союза.

Но, помимо этого, Зернов был не чужд и «политической» работы Союза.

В одну из темных ночей, он вместе с Васильевым ухитрился в Петергофском районе ободрать на стенах все воззвания и выборные списки партий: народной свободы, «Единства» и меньшевиков.

В другой раз, опять-таки с Васильевым, он разогнал собрание кадетов в 150 чел. Не вытерпев таких «репрессий» и гонений, этот комитет поспешил убраться из нашего района.

Мы смеялись над этим до упаду.

Как показатель его отношения к большевикам, характерен следующий случай.

Шло голосование программы союза. Видя колебания Зернова и опасаясь, что он будет голосовать вместе с меньшевиками, что проваливало наше предложение, я шутливо состроил презрительную мину и, обращаясь к нему, воскликнул:

— О, анархия! О, мать порядка и справедливости! С кем ты хочешь быть вместе? С какими-то меньшевиками.

Зернов подумал и тоже с презрительной гримасой заметил:

— Да! Уж лучше грешить с большевиками, чем преступничать и блудить с меньшевиками!—и голосовал с нами.

И грешил с большевиками Зернов до самой смерти.

После Октябрьской революции он был убит в одной из квартир анархистов при их разоружении.

Но об этом могут рассказать другие.

IV. Александр Зиновьев.

Вслед за Зерновым, интересным типом первых дней юношеского движения в Ленинграде с успехом может считаться член Петергофского райкома Социалистического Союза Молодежи Александр Зиновьев.

В 1917 году ему было 18—19 лет, но по своей внешности он казался старше.

По своему виду он очен мало походил на рабочего. Его можно было причислить к числу приказчиков, мелких служащих.

Во-первых, он любил одеваться поизысканней (насколько позволяли средства) и с тем, чтобы костюм давал ему известную положительность и вид взрослого.

К брюкам «клеш» он питал некоторое пренебрежение, как к показателю молодой беспечности, удальства.

Одет он был в пальто последней моды, всегда чистое, и с которого он даже во время серьезных докладов снимал пушинки.

Под пальто «тройка», заботливо вычищенная и тщательно также оберегаемая от пачкания.

Немецкая рубашка, ворот которой повязан галстучком (по-нашему «горчишником»), всегда идеально чиста.

Ботинки всегда ярко начищены и в дни непогоды защищаются галошами.

На голове черная шляпа, на шее кашнэ.

Его можно было бы причислить к «дэнди», джентльменам, если бы он имел более изящную фигуру и интеллигентный вид, но его лицо, так же как и фигура, выдавало «крестьянскую Русь-матушку» с ее силой и грубостью.

Только это давало впечатление о нем, как о приказчике или купеческом сынке.

В довершение можно указать, что его голова была причесана, нафиксатуарена, что очень не гармонировало с взлохмаченными и нечесаными головами остальных членов райкома.

Мне кажется, что он был грешен по части употребления деревянного масла для получения приличествующей его виду прически.

Говорил он всегда спокойно, внушительно и очень авторитетным тоном.

Все его речи, доклады начинались обычно с таких предложений:

— Я полагаю! Я нахожу! Я думаю! Я считаю!

В каждом слове проскальзывала уверенность в себе, сознание собственного достоинства и пренебрежение к другим, более молодым.

По своему настроению он резко отличался от всех нас.

Мы были энтузиастами, заражающимися сами порывом и заражающие других, готовые от серьезных докладов перейти к отбиванию темпераментной «чечетки».

С ним таких вещей не случалось. Это был прозаик, математик, всегда расчетливый в своих поступках, хладнокровный, не выходящий из своего «взрослого» состояния, чтобы не потерять репутацию положительного человека.

Для полноты его характеристики можно добавить, что в субботние дни он обязательно ходил в баню, парился до изнеможения и, не бросая там купленного веника, шел домой, попутно выпивая полбутылки квасу.

Он любил читать нам (порой даже Васе Алексееву) нотации с привкусом мещанской добродетели и осуждать наши мальчишеские (с его точки зрения) поступки.

Одним словом, в нем проглядывал крепкий домохозяин, хороший крестьянский староста.

Своим самообразованием он занимался очень мало. Мы его ни разу не видели с книжкой в руках или спорящим в области какого-либо научного вопроса. Он полагался на свой здравый смысл и пользовался только теми знаниями, которые можно заимствовать в газете, в кругу друзей.

Но это он, видимо, не считал за недостаток, ибо в себе он видел «вождя рабочей молодежи» и ужасно о себе мнил.

Как выходец из крестьянской среды, он имел кучу предрассудков в своих воззрениях, которые он вырабатывал сам, был консервативен и упрям.

Из таких людей, как он, вырабатываются только лишь хозяйственники, отнюдь не агитаторы и пропагандисты.

В условиях капиталистического мира из них выходят «вожди» типа Шейдеман, Гендерсон, Сноуден, Лонгэ.

Он был выходец из крестьянской среды, и мелкобуржуазная его психология, несмотря на пребывание в рядах большевиков, вылезала наружу так часто, что хотелось закрыть уши.

Но, однако, как работник Союза Молодежи, он был очень ценен и имел перед союзом большие заслуги.

Встретился я с ним в Башенной мастерской Путиловского завода в 1916 году.

Вместе с ним мы были членами социал-демократического кружка. Должен сказать, что он там был на лучшем счету.

Мы, юнцы, во время докладов ерзали на стульях, прерывали докладчика рядом вопросов или предложением анархических проектов, загорались так же внезапно, как и остывали.

Он же молча выслушивал доклад, по окончании его передумывал и потом, не повышая тона, вступал в спор.

И, несмотря на то, что он часто ошибался, его убедить было трудно; но, однако, эта положительность импонировала старым партийцам. Когда в 1916 г. возникла мысль о создании Союза рабочей молодежи, он тоже оживился и много по этому поводу говорил, обещая союзу отдать все свои силы.

А слово с делом у него не расходилось. Когда эта мысль была по многим соображениям оставлена, он был единственный член кружка, оставшийся очень спокойным.

После февральской революции, когда на заводе «Рено» состоялось первое собрание представителей питерской рабочей молодежи, у него даже мелькнул порыв.

Он носился в этот день по мастерской, раскрасневшийся от возбуждения, говорил с подростками по вопросу о союзе, его работе.

И он так заинтересовал рабочую молодежь, что та с интересом наблюдала за всеми шагами нарождающегося союза и всемерно поддерживала его.

Вечером мы были на заводе «Рено», где Зиновьев, сидя на скамье, внимательно слушал происходящие беседы, речи и добросовестно записывал все слышанное в книжку.

На следующий день, несмотря на то, что он выступал в первый раз, он сделал самый лучший в смысле подробности доклад.

А после для солидности купил и портфель, что в то время служило отличием общественного работника от прочих смертных. Началась кропотливая и большая работа по созданию юношеской организации в Петергофском районе, и Зиновьев здесь проявил себя, как самый преданный и хороший работник Союза Молодежи.

Несмотря на то, что работа в союзе не оплачивалась, он терял много рабочих дней, уделяя их разъездам по фабрикам и заводам, делая доклады и вовлекая молодежь в новую организацию.

Это ему давалось легче, чем другим, ибо молодежь все-таки видела авторитет в людях взрослых и положительных, серьезных.

Еще в то время не было уверенности в силах подростков даже у самой молодежи, и когда она видела в числе организаторов союза таких людей, как Алекс. Зиновьев, то, конечно, им доверяла больше даже, чем Васе Алексееву, которого она считала целиком своим.

Как человек «взрослый», он пользовался бóльшим авторитетом, чем все остальные работники Союза. Так, например, Васю Алексеева, Зернова и меня молодежь называла на «ты», но Зиновьев для них был «вы».

На заводах и фабриках, при виде нашей молодости, нам не очень охотно разрешали устройство собраний; но, когда туда приезжал Зиновьев, то его портфель, внушительный вид, шляпа и

кашнэ заставляли считаться не как с мальчишкой, а как с агитатором и общественным работником.

И ему разрешали устройство митинга без всяких проволочек.

На собраниях молодежи, где выступали мы, молодежь без смущения вступала в пререкания, отпускала шутки без всякой боязни.

При Зиновьеве, при его строгом виде, она этого не делала и очень внимательно слушала его доклады.

А Зиновьев имел одно хорошее для докладчика качество. Обладая большой силой воли, он мог доказать и настоять, что молодежи следует делать так, как он говорит; она так и делала.

Кроме этого, он среди рабочих организаций старался всемерно заимствовать от них помощь молодой организации и также имел большие успехи.

Будучи членом организационного бюро (райкома), Алекс. Зиновьев работал так же рьяно. Его можно было видеть в бюро с утра до вечера, где он то обрабатывал кучку молодежи, то вместе с ними украшал помещения Союза.

Любимой его работой была организация вечеров, концертов, лекций. Здесь он был незаменим. С утра он разрабатывал план всей работы, программу вечера, составлял афиши, ездил в типографию, или сам же и печатал на шапирографе, распространял, приглашал участников и, одним словом, был великолепным организатором.

Устраиваемые нашим районом демонстрации обычно организатором имели его. Мы назначали его ответственным за демонстрацию, что ему очень льстило, и он, украшенный огромной красной лентой, метался по всем местам, наводя стройность и порядок.

Но, как пропагандист, для нас он был неподходящ и в некотором отношении опасен из-за своих взглядов на юношеское движение.

Вася Алексеев и я (следовавший всем его указаниям), как большевики, проводили ту точку зрения, что союз должен быть ярко-революционной и классовой организацией, где не должно быть места мелкобуржуазным и соглашательским течениям.

Считая, что большевики являются той партией, которая единственно верно выражает пролетарские чаяния и стремления, мы и в союзе пропагандировали взгляды большевиков, стремясь в целом союз поставить на этот путь.

Зернов, как анархист, оказался также последовательным и проводил в Союзе свою анархическую пропаганду, с которой мы, конечно, боролись весьма успешно.

Но, к нашему (даже и Зернова) изумлению, в один прекрасный день Александр Зиновьев в союзе стал лидером одной группы, проводившей и пропагандировавшей одну своеобразную точку зрения, которую я бы назвал «экономизмом в юношеском движении».

Александр Зиновьев стал настаивать на проведении того взгляда, что юношество должно защищать только свои экономические

интересы и не вмешиваться в политическую борьбу. Он говорил, что в союзе мы должны комсомольца знакомить с программами всех партий, дать понятие о социализме с тем, чтобы подросток по достижении им совершеннолетия избирал то мировоззрение, которое отвечает его складу, мыслям, характеру и настроению.

Политическую борьбу он предоставлял целиком взрослым рабочим и стремился к «нейтрализации» союзов.

«Долой партийные распри в союзе, отпугивающие молодежь!»— вот их главный лозунг.

Для этой цели Александром Зиновьевым на одном из заседаний бюро было внесено предложение внести в устав союза следующий пункт:

«Запретить вхождение в союз молодежи, состоящей в какой-либо политической партии, а тем, кои уже состоят, предложить выйти из партии или союза».

Для нас это предложение, внесенное со стороны большевика, было неожиданно и неприемлемо.

Понадобилось большое усилие со стороны Васи Алексеева, чтобы доказать, что такая точка зрения нелепа, невыдержанна и недопустима.

А для того, чтобы сорвать предложение Зиновьева, понадобился чисто союзный прием.

На основании предложения Ал. Зиновьева, Васе Алексееву, мне, Зернову и др. пришлось бы выбирать между партией и союзом.

Из присутствующих 10 товарищей за предложение А. Зиновьева высказалось 5 человек. Следовательно, голоса разделились поровну, что нам не улыбалось, так как при равенстве голосов перевес имела сторона, за которую высказывался председатель. Председательствовал А. Зиновьев.

Выручил союз темперамент Зернова. Возмутившись данной постановкой вопроса, он вскочил и, поднеся к носу защитника взглядов А. Зиновьева здоровенный кукиш, закричал:

— На-кось, выкуси! Чтобы я порвал с анархистами? Никогда.

Тот не стерпел и дал Зернову в зубы.

Я быстро внес предложение исключить ударившего за буйство с заседаний, с чем бюро согласилось.

К радости и улыбке Васи Алексеева, предложение А. Зиновьева провалилось 5 голосами против 4.

Данный момент, а затем ряд явных бестактностей, допущенных Зиновьевым, вынудил Васю Алексеева в кругу его единомышленников настаивать на том, чтобы Зиновьева так или иначе отдалить от юношеского движения.

Для этой цели он (Вася) предложил его (Зиновьева) провести в совет депутатов нашего района, где он, естественно, меньше будет уделять внимания юношескому движению и работать под контролем партии.

Зиновьев в совет был избран, и это было началом конца его комсомольской деятельности.

Для себя он это считал высшим достижением, и уже, говоря о Союзе, на лице у него стала появляться кой-какая определенная гримаса, и тон стал более авторитетным.

Затем он как-то незаметно и совершенно ушел из Союза, изредка лишь заглядывая из бани, чтобы поговорить с Союзом «коммунистических (тогда социалистических) младенцев»...

В скорости он исчез с нашего горизонта бесследно, по слухам найдя свой политический конец в болоте меньшевистской партии.

А по позднейшим слухам, наш первый организатор Союза имеет жену, сечет детей, как сидоровых коз, аккуратно продолжает ходить с веником в баню и слегка поругивает большевиков и «коммунистическую шпану—комсомольцев».

Если так, то мы не в обиде, у нас есть прекрасная память о прекрасном комсомольце Васе Алексееве.

V. Наши первые шаги.

В ПОИСКАХ ПОМЕЩЕНИЯ.

После выборов организационного бюро, работа пошла значительно живее.

На первом же заседании бюро, которое происходило в райкоме партии большевиков (Ново-Сивковская ул.), было констатировано, что дальнейшая наша работа зависит целиком от помещения и клуба. Если помещения не будет, то молодежь будет оторвана от нашего бюро, и, благодаря этому, наша работа будет мертвой.

Для подыскания помещения была избрана комиссия в составе Васи Алексеева, Зернова и меня.

Это была самая что ни на есть тяжелая работа, которая исполнялась нами в Союзе Молодежи за все время нашего в нем пребывания.

Средств в то время никаких не было, и надежд на их получение мы также не видели. Все домовладельцы, не имея от нас никаких гарантий об уплате, отказывали.

Чтобы найти выход из этого положения, анархист Зернов внес предложение совершить экспроприацию комитета партии народной свободы (кадетов), который прозябал в Петергофском районе. Но мы с этим не могли согласиться и как большевики, и в силу тактики.

Зернов за это решение нас обвинил в мелкобуржуазной идеологии, священном отношении к частной собственности и на собрании молодежи поставил в минус работы бюро.

Пробовали мы достать помещение у Совета Рабочих Депутатов Петергофского района, но там только над нами посмеялись, выразив в шутливом тоне опасение, что без присмотра старших мы будем шалить и проказить.

Заводы и фабрики нашего района также не шли нам навстречу, и мы уже считали достать под союз помещение безнадежным делом, когда случайно Вася Алексеев сумел-таки доказать

райкому партии большевиков, что необходимо более внимательное отношение с его стороны к нашей организации.

Райкомом партии нам была дана маленькая проходная комната. Но, при переезде в это помещение, часть нашего бюро категорически запротестовала.

Меньшевики, Зернов и Васильев, заявили, что в кабалу и под контроль большевиков они не пойдут и против этого переезда протестуют.

Мы сделали попытку им доказать, что никакой кабалы нет, что здесь вопрос исключительно весь в помещении.

Все было напрасно.

Тогда часть бюро узурпаторским способом известила молодежь о факте переезда.

КАК МЫ ПОБЕЖДАЛИ.

Вскоре, кляня большевиков, к нам стали захаживать и остальные члены бюро, постепенно вовлекавшиеся в работу.

Вначале вся наша работа выражалась в заседаниях. Наши заседания побивали рекорд продолжительности.

Бывали такие дни, когда бюро, собравшись в 6 часов вечера, часа в два ночи засыпало за слушанием доклада и, проснувшись утром, подкреплялось принесенным из лавочки хлебом и открывало по докладу прения.

А прения у нас были длинны, яростны и принципиальны.

Когда было найдено помещение, то на ближайшем заседании бюро был поднят вопрос о наименовании нашего Союза.

Фракция большевиков, предварительно посоветовавшись с меньшевиками, предложила назвать союз «Социалистическим Союзом Рабочей Молодежи», так как, по нашему мнению, это наименование давало верное определение политической физиономии нашей организации.

Как и полагается «честному анархисту», Зернов побагровел, возмущенно ударил кулаком по столу и предложил союз назвать «Свободными юношескими федерациями».

Ввиду того, что за наше наименование высказалась и меньшевистская и эс-эровская молодежь, к печали и горю Зернова оно было принято 9 голосами за при 1 против и 1 воздержавшемся.

Помню, что Зернов с тоскливой иронией драматично воскликнул: «Стоит ли теперь находиться в «Социалистическом Союзе»! Наша дорога идет от вашей влево».

Но бедняге пришлось до самой смерти итти сзади нас по нашей же дороге.

Досужие языки и все, пренебрежительно относящиеся к нашей молодой организации, это название переработали и стали называть наш союз «Союзом социалистических младенцев».

При выборе лозунга союза произошел еще больший шум.

Вася Алексеев предложил союзу взять лозунг социал-демократов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Васильев настаивал на лозунге социалистов-революционеров: «В борьбе обретешь ты право свое».

Зернов предложил настолько «ужасный» анархистский лозунг, что мы, не сдержавшись, расхохотались и этим подлили масла в огонь.

Он заявил, что «кровью» добьется принятия его предложения, и громогласно вызвал меня на дуэль.

Считая дуэль весьма сомнительным счастьем, я его вызова не принял, а, будучи в то время человеком темпераментным, предложил бюро Зернова «отвозить».

И вот, несмотря на возмущение Васи Алексеева, все бюро прижало Зернова в угол, где добросовестно его избили.

Только тогда Зернов, с удовлетворением заметив, что «голосование у нас идет, как в итальянском парламенте», успокоился. К тому же, мы еще исключили Зернова на два заседания, чем несказанно ему польстили.

Лозунг социал-демократов был принят 10-ю голосами за, при двух против.

На последующих заседаниях бюро нами разбирался устав и программа Социалистического Союза Рабочей Молодежи, которые были разработаны Васей Алексеевым и мною.

В точности я их не помню, но в общих чертах они заключаются в следующем:

Устав Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

1) Членом Социалистического Союза Рабочей Молодежи может быть всякий подросток от 13 до 18 лет, работающий на заводе, фабрике или ином предприятии, а также признающий программу и устав союза.

2) В члены ССРМ подростки принимаются без различия религиозных воззрений.

3) Члены ССРМ могут быть одновременно членами любой политической (кроме буржуазных) социалистической партии.

4) В члены Союза подростки принимаются по рекомендации члена какой-либо социалистической партии или союза.

5) Разрешение родителей или лиц, их заменяющих, на вступление подростка в Союз не требуется.

6) Авторитетным органом Союза Молодежи является общее собрание молодежи или конференция, собираемая не реже одного раза в месяц и полномочная при наличии на ней больше половины всех членов.

7) Общее собрание выбирает организационное бюро на срок 3 месяца, дает ему руководящие указания, заслушивает его отчеты и доклады, обсуждает все вопросы как внутренне-союзного значения, так и обще-политического.

Организационное бюро, избираемое на 3 месяца, руководит всей текущей работой Союза, созывает общие собрания и выполняет его задания и постановления. Организационное бюро ведает денежными делами Союза и дает отчет общему собранию и ревизионной комиссии.

Оно же ведает учетом членов Союза.

Устав был очень коротким, недоговоренным и неполным, но для нас это был шедевр литературной и творческой работы.

А, кроме того, наличие устава несколько узаконяло наш Союз и давало ему солидную окраску.

Обсуждение текста данного устава происходило с 8 часов вечера до 11 часов утра с перерывом на сон с 2 часов ночи и до 7 утра. Всего, следовательно, мы потратили на него 10 часов.

Прения, и довольно яростные, велись по следующим вопросам.

Кто-то требовал права вступления в союз ученикам всех без исключения училищ. Предложение было отклонено, но неофициально, без занесения в устав, было разрешено вступление в Союз ученикам ремесленно-заводских училищ, в частности Путиловского.

Ал. Зиновьев настаивал на включении в устав параграфа, запрещающего вступать в Союз подросткам, связанным с религией и с какими-либо партиями (хотя бы и большевиков). На основании этого параграфа, Васе Алексееву, мне и Ал. Зиновьеву, Зернову, Васильеву и еще двум товарищам пришлось бы или покинуть ряды Союза или оставить ряды партии.

Из 10 человек присутствующих, за предложение высказалось 5. Таким образом, если бы вопрос был поставлен на голосование, то предложение Ал. Зиновьева прошло бы или получилось бы ровное количество голосов, перевес имела бы та сторона, за которую высказался председатель. Председательствовал Ал. Зиновьев.

Выручил нас Зернов. Возмутившись мыслью о возможности ухода от анархистов, он вскочил и закричал на всю комнату:

— Чтобы я порвал с анархистами? Никогда! На-кось, выкуси!—и он поднес члену бюро под нос кукиш.

Тот не стерпел обиды и дал Зернову в зубы.

Я внес тогда предложение исключить ударившего за буйство на два заседания.

Большинством ударивший был удален, и при голосовании большинство получилось у нас (Вася Алексеев, Зернов). За наше предложение голосовало 5 из 9.

ПРОГРАММА СОЮЗА.

Принятая нами программа была также бедна. Мы это чувствовали и отмечали, что наши задачи будут указываться самою жизнью.

Заключалась программа, примерно, вот в чем.

Программа Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

а) Политические требования:

1) Признание гражданского совершеннолетия с 18 лет и право выбора с этого возраста в Учредительное Собрание.

2) Уравнение девушек в гражданских правах с юношами.

3) Обязательное, всеобщее и бесплатное образование и доступ всем сословиям в любое учебное заведение.

4) Право выбора подростками депутатов в Совет Рабочих Депутатов.

Остальные политические требования я не стану перечислять по той причине, что автор политической части программы, Вася Алексеев, «для сокращения времени», как он мне об'яснил, целиком их списал с программы партии большевиков.

б) Экономические требования:

1) Восьми-часовой рабочий день для рабочих.

2) Сокращение рабочего дня до 6-ти часов для подростков возрастом до 18 лет.

3) Запрещение для подростков ночного труда.

4) Запрещение эксплоатации подростков возрастом до 16 лет и вообще детского труда.

5) Право избрания в цеховые, фабрично-заводские комитеты, старостаты и в другие рабочие организации представителей рабочей молодежи.

РАСКОЛ С МЕНЬШЕВИКАМИ.

Принятием программы и устава мы очень выпукло дали всем представление о характере нашего Союза.

Отношение большевиков к нам резко изменилось. Вместо недоверчивого и даже пренебрежительного отношения, проглянул луч заботливости и интереса к нам.

Сойтись ближе с нами пытались и другие партии, но, встречая отпор и довольно грубый, эти попытки были ими оставлены.

Молодежь стремилась организовываться собственными силами.

Эта самостоятельность в то время являлась самым революционным фактором.

Большевики очень выгадали политически, когда не пробовали в начале движения взять молодежь под свою опеку. Это было весьма опасно в те дни, когда молодежь выкинула лозунг: «организация молодежи — дело рук самой молодежи», ибо откинуло бы молодежь в другую сторону.

Недальновидные меньшевики среди молодежи потеряли, хотя и слабое, влияние, когда поставили вопрос о подчинении Союзов Молодежи своим партийным комитетам.

Даже подростки—члены партии меньшевиков—заявили о неприемлемости такой постановки вопроса.

Но, так как в общей союзной работе проглядывали только «искания», то, воспользовавшись политической незрелостью молодежи, в союз потекла масса мечтателей, утопистов, сознательных или бессознательных защитников буржуазии.

Одним из них явился типичный интеллигент-утопист, вся идеология которого заключалась в желании видеть на земле добро и справедливость.

Но о нем мы скажем позднее.

На этой почве у нас в бюро получился крупный раскол, начавшийся особенно сильно со времени обсуждения программы.

Дело в том, что программа Союза была принята 8-ю голосами за, при 3-х против. К числу противников программы принадлежали 2 меньшевика, беспартийный и, вначале, Зернов.

Во время голосования возник следующий инцидент.

Увидя, что Зернов намеревается голосовать вместе с меньшевиками, я, к этому времени ставший другом Зернова, шутливо состроил презрительную мину и, обращаясь к нему, воскликнул:

— О, анархия! О, мать порядка! С кем ты заодно? С какими-то меньшевиками.

Зернов подумал и тоже с презрительной миной заметил:

— Да, уж лучше грешить с большевиками, чем преступничать с меньшевиками,—и голосовал за программу.

Меньшевики обиделись и потребовали извинения. Мы отказались, и они стали проводить саботаж.

Впоследствии, когда представитель партии меньшевиков, зашедший к нам ознакомиться с Союзом, Васей Алексеевым был посажен в галошу в споре, мной выруган, а Зерновым чуть не избит, два меньшевика, члены бюро, вышли из его состава и пытались создать меньшевистский союз молодежи. Опорой его была, главным образом, учащаяся молодежь (гимназисты, студенты), попадались подростки из рабочих, но скоро оттуда переходили к нам.

— Скучно больно у них. Приходят какие-то аблакаты в очках, о марксизме говорят и большевиков ругают. Уж вы нас к себе возьмите, здесь знакомых парней много,—говорила нам перебегающая молодежь.

Мы, конечно, их брали и переделывали на свой лад.

Окончательно их союз распался тогда, когда, по предложению Васи Алексеева, было разрешено в наш Союз принимать и учащихся.

Вся учащаяся молодежь, в большинстве дети рабочих Путиловского завода, хлынула к нам.

Демонстрация 1-го мая 1917 года, где тысячные толпы молодежи шествовали с красными знаменами и лозунгами большевиков, установила за Петергофским районом ярко-революционную репутацию.

Петергофский район Союза был единственным районом, где с самого начала Союз назывался «Социалистическим Союзом Рабочей Молодежи», и это название никогда им не изменялось на название «Труд и Свет», как это многие предполагают.

ВТОРОЕ ОБЩЕГОРОДСКОЕ СОБРАНИЕ.

Однажды, в мае месяце 1917 года, нашим организационным бюро было получено сообщение, что в Выборгском районе, в столовой завода «Рено» состоится второе собрание представителей питерской рабочей молодежи.

От нашего организационного бюро в качестве представителей Петергофского района были командированы на это собрание Зернов и я.

Данное собрание было посвящено вначале происшедшей первомайской демонстрации. Все районы давали отчет о количестве участвовавшей на демонстрации молодежи и о их настроении.

Цифра была внушительная, что-то больше 100.000 человек участвовавших.

Затем перешли к докладам о работе в районах. Это был сплошной плач. Везде в районах, за исключением Выборгского, Союза не признавали и считаться с ним не хотели.

В то время, когда в Выборгском районе имелся 1 представитель в Совете и во всех фабзавкомах члены от молодежи, в других не было даже и помещения. Сквернее всего дело обстояло в Обуховском районе.

В конце собрания было предложено для руководства всей работой избрать центральный комитет. Вот в этом-то месте и выплыл в историю Союза Молодежи либерал П. Шевцов, которому многие ошибочно приписывают идею организации Союза Молодежи в Питере.

Кто он был, откуда он, нас тогда мало интересовало. Знали мы только то, что на заседание он был приведен активным работником Выборгского района тов. Гр. Дрязговым.

Одним из отличающих П. Шевцова качеств было его умение красочно говорить, а это тогда было мерилом всех положительных качеств.

Он нам рассказал о структуре заграничных организаций предложил нам и свои строить по этому типу и в заключение предложил нашу центральную организацию назвать «Межрайонный Комитет Труд и Свет».

Многие товарищи не правы, утверждая, что против этого предложения никто не возражал.

В выступлении от Петергофско-Нарвского района было указано, что это наименование не дает никакого представления о характере (политическом, классовом) организации, и предложено для всех союзов принять наименование «Социалистический Союз Рабочей Молодежи».

Мною же было заявлено, что мы никогда в своем районе не примем такого наименования, как «Труд и Свет».

Мое предложение было провалено.

СОСТАВ СОВЕТА «ТРУД И СВЕТ».

В первый межрайонный совет были избраны:

От Выборгского района: Метелкин, П. Бурмистров, Цепков, Кузнецов, Дрязгов.

От Нарвского района: И. Скоринко, Зернов (впоследствии С. Минаев и Вася Алексеев).

От Петроградского района: П. Смородин и А. Бурмистров.

От Московского: Л. Файвилович, Таня Голубева.

От Василеостровского: Соколов.

От Невского: Канкин.

Состоя из 40 человек, совет активных членов имел 15 человек.

По партийности совет приблизительно распределялся так:

Большевиков — 5, анархистов — 3, меньшевиков — 2, эсэров—1 и остальные беспартийные.

При избрании президиума туда прошли следующие лица:

П. Шевцов—председатель (социалист, вне-партийный).

Дрязгов—тов. председателя (меньш.).

А. Бурмистров—тов. председателя (эс-эр).

А. Соколов—секретарь (меньшев.).

Как видно, состав президиума был слишком характерен и показателен для политической физиономии всего совета.

Должен отметить, что хороший прием П. Шевцову был оказан вследствие рекомендации его Выборгским районом, который, как более сильный и революционный, был для нас авторитетен.

Но вскорости Зернов и я из межрайонного комитета вышли с санкции организационного бюро.

УКЛОНЫ «ТРУДА И СВЕТА»

Причиной тому был сам П. Шевцов и его политика. С первых дней мы в П. Шевцове увидели человека, вошедшего в нашу организацию с целью отвлечь ее от революционного пути и революционного действия.

Это было ясно с первых заседаний, на которых П. Шевцов выступал с докладами, очень часто указывая, что юношеству следует стоять вдалеке от партий и революционной борьбы, так как организация должна носить «вне-партийный и вне-классовый характер», и задачи ее должны быть чисто культурно-просветительные.

— Мы должны среди рабочей молодежи развить чувство эстетики, любовь к прекрасному, а не толкать молодежь в омут тех

страстей, которые происходят сейчас и в которых чувствуется запах крови,—так закончил однажды свой доклад П. Шевцов.

Вся цель этой организации выявляется в пункте 5 ее устава, где говорится, что целью организации являеется «развить в пролетарском юношестве чувства прекрасного и величавого, стремления к удовольствиям художественного свойства».

С какой иронией я вспоминал этот параграф в боях во время гражданской войны, при виде изрешетенных пулями, искалеченных людей, разрушенных городов, зданий.

Едва ли все это может быть причислено к «удовольствиям художественного свойства».

Уже по этому пункту можно судить о всей организации «Труд и Свет», как весьма опасной для классового сознания и революционности молодежи.

Одновременно стали носиться нестройные слухи о финансировании организации «Труд и Свет» капиталистом Нобелем.

За что? Напрашивался вопрос, и постепенно у нас зародилось вполне определенное мнение о П. Шевцове.

Казалось порой, что мы, вместе с центральной организацией питерской молодежи, горевшие жаждой борьбы и боев, попали на толстовский «литературно-музыкально-вокальный вечер».

Здесь говорили о музыке, живописи, кройке и шитье, литературе, памятниках искусства, непротивлении злу, но ни слова не было сказано о социальной революции, гражданской войне и борьбе за социализм.

Вначале Вася Алексеев и другие делегаты пробовали «громить» П. Щевцова, но, видя, что он пользуется поддержкой большинства членов всерайонного комитета, плюнули на это дело и с согласия своих избирателей ушли. Только лишь меня одно время посылали в качестве «молчаливого» делегата для связи, но я, к худу ли или добру, почти туда не появлялся.

В то время в «Труде и Свете» замечался раскол. Существовали три группы: левая, группировавшаяся около нашего района,— сюда примыкали целиком Московский и Обуховский районы и одна делегатка Петроградского. Лидером был Вася Алексеев, центр, в котором крупную роль играл т. Бурмистров и Кузнецов, и правая, куда примыкало большинство, возглавляемое т. Гр. Дрязговым.

Центр определенной линии не имел, и голосовал то с правой группой, то с левой.

Возвратить нас (делегатов Нарвско-Петергофского района) в межрайонный комитет «Труд и Свет» заставил следующий факт.

ЛЕНИН О «ТРУДЕ И СВЕТЕ».

Однажды, после собрания в районе представителей заводской молодежи, где была принята «устрашающая» для Временного Правительства резолюция и где попутно мы ругнули «Труд и Свет», я был делегирован в редакцию «Правды».

Придя туда и спросив «кого-либо» из редакции, я был впущен в одну комнату, где увидел небольшого роста человека, читавшего газету.

При моем входе он отвлекся от газеты и спросил довольно любезно о цели моего прихода.

Я показал ему принесенную резолюцию. Товарищ прочел ее очень внимательно, улыбнулся и спросил, кто ее писал и почему мы ругаем «Труд и Свет».

Будучи «бойким» и к тому же «активным работником», я, сгорая от авторского самолюбия, сказал, что резолюция моя, а «Труд и Свет» мы ругаем потому, что на наш взгляд эта организация «портит» наше классовое самосознание и отвлекает нас от дела наших отцов —революции.

Товарищ заинтересовался и стал о юношеских организациях расспрашивать более подробно. Узнав, что наш рабочий район вышел из комитета, он заволновался и несколько раз повторил, что этого делать не следует.

— Наоборот, нужно на собраниях раскрывать планы П. Щевцова и указывать молодежи, что они и П. Шевцов говорят на разных языках,—так говорил товарищ.

Там же он мне преподал несколько советов по ведению политических полемик и фракционной борьбе.

Чуть не бегом я помчался к себе в район и, разыскав Васю Алексеева, рассказал ему о беседе.

Во время рассказа он попросил меня описать наружность того товарища, который со мной говорил, и когда я это сделал, Вася стал меня уверять, что это был не кто иной, как тов. Ленин.

Ленина я еще в то время не видел и согласиться с Васей Алексеевым не мог. Но когда впоследствии я увидел тов. Ленина, я склонен также утверждать, что в юношеской организации в редакции «Правды» со мной говорил тов. Ленин.

Устроив экстренное совещание по вопросу о межрайонном комитете, организационное бюро, согласно указания тов. Ленина, постановило вновь войти в комитет с целью его разрушения и создания во всем Питере единого Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

С этого дня наш район сделался официальным оппозиционером, о чем Васей Алексеевым было указано в декларативном заявлении на заседании комитета.

РАЗВАЛ СОВЕТА.

На каждом заседании наш лидер Вася Алексеев раскрывал сущность организации «Труд и Свет», вставая на ножи с П. Шевцовым в области принципиальных вопросов.

Васе помогали и мы, помимо выступлений, ведя индивидуальную агитацию, которая по одному человеку еженедельно вырывала из рядов «Труда и Света» и усиливала наши ряды.

Для усиления левой, я уговорил некоторых товарищей, ушедших вслед за нами из комитета, возвратиться вновь. Бывали дни, когда П. Шевцов, видя губительное для себя влияние Васи Алексеева, упрашивал его выйти из состава межрайонного комитета, указывая, что он (В. Алексеев) стар годами (21 год) для комитета.

Вася же напротив требовал ухода П. Шевцова. Неприязнь к Шевцову доходила до такой степени, что Зернов обещался в союзе с кем-то избить П. Шевцова и Гр. Дрязгова. Мы его уговаривали этого не делать.

На каждом заседании авторитет П. Шевцова подрывался, и чувствовалась близкая гибель всей его организации.

Скоро так и случилось.

Как-то, говоря о первом мае, он стал доказывать, что это праздник весны и оживающей природы. Мы добавили: «и труда». Он не согласился, и часть молодежи примкнула к нам.

В то время для нас это было символом революционной борьбы и священно. П. Шевцов определял его как «красную тряпку» и бредил о чистом голубом знамени.

Помню, как Зернов в ответ на это истерически закричал:

— Да что же это, товарищи, за человек! Да за это бьют.

Когда обсуждался вопрос об устройстве демонстрации протеста против игнорирования требований молодежи, Шевцов, к общему изумлению, стал настаивать на том, чтоб демонстрация пошла под голубыми знаменами, долго распинаясь о «чистоте» этого цвета.

Здесь он излил все свое настроение, и молодежь прозрела.

В наш район стали прибывать делегаты других районов, с которыми и намечался план действий по уничтожению «Труда и Света».

Для того, чтобы оставшейся верной П. Шевцову молодежи было ясно, что Шевцов—враг социалистических идей и имеет тайную цель отвлечь молодежь от революционной борьбы, Вася Алексеев предложил на каждом из собраний всерайонного комитета выступать с такими принципиальными вопросами, где Шевцов обязательно выступит в качестве оппонента и будет губить сам себя. Мы так и сделали.

Вскоре после этого подвернулся довольно для нас хороший случай. На одном из заседаний, Шевцовым, Дрязговым и еще одним поэтом был предложен какой-то диковинный манифест для рассылки по России и за границей.

Взявши тотчас же слово, Вася Алексеев указал, что принятие такого манифеста опозорит революционную питерскую молодежь, что даже московская молодежь, взявшая идею организации молодежи в Питере, носит революционное наименование «III Интернационал».

В заключение он иронически спросил, не списал ли Шевцов этот манифест у детей общества «Маяк», настроению которых он отвечает.

Желая в этот же день разрушить всерайонный комитет, Вася Алексеев сделал заявление, что Петергофский район, не желая порочить свою революционную репутацию участием в голосовании такого манифеста, покидает заседание.

Вскоре окончательно «Труд и Свет» развалился—это было в день его 4-х-месячного юбилея.

В историю входил «Социалистический Союз Рабочей Молодежи», предшественник Комсомола.

VI. Районщики за работой.

Парралельно с той разрушительной работой, которую вел Петергофский район Союза в межрайонном комитете «Труд и Свет», нами велась довольно большая и серьезная работа (для того времени) внутренне-союзного характера.

Особенно большую работу мы наметили по улучшению своего союзно-руководящего аппарата, поднятию репутации Социалистического Союза Рабочей Молодежи среди рабочего класса и вовлечения в него молодежи.

Начну с освещения нашего аппарата, при помощи которого мы в то время работали.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОТЫ.

Прежде всего должен заметить, что организационное бюро, состоящее из 11 человек, вело работу исключительно в вне-рабочее время. Порой, конечно, в силу неотложной работы нам приходилось отвлекаться от непосредственной работы на заводе, но это мы старались делать реже, так как никакой денежной компенсации из Союза за утраченный рабочий день мы не получали.

И если бы было постановлено за эти дни платить, то, вероятно, никто бы из нас деньги брать не согласился, зная, что Союз деньгами очень беден, а кроме того в союзной работе мы находили удовлетворение и отдых от фабричной.

О штате, состоящем из оплачиваемых переписчиков, машинисток, делопроизводителей, у нас и мысль не приходила.

Всю техническую работу, главным образом выражающуюся в записи членов Союза, переписке и ведении протоколов, вел секретарь, избираемый на тот же срок, что и бюро.

Распределения обязанностей между остальными членами бюро не было никакого. Исполнение союзной работы велось в большинстве коллегиальным путем. Так, например, как я уже указывал, для подыскания помещения под Союз была избрана специальная комиссия, хотя эту работу мог бы с успехом проделать один из товарищей. Но и комиссии избирались только на срок выполнения того или иного задания. После его выполнения они распадались.

Теперь о самой работе.

Для лучшего ознакомления с проделанной нами работой я буду освещать ее в отдельности каждую.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ.

Руководил административно-канцелярской работой и выполнял ее секретарь, не имеющий определенных служащих, но пользующийся на основании постановления бюро правом кооптации в помощь себе как членов бюро, так и членов Союза.

Вся работа его разбивалась на ряд следующих функций: учет и прием новых членов (запись их), ведение всех протоколов собраний, казначейские обязанности и ведение текущей переписки.

Секретарем бюро обычно избирали товарища с красивым почерком (обязательно) и хорошо грамотного.

Учет членов Союза велся по одной толстой книге, где записывалось: 1) имя, отчество и фамилия, 2) год рождения, 3) место службы, 4) время вступления в Союз, 5) адрес и больше ничего.

Все дела секретаря состояли из входящего и исходящего журнала, входящего дела, исходящего дела и дела протоколов.

Конечно, при таком простом ведении делопроизводства, секретарь с ним справлялся вполне.

Дела Союза заводились чуть ли не ежедневно, так как комната, где находилось бюро, не запиралась и сторож райкома партии очень часто и текущую переписку и протоколы наших собраний употреблял на завертывание селедок и даже интимные цели.

При отсутствии каких-либо средств в Союзе, нас это очень огорчало.

Бывали дни, когда, после уничтожения наших дел, работа почти что замирала. Бумаги нет, адреса потеряны, вести протоколы не на чем и купить не на что.

В таких случаях на помощь секретарю приходил Зернов.

В компании с кем-либо из союзников, больше всего с т. Васильевым, он направлялся к комитету партии народной свободы и, проникнув туда под страхом своего огромного «кольта», забирал у испуганных кадетов всю бумагу. Работа оживлялась вновь.

Особенно большую работу наша канцелярия проделывала перед собраниями Союза. Дело в том, что вначале каждый член Союза Молодежи созывался на собрание повестками.

Еще за неделю бюро, заготовив бумагу, брало заимообразно у райкома большевиков шапирограф и приступало к печатанию повесток.

К этой работе привлекались все без исключения. Часто и Вася Алексеев с самым деловым видом катал валик по накладываемой мною и Зерновым на шапирограф бумаге.

После напечатания текста бюро писало адреса и фамилии, затем наклеивало марки (если, конечно, в это время были деньги) или же само разносило их по домам членов Союза Молодежи.

Эта работа у нас происходила днем и ночью. Вот в этом-то и кроется об'яснение тому, что мы старались возможно меньше созывать собрания.

ФИНАНСЫ СОЮЗА.

Союз с самого начала вечно нуждался в деньгах. Это происходило потому, что к тому времени, когда к нам поступали какие-либо суммы, Союз уже успевал быть должником, с которого ежедневно пытались содрать долг.

Определенного источника, из которого Союз наполнял бы свои средства, не было. Все поступления были случайного характера.

Вначале бюро отвергло предложение установить членские взносы. Нам казалось, что это отобьет от нас молодежь, да и сама союзная организация никаких нужд, требующих наличия денежных сумм, иметь не будет.

Но все деньги, которые к нам поступали, были все-таки деньгами рабочей молодежи, пополнявшей нашу кассу добровольными отчислениями.

Первый почин в этом отношении был сделан заводом «Анчар», молодежь которого, под влиянием агитации Васи Алексеева, совместно с взрослыми отчислила довольно изрядную сумму.

Такое событие заставило всех членов организационного комитета, при выступлениях с докладами о целях и задачах рабочей молодежи, едва ли дипломатично и призрачно, намекать рабочей молодежи о необходимости отчисления средств для поддержания работы нашего Союза.

К чести рабочей молодежи должен сказать, что особых трудов к проведению отчислений на союзы затрачивать не приходилось.

Ежедневно представители завода или фабрики являлись к нам, принося определенную сумму с соответствующей, по этому поводу, резолюцией.

Но таких отчислений все-таки не хватало для удовлетворения всех нужд нашего райкома.

Я не знаю, что бы район делал без Путиловского завода, рабочая молодежь которого на свои средства держала всю районную организацию, и без Зернова—«анархо-рекламы», который являлся главным лицом, финансировавшим организационное бюро.

Когда Союз испытывал особые финансовые затруднения, обычно на помощь приходил Зернов.

Вкупе с другим членом нашего райкома, т. Васильевым (б. левый эс-эр, ныне член РКП), он заявлялся в находящийся по соседству с нами райком партии народной свободы и, смотря по обстоятельствам, удовлетворял нужды Союза.

Если Союз нуждался в канцелярских принадлежностях, то Зернов, покачивая огромнейшим «кольтом», забирал у ка-детов все, что у них было: бумагу, ручки, перья.

Если же нужда была в деньгах, то он забирал ходкие на рынках предметы, как например: шторы, скатерть, и обращал их в деньги.

А однажды им даже были проданы его рабочие затасканные брюки для того, чтобы на вырученные деньги выкупить воззвание, написанное большевиком Васей Алексеевым.

В дни, когда были свободные деньги, Зернов покупал где-либо со скидкой книги, журналы, газеты и, накинув на них небольшой процент, продавал среди молодежи и рабочих.

Помимо этого, касса пополнялась также деньгами, вырученными от продажи билетов на лекции, спектакли и танцы, устраиваемые районной организацией.

Но все это были случайные средства, колеблющиеся ежемесячно и не дававшие райкому возможности выработки известного плана работы на будущее...

Тогда, по инициативе подростков Путиловского завода, решено было перейти к взиманию вступительных взносов и членских взносов, которые и были приняты всеми без возражения.

Вступительный взнос колебался в зависимости от заработка подростка—от 10 копеек и до 1 рубля, но тверже мы брали 50 копеек.

Членский взнос выражался в 1% заработка. Как от вступительного, так и членского взносов безработные подростки нами освобождались.

Основным недостатком всей нашей финансовой деятельности была беспечность наших работников, выражающаяся в расходе на нужды Союза денег, не считаясь с бюджетом.

Свой бюджет к концу месяца мы сводили порой с дефицитом, превышающим наш трехмесячный доход.

Но был еще один недостаток и, кажется, самый главный. Это—беспечность наших казначеев. По крайней мере, денег у них в минуты нужды не было. Проводя все время в Союзе и часто голодая, они схватывали известную сумму и проедали в течение нескольких дней в близлежащей чайной.

Приходилось ждать до получения жалованья.

В конце концов нас выручил педантичный Зиновьев, бывший хорошим и щепетильным казначеем.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

Самым сильным видом нашей работы являлась культурно-просветительная, идейным руководителем которой был Вася Алексеев, а лицом исполнительным был, как ни странно, Зернов (анархист).

В виду того, что под культурно-просветительной работой я подразумеваю, главным образом, обще-образовательную пропаганду и кружковую работу, политические доклады и работа будет мной освещена позже.

В области культурно-просветительной работы у нас было две точки зрения. Одна точка зрения, которой придерживались Зиновьев, Зернов и я, заключалась в следующем.

Считая, что Социалистический Союз Рабочей Молодежи есть строго-политическая организация, долженствующая дать вполне законченное политическое воспитание подростку для вступления его вполне зрелым в партию, мы отвергали всякую культурную работу в виде кружков, лекций не-политического характера.

Другая же точка зрения Васи Алексеева, правоту которой мы впоследствии признали, убедившись на практике в ее целесообразности, заключалась в том, что, признавая Союз за строго-политическую организацию, тем не менее, в целях вовлечения в ряды Союза рабочей молодежи, а также использования целиком его свободного времени под контролем Союза и отчуждения его от улицы, следует культивировать все виды работы: как кружки, так и лекции хотя бы не-политического характера.

Так как точка зрения Васи была большинством признана правильной, то райком использовал все возможности для постановки этой работы.

Приняв во внимание, что большинство молодежи имеет собственные музыкальные инструменты, был организован великорусский оркестр под режиссерством одного молодого рабочего Путиловского завода.

Оркестр участвовал на наших концертах и танцах, которые мы устраивали еженедельно в целях пополнения кассы.

Но танцы во многом отличались от современных «танцулек». Там был порядок, и была даже идейная работа, ибо Вася Алексеев, любимец молодежи, был всю ночь окружен, как апостол, молодежью, среди которой он вел интересные политические беседы.

Организованы были также: хоровой кружок, разучивающий революционные песни, политический, изучения языков, кружок изучения программ политических партий.

Еженедельно устраивались экскурсии по музеям, а также пикники за город, пользующиеся особенным расположением рабочей молодежи.

Не менее двух раз в неделю читались лекции приглашенными авторитетами науки: по мировоззрению, гигиене, технике, литературе.

При этом должен отметить один характерный момент:

Приглашенный нами лектор (имя рек) по истории литературы оказался, к ужасу Васи Алексеева, не «марксистом».

Вызванные к Васе я (большевик) и Зернов (анархист) увидели его растрепанного и взволнованного.

— Вы знаете, что пригласили лектора не-марксиста? — закричал он в возмущении.

Будучи очень молоды для того, чтобы разбираться в марксистской идеологии, но по виду Васи почувствовав, что мы совершили что-то ужасное, мы могли только убито прошептать:

— Да ну?

И после этого мы с Зерновым, прежде чем пригласить лектора, самым серьезным образом наводили справки: «марксист ли он?

Как правило, лекторам мы не платили, да и они, обрадованные такой хорошей и восприимчивой аудиторией, какой была наша, денег не спрашивали.

Но лучше всего у нас был поставлен аппарат «приспосабливания» (как мы его назвали).

В Петергофском районе не было ни одной лекции, постановки, где бы не давались места нашему Союзу.

Если что-либо устраивали партия большевиков или заводы, то билеты нам присылали или мы их выпрашивали.

А если что-либо ставили другие организации, то мы здесь не церемонились.

Если нас не впускали в помещение, то анархист Зернов брал на себя функции дирижера—и начинался такой гранд-кошачий концерт, что двери растворялись с самой гостеприимной широтой.

Но сила нашего района (Петергофского) заключалась в политической работе. В этом отношении мы были сильнее других районов и имели самые разнообразные методы и необычайно оригинальные.

Политическую работу Союза я разобью на два вида: теоретическую и демонстративно-показательную.

Начну с освещения последней.

По предложению Васи Алексеева, каждый активный член Союза, работающий в заводах и фабриках, в случае устройства там митинга обязан был заблаговременно известить райком, чтобы мы имели возможность под тем или иным предлогом двинуть туда молодежь, преследуя две цели: чтобы ребята сами кое-что там послушали и одновременно изображали мнение «народное».

Излюбленным заводом был у нас Путиловский. Узнавая заранее о митинге, мы со всех заводов сзывали комсомольцев и рассаживали их на крыше конторы, находящейся рядом с трибуной.

При этом Вася Алексеев обычно становился на трибуне, а мы с Зерновым садились на трубе и зорко посматривали на Васю.

И вот, когда во время речи большевика Вася утирал нос, мы с Зерновым подавали команду, а остальные комсомольцы солидно хором подтверждали:

— Правильно! Верно!

Во время же речи соглашателя нахлобученная на глаза шапка у Васи служила нам разрешением начать концерт.

Часть ребят самыми скверными голосами заводила бесконечную:

... Ночь пройдет, настанет утро,
Пройдет утро—будет день...

Другая же часть «загоняла свистунов». Заправив в рот пальцы, мы свистали, не взирая на то, что на крышу сыпались гайки, камни, и снизу посылались нам угрозы. Нам ли сдаваться?

В большинстве мы заражали рабочую массу.

И соглашатели вероятно хорошо знали крышу. В начале своей речи слово «товарищи» всегда произносилось по направлению к нам, так же как и все красочные места.

Очень часто к нам подсаживались и взрослые (анархисты, большевики), указывающие нам, в каких местах речи оратора нам следует громче или аплодировать, или свистать.

И только однажды с нами случился грех! Перед выступлением на Невский 3 июля мы освистали большевика т. Войцеховского (путиловца), старавшегося удержать рабочих от этого выступления.

Вечерами у нас была другая работа. Мы ездили на Невский для агитации. Собирались в райкоме и толпой направлялись в центр, где, выбрав группу солдат, обрабатываемых соглашателями, старались им противодействовать.

Вечера в большинстве случаев у нас оканчивались печально. Нас избивали и ночевать отправляли в участок.

Но это ничуть нас не смущало. На следующий день мы вновь ехали на Невский, удивительно верно предполагая, что и сегодня будем избиты. Тов. Устинов, Зернов и я были особенно в этом отношении неблагополучны синяки и кровоподтеки у нас служили предтечей значка «Ким'а»!

О политработе такого рода можно писать бесконечно.

В демонстрациях мы были также первыми и грудью защищали большевистские знамена.

50% всех членов Союза были записаны в Красную Гвардию и активно участвовали в вооруженных восстаниях 3—5 июля и октябрьском.

Союз вместе с тем являлся для партии тем же, чем и «Севпечать» в данное время для всех изданий.

Получив воззвания большевиков, мы варили клейстер, брали кисть и направлялись под охраной молодежи «гулять». Первый мазал клейстером стену, второй наклеивал воззвание, третий его расправлял, а остальные очищали забор от воззваний других партий.

Воззвания мы разносили по мастерским, станкам; лучших распространителей партия и желать не могла.

МОЛОДЕЖЬ И КАДЕТЫ.

Из нашей наиболее крупной работы можно указать наиболее курьезный факт.

По Петергофскому шоссе в небольшом здании приютился райком партии народной свободы, который мы захотели во что бы то ни стало выжить. За это дело взялся Зернов и Шурка Васильев (б. левый эс-эр, ныне член РКП).

Оба вооруженные «кольтом», они среди бела дня заходили к ним, брали бумагу, перья и уходя заявляли, что, в случае нужды в этих предметах, они «по-товарищески» зайдут еще.

Группа кадетов насчитывала человек 100. И вот в день собрания Зернов и Васильев заявились к ним, влезли за стол президиума и от имени Союза Молодежи, под звук ударяемого о стол «кольта» «приказали» разойтись. Громко возмущаясь, те разошлись.

В дни выборов в районные думы эти два парня целую ночь срывали списки и воззвания всех партий, за исключением большевиков, от Нарвских ворот и до Красного кабачка (верст 5).

В другой раз они утащили оттуда тюк воззваний.

Обыватели-кадеты, боясь таких «гонений», скоро перестали туда ходить, а через некоторое время, к нашему злорадству и смеху, райком приказал долго жить.

Пакостил Союз еще в большей мере соглашателям. Соглашатели боялись Комсомола.

Помнится мне случай с эс-эрами. Как-то мы проведали, что в Петергофский районный комитет эс-эров приедет Камков (левый эс-эр) и один из правых, для доклада по очень спорному вопросу.

Так как охрана у дверей стояла из знакомых нам лиц, то масса комсомольцев туда прошла беспрепятственно.

При выборе президиума мы входили за равноправных членов партии, и нашими почти голосами туда были избраны левые. Во время доклада правого эс-эра, комсомольцы, находящиеся у левых, свистнули. Правая часть собрания набросилась на левую, и у эс-эров началась огромная ссора, усилившая еще больше их расхождение. Скандал вышел огромный, а мы злорадно посмеивались.

В день демонстрации юношества, единственный наш район был под сенью ярко-красных знамен с лозунгами: «Мир хижинам», «Война дворцам», «Долой войну», «Война войне»! И когда на эти знамена набросились юнкера, гимназисты, студенты, то мы не дали их даже изорвать, хотя древки знамен были в щепы разбиты о головы наших противников. А уж наши кулаки в защите знамен были лучше кулаков сенновских молодцов!

Теоретическо-политическая работа заключалась в том, что четыре большевика из 11 членов райкома были крепко спаяны и диктаторски разрешали все вопросы.

Так, например, мы старались для докладов среди юношества меньше всего пускать лиц, принадлежащих к другим партиям.

Эс-эры, меньшевики и Зернов у нас были техническими работниками.

Кроме того, мы имели Васю Алексеева. Еженедельно он делал молодежи доклады по текущему моменту, я писал резолюции в ультра-большевистском духе, а эс-эры и меньшевики, ругая за это весь Союз самым неподобающим образом, отдаляли от себя молодежь.

Помимо этого мы вели и индивидуальные беседы по политическим вопросам, держа молодежь в курсе всех событий.

Нами заблаговременно доставалась большевистская литература, которую мы с большой назойливостью и успехом распространяли среди молодежи.

Кроме этого, для революционизирования мы таскали молодежь по всяким собраниям, где были уверены в силе большевиков.

В известной мере в революционизировании нашего Союза сыграл роль тот факт, что мы по многим побуждениям переехали в райком партии большевиков.

Теперь несколько слов о нашей экономически-правовой работе.

ЭКОНОМИЧЕСКИ-ПРАВОВАЯ РАБОТА.

Когда пишешь об экономически-правовой работе, то не следует понимать, что был соответствующий этому отдел с завами, замзавами и секретарями. Под экономически-правовой работой я подразумеваю зачатки того, что сейчас входит в функции данного отдела нашего Союза и что ранее выполнялось всем райкомом.

Прежде всего в задачу Союза первых дней, помимо воспитательной работы среди подростков, была поставлена защита их экономически-правовых интересов.

Петергофский район справлялся с этой работой вполне, но употребляя такие примитивные и оригинальные формы этой защиты, которые сейчас при введении уголовного кодекса немыслимы.

Для примера возьму борьбу Союза с детской эксплуатацией.

Уже в то время подростки чувствовали, что Союз начинает быть силой и может помочь им при многих случаях. При всяких обидах и несправедливостях, подросток шел жаловаться в Союз.

Однажды на собрании райкома, в текущих делах была зачитана жалоба двух подростков на притеснение и эксплуатацию их хозяином-лабазником, и они убедительно просили Союз им помочь.

В качестве «инспектора труда» был командирован т. Зернов. Было обнаружено, что 15-летних ребят заставляют работать с 7 ч. утра до 9 ч. вечера, таскать громоздкие кули, бегать с разноской покупок при самой мизерной оплате.

— Что же теперь делать?—напрашивался у нас вопрос.

Из положения вывел нас Зернов, обнаруживший «очень большие способности» в деле защиты экономически-правовых интересов молодежи.

Вечерком, когда в лабазе не было покупателей, Зернов вошел в лавку к хозяину с нахлобученной панамой и, подойдя к прилавку, поднес хозяину вытянутый кулак.

— Видишь?

— Вижу!

Из-за пазухи вслед за кулаком Зернов вытянул для убедительности огромнейший «кольт».

— Видишь?

— Вижу,—прошептал побледневший от ужаса лабазник.

Увидев, что кулак и «кольт» произвели известный эффект, Зернов пред'явил такие требования: подросток должен работать не свыше 7 часов, не таскать покупок свыше пуда и иметь увеличенный заработок.

— А если ты, образина, этого не выполнишь, то зубы выбьем и стекла в лабазе перебьем!—дополнил Зернов.

Через три дня, после невыполнения этих требований Зернов и (кажется) эс-эр Васильев перебили стекла в лабазе, в крупу вылили керосин, а примусом разбили хозяину физиономию, с обещанием, если что, повторить.—Конечно, все было выполнено.

После этого Зернов у нас был почти одним работником в области экономически-правовой защиты.

Помимо устранения лабазников и лавочников, Зернов терроризировал и начальство (мастеров, старших) в заводах, притесняющих молодежь.

Фактов его деятельности много, но все они сходны с указанными: интересы подростка охранялись кулаком, «кольтом» и зуботычинами Зернова.

В тех же случаях, когда подросток приходил в Союз жаловаться на своих родителей, изгнавших его из дому из-за поступления парня в Комсомол, поступалось иначе.

Прежде всего подростку давались деньги на питание из скудных средств райкома, а жилище предоставлялось кем-либо из комсомольцев.

В заводе же подбирался благообразный на вид, но бунтарь по душе, старик, которого мы упрашивали сходить побеседовать с родителями подростка. Тот шел и, оперируя всеми доводами вплоть до ссылок на «священное писание», улаживал конфликт.

В больших фабриках и заводах, когда вставали интересы рабочей молодежи, требующие разрешения, проявлялась деятельность Васи Алексеева, который ставил вопрос на заседании соответствующего завкома и профсоюза и путем всевозможных доводов вынуждал (порой буквально) дать нужное и здравое решение.

Дело до стачек у нас поэтому и не доходило.

Впоследствии, для предупреждения таких явлений и для защиты интересов рабочей молодежи, мы настояли на допуск в профсоюзы представителей рабочей молодежи.

В июле 1917 г. первым союзом, открывшим нам двери, был Петергофский районный отдел профсоюза металлистов, куда был избран я, работавший больше под контролем Васи Алексеева, чем Союза.

На этом я свои воспоминания о Комсомоле кончаю, ибо в сентябре тысячи комсомольцев заполняли ряды Красной Гвардии и я, как частица Комсомола, был там, уделяя этой работе большее внимание. В дни Октября моя активная, неразрывная работа в Комсомоле кончилась. Я стал красным бойцом, вместе с миллионами участвуя в защите Республики.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С Октябрем по России.

I. Перед Октябрем.

Задолго до Октябрьской революции, во всех слоях ленинградского населения чувствовалась какая-то нервность, которая говорила, что назревает что-то серьезное и неизбежное.

Революционная Красная Гвардия, загнанная после событий 3—5 июля, чуть ли не в подполье и, ежедневно, ожидающая нападения на нее казаков и юнкеров, направляемых «социалистическим» правительством Керенского и Церетелли, все смелее и смелее проявляла себя.

Обучение искусству владеть винтовкой, происходившее ранее в квартирах и каморках, переносилось на свет, и нужный для нашего революционного настроения простор: в сады, бульвары.

Помню одно наше занятие на кухне райкома партии большевиков Петергофского района (на Ново-Сивковской улице).

К концу занятия, разбирая винтовки, инструктор встал и позевывая сообщил:

— В следующую среду, ребята, собирайтесь в Екатерингофском саду.

— А Керенский? А Церетелли?

— Для чего же я учу вас стрелять.

И в день спокойного занятия в саду, для меня, как и для других комсомольцев, составлявших бо́льший процент нашего десятка, Церетелли уже не казался грозным министром, а стал простой дряблой личностью, которую ругают и не боятся.

А из Екатерингофского сада, под крики инструктора—дай ногу!—шли заниматься на Нарвскую площадь, деятельно готовясь к грядущим битвам, где нам историей была гарантирована победа

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ И МИЛИЦИЯ.

Деятельность Красной Гвардии, ограничившаяся ранее о́храной райкомов партии большевиков и райсоветов, с каждым днем расширялась, захватывая даже милицейские функции.

Колоссальное количество дезертиров, хлынувших с фронта, воровством и грабежами терроризировало население.

В борьбе с ними милиция, состоявшая в большинстве случаев из студентов и гимназистов кадетского оттенка, ничем себя не проявила, наибольшее внимание и свою энергию отдавая на борьбу с «немецкими шпионами» (разумеется большевиками), а потому Красная Гвардия чистку районов от преступного элемента взяла на себя.

Делая внезапные набеги на гостиницы и воровские притоны, красно-гвардейцы захватывали хулиганов, сутенеров, аферистов и открывали огромные склады краденых вещей и вина.

Попутно и «случайно» была разоружена буржуазия, несмотря на угрозы и протесты сверху.

ВЫБОРЫ В КРАСНУЮ ГВАРДИЮ.

Поведение красногвардейцев при этом было выше критики.

Ложь и наглая клевета, что Красная Гвардия при обысках поголовно напивалась пьяной, насиловала и производила грабежи. Этого не было, ибо тогда пребывание в ее рядах никаких материальных благ не сулило, а наоборот —при усилении реакции грозило серьезными неприятностями.

В ее ряды шли лишь сознательные рабочие, преданные душой и телом интересам революции.

Насколько рабочие фабрик и заводов ценили свою Красную Гвардию и оберегали чистоту ее рядов показывает тот факт, что в некоторых мастерских Путиловского завода в красногвардейцы рабочие избирались общим собранием.

Если же и находился какой-либо товарищ, одно пребывание которого в Красной Гвардии из-за какого-либо случайного проступка шокировало всех, он с позором изгонялся из ее рядов.

Так, например, из нашего десятка был выброшен, весьма хороший по своим убеждениям и душевным качествам, товарищ, только лишь за то, что во время обхода гостиниц попался в одном из номеров с проституткой.

Конечно, я не буду говорить о поведении Красной Гвардии впоследствии, когда в ее честные ряды затесалась масса чужого элемента.

РАБОЧИЕ ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ.

В заводах и фабриках большевики начали пользоваться чрезвычайной популярностью. Если раньше до 3—5 июля меньшевики и эс-эры могли появляться кое-где к рабочим, не рискуя быть освистанными, то сейчас такой гарантии у них не было.

Все выборные рабочие организации состояли исключительно из большевиков. Тщетно пытались спасти свой авторитет и влияние меньшевики и эс-эры. Призываемые на помощь их «светила», Чер-

нов, Чхеидзе, Церетелли и др. не могли повлиять на «заблудшихся» по той причине, что рабочие, прежде чем итти на митинг, узнавали его инициаторов.

В то время, когда на митинг, устраиваемый большевиками, появлялись тысячные толпы, соглашатели собирали до смешного малую аудиторию.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГАРНИЗОН.

Не менее заметно революционизировался и ленинградский гарнизон.

Среди частей, принимавших участие в восстании 3—5 июля, вследствие недовольства политикой Временного правительства, затягивающего войну, и обращавшего внимание вместо борьбы с реакцией, на борьбу с революционным движением, чуть ли не ежедневно вспыхивали «бунты».

Открыто изменяли злосчастному правительству, сравнительно недавно бывшие его защитой и оплотом: виленцы-самокатчики и даже казаки.

В качестве иллюстрации настроения солдат одной части хочется привести чрезвычайно любопытную и веселую сценку.

ОБОРОНЕЦ И ИЗМАЙЛОВЦЫ.

Одна из рот Измайловского полка, имея у себя несколько эсэров, долгое время портила революционное настроение рабочих Нарвского района своей оборонческой крикливостью.

И вот рабочие по вечерам стали собираться к их казармам и своим простым и ясным языком раз'яснять весь смысл происходящих событий и роль в защите рабоче-крестьянских интересов партии большевиков.

Первое время на них цыкнули:

— Ну! Ну! Убирайтесь вон! Шляются здесь!

День ото дня помягче.

— Гражданин. Товарищ, уйдите. Зря. Отстаньте, товарищ.

Рабочие были настойчивы и через некоторое время солдаты мирно беседовали с ними, удивляясь по простоте своей, как это их ловко меньшевики и эс-эры водили за нос.

И однажды, по привычке, к ним завернул некий интеллигент из «Единства», видимо не знавший об изменении во взглядах и настроении роты.

Собрав толпу, и обладая горячим темпераментом, он начал прямо с истерических выкриков:

— Бороться с немцами на фронте и в тылу, до полной победы.

— Так! До полной победы говоришь? Мы тоже так кумекаем— еле сдерживаясь от смеха, подбодрил оборонца солдат колоссального роста.

— Вот и прекрасно!—обрадованно заюлил патриот.—Я вообще не верю тому, чтобы большевики, играющие в руку Вильгельму, пользовались вашим доверием.

— Да! Конешно! Мы в своей роте большевиков, как клопов, вывели. Мы теперь, как один все. Но если войну до победы, то на фронт нужно итти всем,—ехидно, среди шума, вставил последнюю фразу великан.

— Я... Я рад это видеть. Родина вас не забудет,—умиленно и восторженно шептал плехановец, сантиментально поводя глазами.

— А ну твою родину к . . . . . Идем!—рванули солдаты за руки патриота.

— Позвольте? Куда?.. Зачем?

— А воевать кто же будет? Мы, што-ли? С нас довольно. Ежели до победного конца, то и тебе надо,—уже иным, пугающим для «оборонца» тоном заговорили солдаты.

— Позвольте, господа. Товарищи,—я же не призывной. Я работаю на оборону.

— Какого года? 86! Годен! Тащи, ребята, этого жеребца в казарму. Завтра отошлем на фронт,—пусть вшей покормит.

Под общий смех окружающих, на плехановца надели огромнейшую шинель и потащили в казарму с обещанием из таких «оборонцев» для фронта набрать батальон.

И только после долгих униженных просьб «защитник родины» был выброшен из казармы солдатским пинком пониже спины.

У многих такое отношение солдат навсегда отбивало желание вести оборонческую агитацию.

Но в центре, в особенности на Невском, происходили такие мерзостные картины, что не верилось, чтобы в этом была замешана интеллигенция в лице соглашателей: эс-эров и меньшевиков.

НА НЕВСКОМ.

В то время, когда ропот недовольства у рабочих происходил под шум и грохот работающих и создающих ценности станков, на Невском, с утра до вечера, бродили толпами бездельники, сея клевету и ложь по адресу революционной партии и ее вождей.

С вызывающим видом там расхаживали довольно странные солдаты, обилие колец на пальцах у которых, вместе с запахом «Лоригана», выдавало их офицерское происхождение.

Очень часто оказывалось, что такой «солдат», завернув за угол или в подворотню, перевертывал погоны и появлялся уже поручиком или капитаном.

Лично мне довольно часто приходилось наблюдать такие изменения с «солдатами-хлеборобами» (как они себя рекламировали).

Там же, благодаря их участию, происходили невероятно возмутительные сцены с травлей большевиков.

Помнится мне несколько таких случаев.

После февральской революции в привычку революционной молодежи —комсомольцев Петергофского района, вошли ежедневные вечерние сборища в райкоме партии (здесь же помещался и Райком Комсомола).

Здесь мы после нудного грохота станков собирались, чтобы получить все нужное для ума и сердца.

Вели беседы на отвлеченные темы, вникали в смысл происходящих событий, коллективно мечтали о новом коммунистическом обществе.

А после пели, острили, хохотали.

И вот, в один прекрасный день, когда от звуков мощного Интернационала сотрясались стекла, в комнату вбежал комсомолец, растрепанный, потный и с огромным синяком под глазом.

Кампания посмотрела на его странный вид и расхохоталась.

Комсомолец сконфузился и пробормотал:

— Это... на Невском. За... Ленина.

— Как за Ленина? Что такое?—вскочили все в недоумении.

— На Невском... товарища Ленина... шпионом называют... кто за него... того избивают... Ну вот и... меня.

Наш молодой задор отчаянно возмутился и зашумел.

— Как! Где-то избивают наших товарищей, а мы здесь, ничего не подозревая, свой энтузиазм вкладываем в пение.

— На Невский! За Ленина!—раздался воинственный клич, и несколько человек комсомольцев, сбивая с ног обывателей, понеслись стремительно к трамваю.

На Невском, при выходе из трамвая, нам послышались какие-то неясные крики, затем аплодисменты, и через некоторое время показался, важно ехавший, убранный, зеленью и материей, грузовик, в котором сидела масса гимназистов с национальными флагами и плакатом «Война до полной победы».

Увидя ненавистных «барчуков», мы, «кухаркины дети», молчаливо сговорились глазами и, заправив в рот грязные и замасленные пальцы, свистнули.

Тотчас же послышался звук затрещины и исступленный крик:

— Мерзавец!

Мы оглянулись и увидели 16-летнего комсомольца-путиловца, который тщетно пытался что-то сказать.

Он шевелил, как рыба, губами, открывал рот, но звук где-то застревал, и он только вдыхал воздух. Из его глаз катились крупные слезы. Около него стоял огромный верзила—матрос-гвардеец или гардемарин, изрыгавший проклятья и в пылу занесший вторично руку.

Не помня себя от негодования и бешенства, группа бросилась на него, но была предупреждена.

Видевший, видимо, все происходящее, некий солдат подбежал к нему и наотмашь ударил моряка в лицо и, когда тот от удара зашатался, солдат в ярости ударил его ногой в живот.

Верзила схватился за живот и бессильно прислонился к стене Публичной библиотеки, а солдат, воспользовавшись замешательством, прыгнул в проезжающий трамвай.

Комсомольцы разбежались также.

УДАР ЗА ЛЕНИНА.

Около ресторана «Квисисана» увидели толпу, в середине которой, горячо жестикулируя, разглагольствовал некий суб'ект пшютоватого вида.

Из любопытства мы остановились послушать.

— ... и вот этот несчастный Ленин из Германии приехал в запломбированном вагоне...

— Стой же! — подумал я, — буду непонимающим простачком.

— А зачем он ехал через Германию? — простодушно спросил я, двигаясь в середину.

Пшют с пренебрежением посмотрел на меня, состроил презрительную гримасу, видя мой возраст, и собирался было отвернуться, как несколько человек (рабочих и солдат) воскликнули, поддерживая мой вопрос:

— Да! Да! Зачем он ехал через Германию?

Не отвечать «докладчику», вероятно, было неудобно, и, оглядев меня уничтожающим взглядом, он раздражительно прокричал:

— Потому, что ему запретили ехать через Францию!

— А это почему? — с самым наивным видом спросил я и увидел на некоторых лицах улыбку.

Должен отметить, что быть «простаками» нас, комсомольцев, учил Вася Алексеев (вождь питерских комсомольцев в 1917 г.), как наиболее подходящий для нашего возраста вид пропаганды.

— Вашу агитацию, — говорил он, — никто слушать не будет. Вы молоды. А вы тяните оратора (из наших противников) за язык, сбивайте его расспросами, чтобы он волновался и сел в лужу.

В данном случае, я этого указания и придерживался.

— Что за скверный мальчишка! — вскипел пшют. — По той причине, что он был шпион.

— А доказательства? — Возмущенно заорал я, еле сдерживаясь от желания ударить его по очкам. — Товарищ Ленин никогда свою совесть не продавал за деньги.

— Вот тебе, молокосос, доказательство, — злобно процедил кто-то, протягивая к моему носу выхоленный, но довольно внушительный кулак.

Со стороны послышались звуки затрещин, крики: «Бей шпионов! — ленинцев» — и ответные — «А все-таки мы за Ленина».

То били наших комсомольцев Зернова и Устинова.

— Гм! — мало питая доверия к такому роду доводов, протянул я, и, желая прогнать невольный трепет, вызванный солидностью кулака, храбро ответил:

— Если в защиту вождя рабочие прибегнут к такого рода доказательствам, то вам иначе придется держать себя зде...

И не успел я окончить фразы, как почувствовал сильнейшую боль в груди от удара кулаком и отлетел к стене.

Падая, я пребольно ударился затылком о стену, от чего вся толпа, улица, здания в моих глазах несколько раз повернулись в воздухе, а затем медленно колыхаясь, устанавливались.

От бессильной ярости и обиды я чуть было не заплакал. Но плакать, чтобы дать возможность злорадствовать им надо мной,— ленинцем — никогда.

Я решил быть сильным.

— Подлецы! — вслух произнес я и сделал попытку встать, но тотчас же опустился от той глухой боли в затылке и в груди, которую я ощутил.

Я не знаю, наблюдал ли кто-нибудь за мной или нет.

Но если наблюдал, то, очевидно, человек, считающий чуткость и сострадание отрицательными качествами.

В течение нескольких минут я сидел и никто не помог мне встать.

Правда, после многих лет гражданской войны, в течение которой я имел возможность познакомиться с хваленой буржуазной гуманностью, мне это кажется пустяком.

Но в то время, когда гражданская война не была так ожесточена и сильна, избить 16-летнего мальчика и с любопытством смотреть на его муки, мне казалось в высшей степени безчеловечным и возмутительным.

И только лишь две проходящих проститутки, при виде моего беспомощного состояния, проявили трогательную заботливость.

— Бедный мальчик, — ласково проговорила одна из них и обернувшись, негодующе крикнула толпе: — Мерзавцы!

С их помощью я поднялся и дошел до Гостиного двора, где они мне настоятельно предлагали ехать домой на извозчике, собираясь взять расходы на себя. К их неудовольствию я, горячо поблагодарив, отказался.

Как рабочий, я чужд сантиментальности, но это отношение меня чрезвычайно тронуло. До слез. До умиления.

Какая ирония! Те, о которых буржуазия в школе, в литературе дали мне представление как о подонках общества, чуждых, за увлечение чувственностью и развратом, всего человеческого и достойных презрения, здесь показали насколько выше они стоят по красоте души и отношению к человеку, над геморройными лицемерами, гордящимися своими многоэтажными трудами о морали и гуманности.

С особым чувством я пожал руки этим двум жертвам капиталистического общества. В этот день я иначе смотрел на них.

Буржуазия с начала революции очищала загрязненную ею же самою идеологию, и сегодня был еще урок.

Пошатываясь и размышляя, я направился в Петергофский район, но ночевать мне дома не пришлось.

СЛУХИ И ШОПОТ.

Медленно шагая к дому, я несколько раз встречал группы населения, где о большевиках распускались такие абсурдные слухи, что даже опровергать их было неудобно.

Опровергать,—следовательно не верить в здравый смысл присутствующих.

В одной группе два инвалида, громко клянясь и призывая в свидетели бога, сообщали:

— Сам Ленин предлагал им за вступление в партию большевиков по миллиону рублей германским золотом.

А рядом в руки оборонцев попался злополучный агитатор-путиловец тов. З....

Некий офицер держал его руками за шею и равномерно, под восхищенное взвизгивание барышен, бил его пачками газет по лбу до тех пор, пока у его жертвы не вырвался усталый крик:

— Да! Да! Война нужна до победы!

Да простит нам (Зернову, Соколову и мне) за давностью тов. З....

Через дня три, в темном Ново-Сивковском переулке, за это вынужденное «соглашательство в таком принципиальном вопросе» нами ему был выбит зуб.

А в другой группе шамкающая беззубым ртом старуха-салопница по секрету передавала, как находящийся в их квартире большевик имеет миллиарды денег, да, кроме этого, каждый день страшные немцы с усами, как у Вильгельма, приносят ему столько-же.

Конечно, и в этом случае авторитетным свидетелем был указан бог.

В обоих случаях я только лишь пытливо всматривался в лица слушателей, надеясь видеть иронические улыбки. Но каково же было мое смущение, когда я увидел, что этому верят.

Мне, рабочему, пришлось стыдливо покраснеть за русскую интеллигенцию, у которой страх перед социальной революцией выбил здравый смысл.

Около Александровского рынка встретилась еще одна толпа, состав которой был более демократичен.

В середине ее стоял член Петросовета тов. Гринштейн (большевик), с жаром излагавший политику и тактику большевиков.

Продвинувшись в центр, я принялся помогать ему.

Где надо возмущался, в других местах с удовлетворением отмечал:

— Верно! Правильно!

В увлечении агитацией мы и не заметили, как наша аудитория стала за поздним временем таять.

На это обстоятельство мы обратили внимание тогда, когда около нас раздался вызывающий крик:

— А Керенский по-вашему социалист?

Тов. Гринштейн обернулся к задавшему вопрос и стал давать «социалистическую» характеристику Керенского.

Оглянувшись вокруг себя, мы увидели шесть человек, которые безусловно не были сочувствующими большевикам.

Но уже было поздно.

Приверженец Керенского, обидевшись за него, поднял крик, называя нас «шпионами-ленинцами». Мы ему ответили так же резко, и около нас появились два милиционера.

Конечно, как «немецкие шпионы», мы были препровождены в Спасский участок.

В СПАССКОМ УЧАСТКЕ.

Поднявшись во второй этаж, мы вошли в дежурную комнату, в которой, по моему, не случайно портрет Николая II был прикрыт кисеей.

Дежурным был франтоватого вида вольноопределяющийся.

При виде нас он поднялся, пошептался с милиционером и грубо спросил:

— Большевики?

— Я член Петросовета, — спокойно ответил тов. Гринштейн.

— А я рабочий Путиловского завода.

— Обыскать! — лаконически бросил дежурный.

— Германского золота не найдете, — язвительно усмехнулся Гринштейн, выворачивая карманы.

В моих карманах нашли заводской пропуск и дежурный долго его вертел в руках, собираясь что-то сказать.

— Сколько т е б е лет? — задал он мне вопрос.

— Если т е б я так интересует, то шестнадцать!

— Прошу вас иметь к дежурному уважение и не употреблять «ты». С каких пор мальчишки стали причислять себя к рабочим?

— С тех пор, когда нужда заставила их итти на завод, где капиталист его труд перевел в звонкую монету.

— Так ты за Ленина? — почему-то вывел из ответа дежурный и стремительно схватил меня за шею.

Товарищ Гринштейн бросился в возмущении к дежурному, но сразу был сбит с ног и уведен в камеру.

— Я за социализм, — чуть дыша прошептал я.

— Говори?.. за Ленина?—свирепо ворочая глазами, налившимися кровью, и сжимая мою шею, требовал дежурный.

— Если Ленин за рабочих, я за него, а в другом случае — против, — не чувствуя сильного давления на шею, постарался я увильнуть от прямого ответа.

Только после этого он меня отпустил.

Правда, предварительно мне кто-то из милиционеров «случайно» в'ехал кулаком в зубы, от чего у меня пошла кровь. Но это было честнее, чем пытка душением.

Целую ночь я просидел в Спасском участке под «юрцами», [1] кусаемый паразитами и слушая «ботание на блатной музыке» [2] тех, кому тюрьма «дом родной».

Лишь утром меня оттуда вытолкнули (буквально) пожалев, что для «настоящего наказания» я еще молод.

Ненавидя милицию и строя в воображении сладостную картину мести, я направился домой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.

Дома я застал мать и отца в унынии.

При виде меня живым, мое ночное отсутствие было сочтено за проявление безнравственности и для снятия с себя этого подозрения мне пришлось рассказать свои злоключения.

В процессе рассказа, я внимательно наблюдал настроение отца— как рабочего-революционера (как отец, он раньше при каких-либо жалобах об обиде меня кем-либо, еще подбавлял — сек).

Он сейчас то приходил в бешенство и разражался неудержимой руганью по адресу буржуазии, Керенского, милиции, то вдруг делался воинственным и клялся, что один Путиловский завод разнесет всю буржуазию и сотрет в порошок Невский с его обитателями за оскорбление товарища Ленина.

При рассказе о проститутках на его глазах навернулись слезы. А ведь на них он смотрел с «общественной» точки зрения.

Но когда я упомянул, что в Спасском участке мне дали зуботычину, он вскочил, в ярости откинул стул и закричал к ужасу матери:

— И ты стерпел, паршивец! В рожу надо было, чернильницей, револьвером, стулом! Рабочий не должен терпеть удара от буржуя! Ударил! — получай, скотина, обратно. Эх... Зас....нец!

— Вот старый дурак! — накинулась на него мать. — Сам выжил из ума и сына свести хочет. Боль-ше-ви-ки. Скоро вот сын без головы придет, благодаря папаше. Оторвут, помяни мое слово, офицеры.

Я сильно сомневался в появлении в таком виде (без головы) перед нею. Это было «технически» невозможно.

Но отец, не обращая внимание на данное противоречие, топнул ногой и пустил по адресу моей головы ругательство, полагая, что я и без нее хорош.

— Чорт с ней! (это было заявлено несколько иначе),—за Ленина, за большевиков, пусть оторвут. Но уж мы будем рвать... (ругань) за одну голову сотни!

После этого он метался по квартире, ругаясь и что-то бормоча, и когда в квартиру вошел наш жилец, пекарь большой

---

[1] Юрцы — нары.

[2] Разговоры на воровском жаргоне.

хлебопекарни, эс-эр, он бросился к нему и закричал насколько позволяли силы:

— Вон из квартиры, чорт тебя побери, эс-эр проклятый! К Керенскому, за которого избивают детей! Вон...

В тот же день жилец уехал, а отец, торжествуя, заявил, что он отныне красногвардеец, несмотря на свой сорокавосьмилетний возраст.

Как два красногвардейца, мы друг другу пожали руки и расцеловались, что создало между нами необычайную близость.

СЛЕЖКА ЗА ЮНКЕРАМИ.

К 20-му октября уже ни для кого не было тайной, что великий, пугающий и радостный день настает.

Кучки красногвардейцев, превратившихся в дисциплинированные роты и батальоны, молодцевато маршировали по рабочим кварталам, расставляя свои караулы по всем общественным зданиям, мостам и заводам.

При штабах Красной Гвардии были созданы неофициальные разведочные команды, которые выслеживали все подозрительные места.

Чувствуя, что дети аристократов, находящиеся в Николаевском юнкерском кавалерийском училище, подготовляют контр-восстание, штабом Путиловских красногвардейцев (в частности тт. Трифоновым и Миничевым) было дано задание двум красногвардейцам и мне вести негласный надзор за этим училищем.

Первое время обстановка для нас была неважная. Солдатская команда, обслуживающая юнкерское училище, была исключительно крестьянская, и нашей агитации поддавалась туго. Кроме того, большую роль в неуспехе у них нашей агитации играли еще эгоистические побуждения.

Ухаживая за лошадьми юнкеров и тем самым оказывая кое-какие услуги, солдаты команды получали от них часто чаевые деньги.

Чтобы не рисковать хорошей службой, леветь они боялись.

Но скоро по многим причинам мы их настроение повернули в нужную сторону.

Завязав со многими солдатами хорошие отношения, мы получали от них нужные Ревкому сведения.

Разведка была идеальная, и каждый шаг юнкеров был известен Штабу.

Между прочим, перед Октябрьской революцией и во время ее мы получили сведения, что юнкера заволновались особенно сильно.

Некоторые ложились спать, имея около себя оружие. Оказалось, что это вызвано провокацией.

Представители Штаба Ленинградского Военного Округа и организации эс-еров на одном из юнкерских собраний заявили юнке-

рам, что рабочие якобы устроили заговор, имея целью ночью перерезать их.

Это юнкеров нервировало и усиливало ненависть к рабочим.

ДОМАШНЯЯ БУЗА.

Утром 23-его октября (старого стиля), проснувшись, я увидел в комнате довольно странную картину.

На грязном полу сидел вернувшийся с работы отец и заботливо чистил мою винтовку. Его винтовка уже лежала вычищенная.

Около него стояла мать, глядя на отца с возмущенным сожалением.

Я стал наблюдать.

— Отец на старости лет в ветрогоны записался (намек, едва ли призрачный, на Красную Гвардию). Сына не высечет... И на вот тебе... Винтовку чистит. Убивать, что ли, кого будешь?

— Уйди! Дура баба!—спокойно смазывая затвор маслом, отмахнулся отец.

— Сам дурак! На дворе все над тобой смеются.

— Уйди!—напуская на свое добродушное лицо свирепое выражение, закричал он. Вслед затем по комнате поплыли, складываясь в довольно причудливые узоры, ругательства.

— Ругается,—подумал я.—Следовательно, мой папаша не совсем доволен политическими событиями.

Отец выходил из себя и ругался так зло только лишь по политическим соображениям. Это для меня впоследствии стало понятным.

Будучи политически-безграмотным (да и только ли?), он инстинктивно чувствовал правоту большевиков и поэтому логично не мог своему собеседнику изложить сущность их идей.

В спорах он обычно употреблял самые популярные лозунги большевиков, митинговые фразы и когда видел, что его противник прибегает к длинным и недоступным его пониманию доводам, он быстро багровел и окатывал спорящего заранее испытанными ругательствами.

Здесь он был красноречивее всех.

— Что ругаешься, товарищ папа?—шутливо спросил я, употребляя обращение «товарищ», которое и в действительности создало у меня с ним родственно-товарищеские чувства.

— Встал? Хорошо! Возьми винтовку и иди в Штаб! Сволочи закрыли газету «Рабочий Путь» и грозят нам разоружением. Этому не бывать! Идем!

Под плач и причитания матери и под насмешливые взгляды обывателей, я и отец, держа на плечах винтовки, направились в Штаб, где встретили чрезвычайное оживление.

В РАЙКОМЕ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ.

В штабе под столами, на столах и около—мы увидели, как масса рабочих, интересы которых раньше ограничивались семьей, сейчас любовно чистили винтовки, еле сдерживаясь от желания итти в центр свергать призрачное буржуазное могущество.

Везде шли беседы, но споров, которые являются необходимой принадлежностью группы, здесь не было.

Спорить в такие моменты, когда по другой стороне баррикад происходило единение, рабочие инстинктом полагали опасным.

Среди сотни красногвардейцев, где были эс-эры и меньшевики, была такая общность интересов в этот день, что мой отец, положив руку на мою голову, заметил:

— Сегодня я храбрецом себя чувствую. Если у всех такое же чувство, то завтра будет Советская власть.

— А если ее через день придется отдать?—шутливо заметил пробегавший ротный.

— А чорт всех побери! Хоть день, да будет наш! — потрясая в воздухе винтовкой, крикнул мой отец, вызывая энтузиазм у присутствующих.

— Верно. Но нам бы только на день. А уж там мы покажем, как бережем свою собственность.

Между тем, рабочих собиралось все больше и больше.

Приносили всевозможные известия, которые то печалили красногвардейцев, то радовали.

Говорили о колоссальном под'еме рабочих районов и полков, о предательстве соглашателей, противодействующих революционному порыву масс.

Жизнь в Райкоме била ключом.

В группах беседующих обсуждали поведение ВЦИК и предугадывали, что может сказать Всероссийский С'езд Советов.

Но скоро наше ожидание прекратилось. Начались строевые занятия, наиболее ярко выявляющие боеспособность и сознательность рабочих.

После занятий пришло известие о стягивании к Петрограду юнкеров, казаков и ударников, и все, за редким исключением, остались ночевать в штабе.

24 сентября (старого стиля) член Петергофского Райкома Р.К.П. тов. Миничев известил красногвардейцев о ночной попытке буржуазии задержать свое падение арестом рабочих вождей. Тут же было прочитано воззвание Ленинградского Совета, где все призывались к революционной выдержке и где предписывалось всем революционным отрядам быть в полной боевой готовности.

При чтении этого воззвания чувствовалось, что в знак своей готовности к борьбе за диктатуру трудящихся вооруженные рабочие пойдут на все. Красногвардейцы были тогда задорны и безумно смелы. Кто теперь в этом сомневается?

В тот же день штабом путиловских красногвардейцев из Революционного Военного Комитета было получено сообщение о занятии преданными ему войсками правительственных и иных важных учреждений.

Энтузиазм был у всех настолько велик, что многие в этот день заразили им и инертных рабочих, чем пополнили Красную Гвардию. А один красногвардеец от «радости» даже выпил.

Несмотря на действительно радостную подкладку его выпивки из отряда его исключили.

Вслед затем было получено предписание вооружить рабочих, для чего был дан наряд в Петропавловскую крепость на оружие.

ПО ДОРОГЕ К КРЕПОСТИ.

За получением оружия был командирован взвод, где находился и я.

Забрав с собою автомобиль, мы, провожаемые напутствиями всего отряда, поехали выполнить свое первое серьезное боевое задание.

В городе нас встречало чрезвычайное оживление.

На каждом углу нас приветствовали толпы рабочих, высыпавших в этот день на улицу.

Но на ряду с ними была масса буржуазии, осыпавшей нас проклятиями, бранью и пытавшаяся нас остановить совершенно негодными и затхлыми средствами.

— Опомнитесь! Вы предаете родину! На защиту отечества с винтовками! Провокаторы! Братоубийцы! - кричала, захлебываясь от ярости, буржуазия.

Красногвардейцы с деланным недоумением молчаливо смотрели на них. Но крики скоро сменились другими.

Буржуазия—люди дела. В этом мы убедились через десять минут.

Около Морской улицы мы услышали за собой шум автомобиля. За нами ехал крытый брезентом грузовик. Не придавая значения этому факту, мы продолжали ехать дальше и когда мы свернули на Литейный мост, по нас началась бешеная пулеметная стрельба.

Стремительно спрыгнув с автомобиля и рассыпавшись в цепь по набережной, мы увидели, что, отбросив брезент, с автомобиля нас обстреливали юнкера.

Через полчаса обстрела, автомобиль с трупами юнкеров мы потянули на буксире в качестве трофея.

Это была наша первая крупная победа.

В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ.

Мы в крепости. Мрачное кладбище дома Романовых и их врагов—Петропавловскую крепость—нельзя было узнать.

Воспетая ее тишина была нарушена пыхтением автомобилей, скрипом подвод, криками. У складов оружия особенная толкотня.

— Товарищ! Куда лезешь? В первую очередь винтовки надо выборжцам,—их у нас мало!—останавливает обуховца рабочий лесснеровец.

— Нет, нам надо первым. Сами знаете, только недавно обуховцы очухались от соглашательского дурмана. А у вас район сильный. Уж. пожалуйста, нам.

— Для обуховцев?—Можно. Крой, парень.

Здесь же мимо проводят первых пленных офицеров и юнкеров. С исказившимися от страха лицами, грязные, они все-таки смотрели на нас с ненавистью. Попали бы мы им в руки,—будьте убеждены, что долго не стали бы водить. К стенке, и ваших—нет.

Заинтересовавшись их судьбой, я пошел вслед за ними, в караульное помещение.

Всех арестованных, предварительно записав в регистрационные книги, направляли не в казематы, а в казармы, приспособленные временно для мест заключения.

Обращались с ними тактично и корректно, чем ставили многих из них, ожидавших от большевиков пыток и издевательств, в неловкое положение.

Где-то за Невой, со стороны Зимнего дворца, послышалась стрельба; то наши окружали ударников и юнкеров. С крепости, на испуг, дали пушечный выстрел, и мы прямо изнывали от мысли, что далеки от боев.

С ВИНТОВКАМИ ОБРАТНО.

Наконец, автомобиль нагружен.

Медленно выезжаем из крепости и, лавируя по улицам, стараемся без задержек доставить оружие в район. Среди встречающейся публики мы вновь видим самые разнообразные настроения.

— Да здравствуют красногвардейцы! Мы с вами, товарищи. Долой Керенского!—кричали блузы и серые шинели.

— Красногвардейцы! Вашу родину терзают враги. Большевики ведут брата на брата. Идите к нам!—брыжжа слюной, кричала буржуазия.

При виде первых, заражаясь их настроением, мы бросали вверх шапки, кричали приветствия; при виде вторых,—молча сжимали винтовки.

При под'езде к штабу, нас встретила огромная толпа рабочих, с нетерпением ожидавшая оружия.

— Оружие, оружие везут!—закричала тысячная толпа, бросаясь к автомобилю, откуда оружие раздавалось по заранее приготовленному списку.

Красногвардейцы, доставившие оружие, скромно прислонились к забору, в ожидании дальнейших распоряжений.

— Вы можете итти домой,—предложил командир батальона.

Забыв дисциплину, красногвардейцы возмущенно запротестовали.

— Как, в такое время отдыхать? На фронт, и больше никаких!

Под Гатчиной, между тем, уже шли бои.

Несмотря на упорство комбата, наш взвод, за выполненное поручение, был направлен в Лигово.

II. Октябрьские дни.

В ЛИГОВО.

Получив препроводительную бумагу и патроны, красногвардейцы, не заходя домой, с песнями направились к Балтийскому вокзалу, площадь перед которым имела вид военного лагеря.

Со всех сторон сюда стекались красногвардейцы, матросы, артиллерия. Люди разделялись на группы, делились впечатлениями, радуясь победе, хохотали над комическими эпизодами переворота.

Тут же ходили железнодорожники и рабочие с семьями, оделяя отъезжающих на фронт папиросами, табаком и продуктами.

Вошли на перрон. Здесь еще тесней.

Поезда брались с боя. Люди садились на крыши, на подножки, чтобы только скорее попасть под Гатчину, где решается вопрос о существовании Советской власти.

С помятыми боками, минуя все препятствия, наш десяток устроился в вагоне, и через полчаса, показавшиеся вечностью, поехал.

Несмотря на тесноту и спертый воздух, в вагоне было весело и шумно.

В нашем купэ солдат клялся, что при встрече он убьет ротного командира, по приказу которого он в дни 3—5 июля сделал шесть выстрелов по рабочим.

В другом конце вагона группа рабочих, не теряя времени, вела агитацию.

В 7—8 верстах от города показались траншеи и окопы, спешно воздвигаемые рабочими и работницами, на случай приближения врага к Ленинграду.

При проходе поезда, назначение которого было нетрудно угадать по облепившим его вплоть до крыш вооруженным людям, работы бросались, сменяясь единодушными приветствиями.

Помимо этого, по путям Балтийской дороги непрерывно шли красногвардейские отряды, не зная отдыха и не желая с ним считаться.

Но вот мы и в Лигове. С сожалением вылезаем здесь. Фронт от станции в 20-ти верстах.

Было поздно, когда десяток явился к начальнику гарнизона. Погода была отвратительная. Шел дождь, с залива дул холодный ветер.

«Управление» начальника гарнизона помещалось в дамской уборной станции, а штат его состоял из самого начальника и железнодорожника-вестового.

Поэтому была понятна их радость при нашем появлении.

Без задержек красногвардейцам стали давать назначения.

Один был произведен в помощники, другой—в ад'ютанты, остальные—кто в делопроизводители, кто в вестовые.

Второпях забыли о главном: о нахождении гарнизона для такого штата.

Гарнизон, признаком коего являлся наш десяток, стал собранием людей, так сказать, официальных.

Мы были разочарованы.

— А на фронте и без нас покончат.

— Меньше крови будет при нашей победе,—заметил более благоразумный.

По получении новых назначений для нас настала страдная пора—период кипучей работы.

В Лигово пешком прибывали путиловцы для направления их по железной дороге в Гатчину. Нужно было это делать срочно. Не из-за того, что на фронте в них была нужда, а больше потому, что каждая минута задержки при их боевом порыве сулила нам много неприятностей.

Кроме отправления прибывающих частей на фронт необходимо было заботиться о порядке в поселке.

Отовсюду неслась беспорядочная стрельба, по улицам бродили пьяные.

Искоренение нарушений революционного порядка было возложено на наш десяток.

Получив документ на право обыска, мы пошли в обход.

Счастье нам улыбалось.

В нескольких саженях от вокзала, в грязи, увидели человека, пытавшегося неудачно оттуда вылезть.

При рассмотрении,—оказался пьяным до умопомрачения.

— Что, дружище, выпил?—заботливо спросил красногвардеец.

— Кто? Я-то пьян?—с великим удивлением спросил заплетающимся языком пьяный.

— Нет. Не в этом дело. Мы сами хотим выпить.

— Врете?—недоверчиво протянул пьяный, но при виде умоляющих и невинных лиц принялся бахвалиться, что-де ему когда угодно и сколько угодно дадут денатурату.

— Вот в этом доме. Только чур, братцы, пить всем вместе... и ни гу-гу.

— Само собой,—и как только он вошел в коридор, дом нами был оцеплен.

В квартире был найден склад с большими запасами денатурата, политуры и прочих суррогатов.

Вместе с арестованными все было сдано в местную милицию.

Но, однако, выполнение этой задачи не ускорило отправления десятка на фронт.

НАШЕ БЕГСТВО.

Так мы проработали здесь три дня. На четвертый к нашему начальнику гарнизона вбежал бывший в разведке красногвардеец, растрепанный, взволнованный и прерывающимся голосом сообщил что за поселком он видел направляющихся в Царское Село белых'

Наш взвод был срочно послан в погоню.

Сейчас по секрету можно сообщить: никаких белых у Лигова никогда в то время не было. Это был лишь предлог вырваться от начальника гарнизона на фронт.

НА ФРОНТЕ.

Итак, мы направились на фронт.

Дорога от Лигова к станции Александровской представляла собою сплошное болото. Ноги по колено уходили в липкую грязь, но нам ли, комсомольцам, унывать от этого!

На перекрестке двух дорог, у небольшого леска, встретили партию матросов.

— Здорово, поцаны!

— Здравствуйте. Куда?

— На фронт. Хряем вместе?

— Топаем!

Между лесами дорога пошла лучше. Не было грязи и, в некотором роде, поэтично.

Тихо. Лишь слабый ветерок раскачивал верхушки сосен. Хотелось так же, как и в прошлый год, лечь под деревом и в своих мечтах изображать себя «Соколиным оком», вождем племени томагаувка.

Но только хотелось. Революция сделала в этом году нас взрослыми и ответственными перед обществом, людьми. Мы наяву стали красногвардейцами.

В конце леса послышался шум автомобиля.

— Не белые ли?

— Я предлагаю выйти вперед и остановить их. Если свои,— пусть махнут рукой. Если белые,—пусть упадут. Мы тогда будем стрелять,—предложил матрос.

Согласились. Навстречу автомобилю выслали двоих, а остальные залегли под кустами, сжимая винтовки, и наблюдали за ними.

Показался автомобиль, остановленный тотчас же нашим дозором. Что-то поговорили, потоптались, и дозор упал. Их падение сослужило нам командой.

Раздался дружный залп, вслед за которым из кустов с винтовками на перевес бросились к нему красногвардейцы.

Но каково же было наше смущение, когда в автомобиле оказались представители Ревкома.

К счастью, мы дали залп выше, и они остались живы. Наша ошибка была вызвана тем, что дозор упал, поскользнувшись в канаву.

За леском начинался фронт. С разных сторон слышалась пулеметная, орудийная и ружейная стрельба, вводившая нас в недоумение: где наши и где противники?

Пошли прямо, надеясь на то, что «кривая» вывезет. В двух верстах от леса случайно наткнулись на казаков.

Быстро рассыпались в цепь и открыли отчаяннейшую стрельбу. Казаки отвечали.

На перестрелку обратила внимание чья-то артиллерия и в лощинку послала несколько снарядов, от которых мы и наши противники поспешили скрыться, не имея ни убитых, ни раненых.

Лишь выбравшись из этого места, у одного из красногвардейцев было обнаружено простреленное ухо. Несмотря на его протесты, его голову вместе с ухом красногвардейцы забинтовали грязной рубашкой.

Плескаясь по лужам и громко иронизируя над раненым, добрались мы скоро до небольшой деревушки, полной матросами, отдыхавшими после боев.

Усталые, заснули и мы.

Через часа три мы проснулись. Слышалась ужасная стрельба. С заспанными лицами, мы выбежали на улицу и, очутившись в общем потоке революционных войск, пошли в атаку на станцию Александровскую.

ОТ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ДО ЦАРСКОГО.

Впечатления от этой атаки остались у нас неизгладимые.

С удивлением мы смотрели тогда на новых красных боевиков, представлявших очень красочную группу

С криком, без страха мимо нас пробежал красногвардеец в щеголеватых ботинках, смокинге и шляпе, а сзади него несся оборванец-босяк. Дальше бежали двое рабочих, обросших бородой, в синих блузах и брюках чортовой кожи. За ними вприпрыжку поспевал пятнадцатилетний гимназист-комсомолец

В этой массе радостно несшихся, может быть, на смерть людей, можно было видеть одежды разных покроев и фасонов.

Ни один фронт, вероятно, не видел такого разнообразия в обмундировании.

Сзади рабочих, делая огромные прыжки, кляня, по привычке, свет, апостолов и ангелов, бежали матросы.

До станции было уже недалеко. Уже отчетливо виднелись вагоны и бегавшие в панике люди. Шла тем не менее яростная стрельба, не останавливающая наступление красных.

С криками ворвались на станцию Александровскую. Бегут не выдержавшие натиск белые в Царское Село. Спотыкаясь о трупы людей и лошадей, лавиной бегут за ними красные.

На ст. Александровской красногвардейцы освободили запертых в вагоны своих, взятых в плен белыми. Выстрелы, направленные

со стороны красных на станцию, в первую очередь попадали в вагоны, убивая наших товарищей.

Теперь оставшиеся в живых вместе со всеми направились мстить белым за подстроенное братское убийство.

Всю дорогу до Царского Села (ныне Детское) красногвардейцы, не уставая, бежали бегом, догоняя разбитого противника, в панике бросавшего оружие. В беге, по дороге, натыкались на трупы, падали, подымались и, обгоняя друг друга, бежали вперед.

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

Масса народа толпится у ворот домов, но, к удивлению, нет нигде противника. Чуть где покажется вооруженный, сотня красногвардейцев бросается к нему и видит своего рабочего.

Местная беднота и солдаты царско-сельского гарнизона ходили между нами, угощая, чем богаты и указывая всех лиц, замешанных в поддержке белых. Таких тотчас-же арестовывали.

Расстрел был чужд победителям и на требовавших его смотрели с известным омерзением.

В Царском Селе произошел, например, такой факт. В местном офицерском лазарете, одновременно с ранеными на русско-германском фронте, лежали раненые офицеры в октябрьских боях.

Проведав про это, часть матросов решила их расстрелять и ворвалась во дворец, где и помещался лазарет.

Администрация последнего, догадавшись по возбужденным крикам приближающихся матросов о цели их прихода, забаррикадировала входы и бросилась к красногвардейцам за помощью.

Один из докторов встретился с нашим комсомольским отрядом, вместе с которыми были также и матросы.

Вначале мы не поверили рассказу доктора. Нам было странно слышать, что, являясь победителями в борьбе за чистую и светлую идею, имеются товарищи, желающие ее запятнать расстрелом и к тому-же безоружных, вышедших из строя, людей.

Когда-же доктор сообщил, что расстрелять раненых явились матросы, бывшие с нами матросы заявили, что это ложь и доктору все это померещилось. Матросы ушли, а красногвардейцы на всякий случай направились к лазарету.

В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ.

Не поспей рабочие во время, был-бы большой позор. Матросы уже ломали двери лазарета. Взяв винтовки на изготовку, мы, растолкав толпу, встали ко входу и заявили, что расстрела раненых не допустим.

— А и Вы с ними, изменники!—неслись крики наступающей толпы.—Мы и вас расстреляем!

И что было-бы с нами—мы не знаем. К счастью на помощь к нам подоспели отставшие вначале матросы и отогнали от лазарета наступающих.

Тогда они в ярости бросились в первый этаж, где помещалась какая-то канцелярия. Мы с горечью смотрели, как там разбивались прикладами дорогие бюро, картины, окна.

— В революции есть хорошие стороны и плохие. Привыкайте ко всему, ребятки! К плохим делам их толкает не разум, а гнев и месть за долгие годы унижения,—заметил нам один из революционных офицеров, увидев наши опечаленные лица.

Здесь-же на наших глазах был расстрелян, при общем одобрении массы населения, священник, о котором нам почти все сказали одно:

— Собака на редкость.

Больше расстрелов не допустили, из-за чего впоследствии рабоче-крестьянской Руси пришлось расплачиваться своею кровью.

Отпущенный на честное слово генерал Краснов (ныне к счастью «литератор») со своим штабом, убежал на Дон и отплатил по генеральски за наше благородство, организовав фронт для борьбы с Советской властью.

С тяжелым осадком на душе, вызванным разгромом и расстрелом, молодежь направилась обратно на станцию Александровскую

ПО ДОМАМ.

На станции—всеобщее ликование и подсчет трофеев. Помимо военного имущества, красными воинами захвачен целый эшелон подарков, присланных Керенским для казаков. Эти-то подарки, на упаковке которых было лаконично указано: «Достойным», по иронии и достались красногвардейцам.

— Спасибо на добром слове!—можно сказать.

Подарки, состоявшие из баранок, колбас, орехов, табаку, организованно распределялись среди всех, надписью вызывая хорошее настроение.

Довольные и сытые, к тому-же получив известие об успешном подавлении восстания повсеместно, отряды стали собираться домой.

Около вагонов начальники выстраивали своих подчиненных и с тщательной заботливостью их осматривали, т. к. многие вбили себе в голову, что раны показывать позорно.

Обнаруженных раненых здесь-же перевязывали и, несмотря на их нежелание, отправляли в госпитали.

После поверки сели в поезд.

— Ну, ребятки! Наша власть—проговорил старик красногвардеец.—Теперь ее нужно защищать. Что будет впереди, не важно. Главное—не раскаиваться. Правильно я говорю?

— Правильно, дед!—хором крикнул вагон.

— А ты что глаз закрываешь? Синяк. Откуда?

С синяком стыдливо покраснел:

— Когда за белыми бежал, на седло упал.

— Врешь. Подрался поди?—недоверчиво протянул дед.

— Мы видели, дед, как он упал.

— Так не стыдись шкица. На каску прикладывай.

Огромная каска вместе с синяком закрыла голову подростка, при единодушном смехе вагона.

Вся дорога до Ленинграда прошла в хохоте. Хохотали над всем, даже над человеческой смертью.

Матрос, ухитрившийся достать последние газеты, в минуту установившейся тишины прочел красногвардейцам.

« ...Когда с Петропавловской крепости выстрелили вверх из орудия, стоявший на посту у Зимнего Дворца ударник умер от страха, получив разрыв серца.

Всем выдержавшим в последние дни, бешеные артиллерийские атаки, странным казалось умереть от испуга, вызванного одним только выстрелом.

— Ну и солдаты у Керенского!

И эта реплика покрылась таким хохотом, который могут дать люди беззаботные и счастливые.

Смерть, единственный раз, вероятно, создала в группе людей самое веселое настроение.

Красногвардейцы не доехали до Ленинградского вокзала.

Чтобы не видеть сантиментальных картин, чтобы не быть предметом внимания тысячи людей, толпившихся у вокзала, по путям Варш. жел. дороги все разбрелись к себе по квартирам.

— Я рад, что ты живым вернулся с фронта. В Райкоме некому дежурить, все удрали на фронт,—сказал отец при виде моего возвращения.—Идем! И пошли.

III. В Москву, на помощь!

ПУТИЛОВСКИЙ БРОНЕПОЕЗД.

Когда революционное настроение масс достигло предела и вылилось в октябрьское восстание, Путиловский завод, помимо тысячи лучших своих рабочих—красногвардейцев, выдвинутых на борьбу за торжество идеи Советской власти, дал революционному фронту образец своего под'ема и труда—бронепоезд, построенный в два-три дня и укомплектованный его создателями.

Во главе бронепоезда стал рабочий Башенной маст., член Путиловского завкома т. Григорьев (левый эс-эр) [1], под командованием которого бронепоезд, состоявший из двух площадок с четырьмя орудиями, несколькими пулеметами, выехал под Гатчину.

Действовать здесь ему не пришлось до окончания боев и 28—29 октября он был возвращен в Ленинград для направления в Москву,

[1] В скорости перешедший в РКП.

в помощь изнывающим в затяжных боях московским рабочим, как помощь ленинградцев.

Когда стараешься вспомнить, кем он был направлен, то невольно приходишь к ответу: по желанию команды и командира.

По приезде из-под Гатчино в Ленинград, т. Григорьев был вместе с командой отозван в распоряжение Революц. Комитета, а взамен была прислана новая команда.

В тот день, когда я возвратился домой со ст. Александровской, в Райкоме Комсомола мне встретился товарищ, сообщивший об отправлении поезда в Москву, с предложением вступить в члены команды.

Конечно, с величайшим удовольствием я это предложение принял. Мы направились с ним на Варшавский вокзал.

Пришли. У бронепоезда один часовой играет с мальчишками в ножички и кругом пустота и безлюдье.

Кто хочет, мог взобраться в поезд, отвинтить у орудий замки, взять винтовки и незамеченный удалиться.

Как молоды мы ни были, не имея военного опыта, мы, тем не менее, догадались взять охрану поезда на себя и несли ее чрезвычайно рьяно, не подпуская никого ближе 5 шагов.

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ.

К вечеру появилась новая команда, состоявшая исключительно из членов партии соц.-революционеров максималистов. Во главе ее был тов. Зайцев, б. подпрапорщик 56 Двинского полка (он-же потомственный сапожник по профессии). В команде было много комсомольцев, с коими мы сталкивались по работе.

В силу-ли партийных трений или по причине нашей «возмутительной» молодости, т. Зайцев, при виде нас, довольно неучтиво предложил вернуться обратно, в виду прибытия новой команды.

Да будет стыдно т. Зайцеву за непонимание нашего (в то время) настроения.

Нас, представителей молодежи, которая с задором хотела в один день разрушить старый мир и построить новый, он хотел направить домой, после нескольких выстрелов, сделанных нами около Царского Села по «куцой» армии Керенского.

Мы искренно вначале возмутились. От возмущения перешли к пафосу и, театрально поддерживая винтовки, произнесли:

— С бронепоезда нас снять можно... но только мертвыми.

Но при виде, что даже рыцарская фраза мало трогает т. Зайцева, мы схватились за другую уловку.

— Вы признаете, что партия большевиков—партия пролетарская и самая популярная?—дипломатично допытывались мы.

— Признаем.

— Руководство в Октябрьском восстании и тяжесть борьбы на кого больше пали?

— На большевиков.

— Как члены партии большевиков, мы остаемся на бронепоезде. Где дело касается интересов революции, там должны быть большевики.

И в доказательство своего непреклонного желания быть на поезде, мы демонстративно сняли сапоги, не слушая никаких возражений.

Своей смелостью мы обезоружили тов. Зайцева, а впоследствии с ним сжились и были хорошими друзьями.

ФРАКЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ.

Теперь нас интересовал вопрос отъезда.

Мы с таким нетерпением и волнением его ожидали, что я, томившийся долгое время бессонницей в сей день во время «фракции» уснул необычайно крепким сном.

Может быть многие спросят, что это была за фракция?

Мой товарищ, Жоржик, являясь членом партии большевиков, членов остальных социалистических партий ненавидел больше, чем белогвардейцев.

Инстинктом он чувствовал о рискованности доверия им.

Поэтому, после беседы с т. Зайцевым, он затянул меня под нары и, сидя на ящике протухших мясных консервов, темпераментно стал излагать линию нашего поведения в «максималистском окружении».

За его докладом я и уснул с раскрытым ртом.

Проснулся от сильных ударов в бок.

Не понимая вначале в чем дело, я озлился и полез было в драку, но вспомнив его беседу со мной, подтвердил:

— Да. Да. Вот именно. Мы, как большевики, за максималистами должны наблюдать.

— Да не то. Мы уже пять часов, как выехали к Москве и полно новостей. Во-первых: наш броненосец причислен к отряду ленинградских сводных войск; во-вторых, с нами едет т. Раскольников, и в третьих мы стали на ст. Чудово и перед нами разобран железно-дорожный путь, убежавшим из-под Гатчино бронепоездом белых.

— Надо стрелять—спросонья решил я.

— Куда, чудак, стрелять, когда с час тому назад уехал?

Только теперь я понял, в чем дело. Стремительно одевшись и захватив оружие, выбежали на станцию.

ПОГОНЯ ЗА БРОНЕПОЕЗДОМ.

В комнате дежурного по станции была масса матросов, один вид которых приводил нас, подростков, хилых, с «куриными грудями», в удивление.

Это были огромные дяди, с загорелыми лицами, с декольте, открывавшими груди, где было столько волос, что хоть косы заплетай.

Голоса у них были грубые и тяжелые.

В комнате, соблюдая возможную тишину, они внимательно слушали об'яснение очевидцев о прошедшем белогвардейском бронепоезде.

Оказалось, что бронепоезд состоял из двух, крытых дюймовой броней бронеплощадок, с четырьмя подвижными башнями, такимже количеством орудий, по бокам 16 пулеметов.

— В команде было много офицеров и—вот вам крест—сам Керенский!

Я полагал, что в комнате я буду задавлен.

Услышав ненавистную фамилию, матросы, разбрасывая встречаемых обывателей, бросились стремглав к поезду—сообщить сенсационную весть и одновременно поторопить с ремонтом пути.

На телеграфе этим временем штабом отряда по линии пересылалась депеша с приказанием задержать всеми средствами бронепоезд до нашего прихода.

Путь починен и мы отправились далее, имея крайне грозный вид.

Предполагая, что белый бронепоезд, имея у себя Керенского, нам легко не сдастся, мы к бою готовились с колоссальной серьезностью.

Наше оружие, бывшее и до этого предметом особых забот, подверглось возмутительной чистке.

Его перетирали и смазывали по несколько раз.

Не оставляли без внимания и свой внешний вид, желая приобрести особую воинственность. В этом особые «достижения» видимо имел я.

В руках пехотная винтовка со штыком в два раза выше меня. Надетый на мне отцовский пиджак, в качестве пояса, перевязан по всем направлениям пулеметными лентами. За поясом пистолет эпохи Петра I и тесак (как редкость, сдадены мною впоследствии в Харьковский наробраз), да еще две гранаты.

Одним словом—вид ужасный.

Разница в вооружении между мною и матросами заключалась в том, что они по своей величине имели больше свободного места на фигуре.

К своей зависти, я видел матроса при шпорах и с палашем, катящимся у него сзади на огромном (в два дюйма диаметром) колесе.

При виде нашего вооружения, можно было предполагать сдачу противников нам без боя. Отчасти с такой надеждой мы и ехали.

Мелькали мимо нас леса, поля, станции, но бронепоезд неуловим. Пытавшихся задержать его железнодорожников команда терроризировала угрозой расстрелять, и на станции нам приходилось только видеть напуганных белыми людей.

Приходившие в отчаяние матросы, с таким остервенением поминали родителей Керенского, богов, апостолов, что публика бого-

боязненная, затыкая уши, в панике бросалась по сторонам, а другая часть в немом восхищении замирала на месте.

Под'езжая к ст. Окуловка, вновь наталкиваемся на разрушенный путь, усиливший ярость красногвардейцев.

Один из максималистов, потерявший от волнения шапку, летал по станции, громогласно требуя аэроплан с бомбами для уничтожения «проклятого бепо».

Он в азарте бросался к бабам, торгующим молоком, к стрелочникам и, изложив свой проект, летел дальше к их недоумению.

БОЛОГОЕ.

В Бологом для наших чувств и настроения было мало утешительного.

Железнодорожники лишь сообщили, что бронепоезд, вышедший час тому назад на Рыбинск, задержан солдатами военного склада около ст. Куженькино.

При этом нам было передано обращение команды к красногвардейцам с просьбой «оставить их в покое и дать возможность выполнить долг перед родиной, т.-е. направиться на борьбу с немцами».

Эта нелепица вызвала у всех единодушный хохот.

Команда бронепоезда, имея у себя почти одно кадровое офицерство, признает себя, в географии «своей родины» круглой невеждой.

Отправляясь на борьбу с немцами — и вдруг избирать путь на Рыбинск.

— Хотя... Почем знать, друзья! Может-быть в Рыбинске есть десяток пленных немцев, где офицерство проявит силу своего оружия и воинскую доблесть.

Наше нервное настроение постепенно исчезало. По полученным сведениям от убежавшего с белого бронепоезда солдата,— Керенского и, вообще, видных лиц, там не было. Но спешить все-таки нам следовало.

Явившиеся делегаты гарнизона ст. Куженькино настоятельно просили ускорить наш приезд к ним, т. к. борьба между ними и белым бронепоездом была явно неравная и утомительная.

Борьба солдат с бронепоездом заключалась в разрушении первыми путей перед вторым: когда путь востанавливается в одном месте, солдаты разрушают его в другом.

Перед отправлением делегации к нам—гарнизону от команды бронепоезда белых был послан ультиматум с предложением:— путей не взрывать. В противном случае склад подвергнется обстрелу. На складе имелась масса ценного имущества и взрывчатых веществ.

Нам следовало спешить и т. Раскольников распорядился:—матросов откомандировать к пушкам путиловского бронепоезда, красногвардейцев—в прикрытие.

ПАРЛАМЕНТЕРЫ.

Была уже ночь. От сырости и томительного ожидания отправки всех лихорадило.

И вдруг по вагонам началась пляска, крики. Мы уезжали в Куженькино.

В пути красногвардейцы нервничали—ведь предстоял серьезнейший бой за обладание усовершенствованным бронепоездом.

Только лишь т. Раскольников изумлял нас своим спокойствием. Во время пути он много острил, ухитряясь при тряске вагона пить чай.

Внезапно остановился поезд. Стремительно попрыгали с нар, с вагонов, собираясь быстрейшим натиском взять белых.

В темноте слышались спокойные приказы т. Железнякова, растанавливавшего красногвардейцев в боевой порядок.

— Ну, ребята, трогай!.. но только тише. — И мы, усиливая с каждой минутой быстроту шага, ринулись на огни белого бронепоезда. Как вдруг, где-то в стороне, послышались протяжные крики.

— Остановитесь!.. Парламентеры!

— Крой вперед!.. к чорту парламентеров!

— Скажите им, что нам незнакомо это слово. Даешь бронепоезд!!!

Понадобились популярность и авторитет т. Раскольникова, чтобы с трудом уговорить наступающих принять парламентеров и выделить своих.

Избрали тт. Раскольникова, Железнякова и нескольких других, а сами принялись ждать—нельзя сказать, чтобы терпеливо.

Покуривая, матросы «шепотком», раздававшимся как благовест, кляли «глупый обычай переговоров», и уверяли, что «лучший способ, когда хочешь взять вещь—бери, а не дают, то дай в зубы».

Через полчаса ожидания начали роптать и возмущаться. А через час, выражаясь военным языком, у нас была «повышенная чувствительность и пониженная рассудочность».

В такой нехороший момент к нам и прибежал, потерявший здравый смысл, один из парламентеров, рассказавший, примерно, следующее:

Командование белого бронепоезда настаивает на том, чтобы их пропустили на немецкий фронт в сопровождении одного нашего делегата в качестве контроля над их маршрутом. Весь состав и оружие остается у них.

Тов. Раскольников, якобы, с этим, вполне согласился.

— Нас обманывают. Они на фронт не поедут, а будут бороться против красногвардейцев.

Пропустить бронепоезд «куда-то» нам казалось равносильным разрешению более слабому врагу обобрать нас, как липок. А на бронепоезд мы имели виды.

ВЗЯТИЕ БРОНЕПОЕЗДА.

— Идем сами брать бронепоезд. Кто против того—на осину, будь он хоть и Раскольников.

И не то в шутку, не то всерьез, один из матросов, потрясая в воздухе веревкой, крикнул:

— При помощи веревки т. Раскольникову будет удобней смотреть, как из белого бронепоезда мы будем делать красный.

И пока парламентеры, не подозревая ничего, заканчивали переговоры, красногвардейцы, бесшумно шагая по полотну железной дороги, тронулись «перекрашивать» бронепоезд.

Ночь была до удивления черная. Своего соседа я чувствовал лишь по его дыханию, хотя он был в двух шагах от меня.

Когда вблизи слышался шум, десятки голосов спрашивали:

— Кто? Что пропуск?

И в ответ слышалось два пропуска, свой и чужой.

Часовые-белые поэтому тотчас-же, пользуясь темнотой, бежали в глубь леса, больше заботясь о сохранении своей жизни, чем о предупреждении команды в приближении красногвардейцев.

Зная их пропуск, мы без подозрений подошли к самому бронепоезду, к часовым у площадок.

Вся команда бронепоезда, успокоенная согласием тов. Раскольникова на их предложение, спала и видела радужные сны, когда мы, арестовав их часовых, считали количество ящиков со снарядами в броневлощадках.

А матросы, проникнув без шума в классные вагоны, успели, прежде чем проснулись белые, одеться в их хорошее обмундирование, чем привели в веселое изумление даже потерпевших.

Таким образом бронепоезд был взят целым без одного выстрела. К сожалению мы не захватили, в виду бегства, высший комсостав его.

На следующее утро после извещения т. Раскольниковым (который, встретившись с нашими цепями, вопреки данному обещанию, наступал на бронепоезд) Ревкома мы уехали в Москву.

Взятый бронепоезд получил наименование «Бепо № 1» и команду из матросов.

IV. Кое-что о красногвардейцах.

ВНЕШНИЙ ВИД КРАСНОГВАРДЕЙЦА.

Очень трудно удержаться от улыбки и смеха, когда вспоминаешь эту поездку.

Наше вооружение, навешанное на наших фигурах, являлось рекламой военной промышленности и отделением военно-исторического музея.

Несмотря на то, что в число нашего личного вооружения и снаряжения до Бологое входило: винтовка, два-три револьвера, шашка, две пулеметные ленты, пара подсумков, вещевой мешок, сухарный мешок, шпоры, полевые сумки и бинокль, мы после взятия бронепоезда с богатыми военными запасами, ухитрились на себя навешать еще множество предметов «случайно упущенных по нашему недосмотру».

Лично я обзавелся, по своей «скромности», парой гранат и компасом.

Без этого и кинжала 16-17 столетия я не имел, на мой взгляд, воинского вида.

Как красногвардейцы таскали на себе такое колоссальное количество вещей, для меня и поныне неясно.

Здесь необходимо было исключительное чувство преданности своей революционно-военной службе и полное отсутствие представления о боях, бойце и его месте.

Внешний вид красногвардейцев напоминал мне всегда вид мексиканского повстанца, который изображался обычно в газетах.

Если буржуазия, рассказывая о красногвардейцах, рисовала наш вид как самый бандитский, то, что грех утаивать, это отчасти соответствовало действительности.

От нашего внешнего вида с ребятишками приключались родимчики, а люди особенно робкие боязливо исчезали при нашем появлении.

В остальном-же (поступках, побуждениях) мы существенно отличались от бандитов.

Наши поступки, наше отношение к врагам, несмотря на незнание хорошего тона, являлись образцом пролетарского благородства и человеколюбия, очень не соответствующие нашей внешности.

У меня на голове была надета блинообразная котиковая шапка, из-под которой во все стороны выбивались пряди спутанных, нечесанных и давно не стриженных волос, в которых поселились целые общины паразитов. Вычесывание их стоило мне ежедневных страданий.

На моих плечах болтался отцовский рабочий пиджак, весь засаленный, оборванный и заплатанный.

Карманы, набитые патронами, горделиво оттопыривались. Рукава пиджака были настолько грязны, что когда ими приходилось, за неимением носового платка, утираться, моя физиономия, и так сомнительной чистоты, ежечасно разделывалась под негра.

Под пиджаком блуза и грязная от пота рубаха, также обильно населенная живностью, что заставляло меня часто встряхивать плечами.

Штаны на зависть сапогам, всегда ярко блестели от сала.

Сапоги разбитые и один из них заботливо был обвязан куском телефонного провода.

Многие заподозрят, что я был самый нечистоплотный и оборванный красногвардеец.

Где там! Едва ли? Меня всегда укоряли в излишнем франтовстве.

В довершение всего на моей тщедушной фигуре были развешаны образцы вооружения и снаряжения.

Сиплые голоса от простуды и небритые лица у многих дополняли сходство красногвардейцев с бандитами. Но ведь суть не во внешнем виде, и он нас не смущал.

УСЛОВИЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Питались мы также по-красногвардейски: случайно и разнообразно. В то время красногвардейские желудки подходили к типу тех солдатских желудков, про которые говорят, что они и топор сварят.

Ржавая селедка у нас сменялась фруктовыми консервами, сырая капуста и моченый горох—консервированными омарами и балыком.

За солеными грибами, огурцами и снетками мы с аппетитом поедали компот, пироги и свеклу.

И ни одного желудочного заболевания! Пренебрежительность красногвардейцев даже к физиологическим законам и привычкам, видимо, пугали желудок.

Жили мы в вагонах, в тесноте, не имея ни подстилок, ни подушек, спали все вповалку и просыпались жизнерадостными и полными пренебрежения ко всякому уюту и комфорту. Об этом и думать нам не хотелось.

Где грязь, теснота и неудобство, там невежество, отсутствие духовной жизни и здравой мысли—гласит статистика. На этот раз в отношении красногвардейцев она ошиблась.

У нас было грязно, неудобно и тесно, но было весело и наше время проходило здраво и полезно.

НАШИ БЕСЕДЫ.

На одной из станций, один из красногвардейцев достал вести из Питера, и, несмотря на ночное время, мы с живейшим любопытством и интересом слушали его передачу их.

Ночью никто не спал. Получив сведение об организации совнаркома и его персональном составе, в нашем вагоне целую ночь обсуждали личность каждого члена нового рабоче-крестьянского правительства.

Дошли до т. Ленина. Кто-то из стариков-красногвардейцев взмахом руки остановил беседу и, немного подумав, смущенно предложил:

— Давайте к Питеру пошлем поцелуй для Ленина!

И было неловко прибегать к излюбленному кисейными барышнями и влюбленными юнцами поцелую, но поцелуй при торже-

ственном общем молчании был послан любимому вождю от преданных, закаленных в труде и борьбе людей.

Перешли к обсуждению декрета о стеснении свободы слова для буржуазной печати.

— Кто-ж спорить будет, — глубокомысленно рассуждали в вагоне—конешно нужен этот декрет.

— Но... На заборах сукины дети, — выразил свое опасение с нар путиловец,—начнут писать.

Мы захохотали.

Декрет о введении восьмичасового рабочего дня был встречен всеми с огромным удовлетворением.

— Вот эта власть... Вчера места заняли, а сегодня и декрет для нас, рабочих.

— Только у меня зависть появляется теперь к молодежи. Я вот работал по 10 — 12 часов в сутки и теперь, в 45 лет, на 60-летнего старика походить стал. А им теперь станет лучше. Но только поймут-ли они значение этого декрета?

— Понимаем, дяденька, — загалдели мы из-под нар, — мы для этого и социалистический союз молодежи создали. Мы уж теперь сумеем постоять за себя и рабочий класс.

— Хорошо! Хорошо, ребятки! Вы уж берегите все завоеванное.

ЕДИНСТВЕННАЯ КАРТИНА.

К утру после долгих собеседований по вопросам текущей жизни, мы уснули, от холода тесно прижавшись друг к другу и, безмятежно улыбаясь во сне, обнялись.

Я проснулся раньше всех. За вагоном чувствовался холод, а в вагоне было тепло, как-то своеобразно уютно и мысль невольно этим располагалась к сантиментальности, к восторгу всем.

И причина к восторгу не замедлила отыскаться.

Красногвардейцы нашего вагона, без различия возрастов, убеждений, спали обнявшись и мирно улыбались.

Такую картину я видел первый раз и она на меня, как на энтузиаста, произвела огромное впечатление.

Усевшись на краю нар, я весь преисполненный неизвестным мне чувством, созерцал эту картину.

И вдруг один из рабочих кашлянул, освободился из об'ятий и, громко сопя и производя навешанной аммуницией шум, стал подниматься.

Обеспокоенный лишением своих мечтаний и виденной картины, я быстро замахал руками, ногами и головой, зашипел на него так, что он, предполагая нечто ужасное, застыл на месте, затая дыхание.

Жестами и мимикой я указал на виденную картину.

Видимо умиленный, он не вытерпел и разбудил еще одного красногвардейца. Этот еще одного, и скоро почти весь вагон был поднят на ноги для созерцания двух спящих красногвардейцев.

Под впечатлением указанной картины, в этот день говорили все с особой мягкостью, без ругани, каждая просьба или желание выполнялись тотчас-же, быстро и охотно.

Проснулись остальные и появилось желание знать, где мы находимся.

Открыли дверь и перед нашими глазами представилась Москва.

— Москва! Москва!—неслись радостные голоса.

Все принялись за свой туалет.

СОБЫТИЕ НОЧЬЮ.

А прошедшей ночью, как нам передали, случилось событие.

Около станции Клин нас задержали, и к нашему бронепоезду подошел неизвестный человек с вопросом:

— Кто едет в поезде?

Подозревая обывательское любопытство, часовой ответил резонно:

— Не твое дело.

В это время из штаба выскочили матросы с криками:

— Кто задержал поезд, душа из него вон!

Задавший вопрос часовому заявил, что остановка поезда произошла по его приказанию, и потребовал провести его в штаб.

В штабе товарищ назвался членом Ревкома Железно-дорожного района г. Москвы т. Зиминым и рассказал следующее:

— За день до его приезда сюда, для встречи бронепоезда, когда юнкерское восстание в Москве близилось к концу, в Ревком явились напуганные члены «Викжеля» и сообщили о направлении в Москву бронепоезда, за которым гонится эшелон матросов.

Бронепоезд терроризирует железно-дорожников, желающих его задержать, угрозами расстрела.

На совещании Ревкома было решено выслать навстречу бронепоезда двух делегатов, т. Зимина и Бочарова, с предложением выяснить его настроение и стараться в случае чего не допустить к Москве.

Тов. Зимин с Бочаровым, не доезжая одной станции до Клина, куда уже подъезжал наш бронепоезд, договорились, что один подойдет к поезду с расспросами, а второй останется ждать.

Если в течение нескольких минут делегат не возвратится, второй должен был сообщить в Москву с просьбой разобрать путь или выслать поезд для столкновения.

От такой встречи у нас даже пот выступил. Штаб поспешил доказать товарищу свою принадлежность к революционным войскам, и по линии была дана телеграмма с предложением пустить поезд беспрепятственно в Москву.

В МОСКВЕ.

Было восемь часов утра, когда мы, закончив свой туалет, принялись с вагонов обозревать Москву, особые взоры устремляя на золотые верхушки храмов и церквей, как на прекрасные цели для обстрела из орудий.

Издалека, из кварталов Москвы слышались одиночные выстрелы.

Но само восстаниие юнкеров было уже подавлено. Жизнь постепенно входила в нормальную колею.

Тотчас-же по прибытии наш штаб направился в Московский Ревком за распоряжениями, а мы, имея некоторые деньжонки, направились в буфет Николаевского вокзала пить чай.

«ДЕМЬЯНОВА УХА».

Подсчитав общую сумму имеющихся денег, мы смело ввалились в буфет I класса, наполненного массой пассажиров, скопившихся из-за боязни ехать через Бологое, «охваченного кольцом ужасных кровопролитных боев».

Пока мы протискивались к столам, многие уже знали нас, как питерских красногвардейцев. И не успели мы оглянуться как вслед за криками—Питерцы!—нас подхватили и буквально принесли к столам, окруженным пассажирами.

Все красногвардейцы были рассажены по столам и пока соображали, как к этому отнестись, и лестно или нелестно такое отношение к ним, официанты уже летели с кофе, булками и другими с'ёстными предметами.

При этом каждый, окружающий столы, пассажир, официантам плату за наш завтрак предлагал взять только у него одного.

Будучи очень голодными, мы без смущения насели на принесенный завтрак, при соблюдении толпой священного безмолвия.

После кофе, как в «лучших домах», нам предложили папиросы, а затем потребовали нашего рассказа об Октябрьском перевороте в Ленинграде.

Говорили мы чрезвычайно честно и добросовестно.

Ругали Временное Правительство, говорили о всеобщем под'еме, о настроении гарнизона.

Но в процессе рассказа одно меня начало смущать. Я заметил у всех слушателей улыбки.

Я хотел-было обидеться, но внезапно обнаружил крайне безобразное поведение моих рук, воспользовавшихся моим увлечением, как рассказчика.

Остановившись, правую руку я поймал деятельно копошившуюся в шевелюре, а левую во время разгона «толпы скопления», под... рубашкой за воротом.

Покраснев, я нашел место посвободней и айда... бежать.

Но к моему несчастью отцовский пиджак обладал длинными полами, позволившими за него ухватиться десятку пассажиров.

— Куда ты?.. Чудак. Вошь кусает, а он бежит... Ай! Ай!... А еще красногвардеец! Белья, что-ли на смену нет?

Сквозь стыд я имел мужество сознаться, что они правы, как тысяча халдейских мудрецов. Из дома я давно белья в запасе не имел и до сего дня особенного неудобства от этого не ощущал.

«Сердобольными» пассажирами на стол было положено три пары белья, пара носков и даже гимнастерка, подаренная мне одним солдатом-фронтовиком.

По окончании наших рассказов о перевороте, большую часть красногвардейцев, в том числе и меня, свели в вокзальную парикмахерскую, где и постригли с особой «жестокостью»... под ноль.

Но гостеприимство москвичей на этом еще не кончилось.

Будучи в их власти, нас из парикмахерской под конвоем сотни людей препроводили вновь в буфет для угощения обедом.

От такого радушия мы положительно взвыли и, опасаясь угощения еще ужином, после обеда, близстоящим товарищам по секрету сообщили о «необходимости» завернуть кое-куда.

— Только на пару минут.

Те улыбнувшись расступились и мы во всю красногвардейскую прыть бросились к себе на бронепоезд.

И если на нашем пути виднелись железнодорожники или иные рабочие, стукаясь лбами о буфера и колеса, мы бросались под вагоны и удирали от них.

Долгое время нам помнились эти побеги от радушия и гостеприимства москвичей.

МОСКОВСКИЕ КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ.

Часа в три дня группа ленинградских красногвардейцев, вооруженная до ужаса, направилась в город, где имела возможность познакомиться с популярностью своих собратьев по оружию и идее—московских красногвардейцев.

На одной из московских улиц, около Сухаревки, к нашей группе подошли рабочие, с просьбой арестовать компанию воров в одном притоне.

Польщенные таким обращением, мы направились по указанному адресу.

— Они с оружием! Поосторожней, товарищи!—предупредили они у притона.

— Мы лупили старосту, не боялись ареста!—скаламбурил обиженный лесснеровец и решительно шагнул в квартиру.

— Руки вверх!—послышался его голос из притона.

Вошли и мы туда. Перед лесснеровцем стояло человек десять пьяных с поднятыми руками, выделывающих неустойчивыми ногами кренделя.

Воров, найденный спирт и краденые вещи мы сдали через полчаса московским красногвардейцам. Должен отметить, что красногвардейцы проявили себя большими джентельменами, что трудно было ожидать от людей, переживших жестокую и кровавую борьбу с юнкерами.

Принимая арестованных, ими, по адресу ленинградских красногвардейцев, была сказано масса комплиментов и похвал, которые, конечно, нам были приятны.

В беседе с московскими рабочими мы выяснили огромную популярность местной Красной Гвардии и не только среди рабочих, но и обывателей.

При каждом случае, где требуется установление порядка, население обращается не к милиции, а к красногвардейцам.

И это нас радовало.

УРОК БОМБОМЕТАНИЯ.

Возвращаясь к себе на отдых в вагоны около вокзала, мы встретили кучки возбужденной публики, среди которой неслись шопотом слухи.

— Убили... Ленинградцы!

Обеспокоенные, предполагая самое худшее, мы побежали к бронепоезду. Около моста красным пятном на снегу выделялась лужа крови.

Бегом в вагон...

Около раскаленной докрасна печки молча сидели красногвардейцы, один из которых безнадежно махнул рукой и с горечью проговорил:

— Сопля... удивил... вот славушку-то пустил по России о красногвардейцах.

— В чем дело? Что случилось?—накинулись мы на него.

Дело заключалось в следующем.

Приезд ленинградского отряда красногвардейцев, благодаря рабочим железнодорожникам, стал известен всему Сокольническому району.

После окончания работ, рабочие направлялись к нам на бронепоезд, потолковать о происходящих событиях.

В этот день, не доходя полверсты до бронепоезда, одна из групп рабочих встретила одного нашего матроса и красногвардейца. Разговорились.

Во время беседы рабочий, обращаясь к матросу, наивно спросил:

— А что это за бутылочка, друг, висит у тебя на поясе?

— Не бутылочка, а бомба!

— Гранаты... чудак! — пояснил красногвардеец. — Хочешь, об'ясним?

Полагаясь на их знакомство с гранатами, рабочие охотно согласились.

Вытащив из-за пояса заряженную гранату, матрос и красногвардеец, взявши на себя благодарный труд лекторов, отметили, приводя соответствующие примеры:

— Предмет сей—зело опасный и разрушительный,—об'ясняли они долго и в заключение принялись показывать, что необходимо сделать, чтобы убить противника.

— Для этого нужно отодвинуть эту задвижку и снять кольцо. Тогда эта вещичка срывается и воспламеняет капсюль. Потом происходит взрыв,—сняв кольцо и отодвинув задвижку, закончил матрос.

Едва-ли взрыв входил в программу об'яснения, но последнее пояснение было настолько подробно и неосторожно, что взрыв не замедлил последовать.

Матрос и еще один рабочий взрывом были разорваны в клочья, а красногвардеец и несколько слушателей было ранено.

На нас данный факт произвел крайне тягостное впечатление. Было стыдно при мысли: иметь несколько побед и вместе с тем иметь в своих рядах людей, не имеющих знакомства с оружием.

Слово «сопля», как ни странно, относилось к убитому матросу.

После случившегося мы долго все ходили чернее тучи, обозленные на все и всех.

ВИКЖЕЛЬ И КИНО.

Следующий день прошел в ожидании получения из Московского Ревкома дальнейших распоряжений. Но их не было, и вечером мы с особым удовольствием приняли предложение рабочих отправиться с ними погулять.

Я помню, что в этот день самым ненавистным словом для меня был «Викжель» (Всеросс. союз железнодорожников).

Значения слова я не понимал до этого времени, но, гуляя с рабочими, я от них выслушал столько по его адресу брани и ругательств, что возненавидел до глубины души.

— Если рабочие ругают,—значит заслуживает этого суб'ект,—подумал я и, обращаясь к рабочим, заметил:—если наша помощь нужна... мы с удовольствием.

Огромное возмущение рабочих вызвал ультиматум, пред'явленный Центр. Комитету большевиков, где Викжель, под угрозой железнодорожной забастовки, предлагал создать коалиционное правительство из членов всех социалистических партий.

— Как они смели так говорить от нашего имени, подлецы? Кто будет бастовать? Начальники станций? Мы своих тогда создадим, но движения не остановим!—яростно жестикулируя, кричали железнодорожники.

К печали, мы впоследствии увидели, что не все железнодорожники имели такое настроение, как наши собеседники.

К числу поддерживающих «Викжель» принадлежали рабочие кулаческого толка.

Имеющие подсобный заработок, связь с деревней, коров и землю, охотно шли к нему с его бледно-розовыми лозунгами, удовлетворяющими их склонное к тишине настроение.

Вечером, возвращаясь вместе с рабочими домой, по одной из захудалых улиц, мы увидели, к своему изумлению, открытый кинематограф.

Это нас так поразило, что мы моментально туда завернули.

В зале публики было довольно много, преимущественно обывателей (в скверном понимании этого слова), для которых революция являлась одним шумливым бунтом.

Вначале, при виде вооруженной группы, публика зашепталась, но, видя нашу робость, успокоилась.

Смотрели мы фильм и после первого акта я заметил в своих друзьях происшедшую перемену.

Раньше, несмотря на свое пребывание в подпольном социал-демократическом кружке, после нелегальной сходки, молодежь, отдавая дань молодости, в каком-нибудь паршивом «Одеоне» с интересом смотрела за похождением апаша Вольдемара.

Но здесь было не то. После боев, в дни коренных социальных преобразований, смотреть, как на экране в муках ревности мечется гуляка-граф,—казалось глупым и пошлым.

Смотреть картину до конца было противно. Мы вернулись на броневик, где ожидала новость.

Команда бронепоезда целый день питалась только настроением.

Ни одна московская организация продовольствия не давала и решено было за помощью меня отправить в Ленинград.

От'езд назначался на завтра.

ОТ'ЕЗД.

Мой от'езд был чрезвычайно скромен и прост.

На рассвете часть комсомольцев, смотревших на меня, как на «авторитет» (до этого я был членом Ленинградского К-та Комсомола), залезла в чужой огород и...—неудобно же своего парня отпустить без еды—накопала картошки.

Картофель сварили, обсыпали солью и сунули в мой мешок, где имелись десятки красногвардейских писем.

После очень нелюбезно толкнули несколько раз меня в бок, разбудили и повели на станцию.

По моим предположениям, на станции командир бронепоезда т. Зайцев должен был купить билет—одним словом, сделать меня честным пассажиром.

Но в этом предположении проглянула моя комсомольская наивность, и незнание (отчасти) некоторых особенностей революции.

— Ты где хочешь, парень, ехать? В скором или пассажирском поезде? В первом классе или в третьем?

Меня, конечно, привлекал скорый поезд и первый класс, как неизвестные мне до того. Все поездки с матерью в деревню я совершал только в четвертом классе товаро-пассажирского поезда.

Подождали скорого Севастопольского поезда.

При первом звонке красногвардейцы высмотрели открытое окно вагона «Международного общества спальных вагонов» и, подхватив меня на руки, сунули туда головой вперед.

Испуганные буржуа, сидевшие там, уперлись руками в мою голову и оттолкнули обратно.

Красногвардейцы не уступили и, двинув мою фигуру в окно вновь, головой довольно метко какому-то инженеру попали в живот.

От боли и ярости тот взвыл и коленом стукнул меня по голове. Взвыл и я и, желая отомстить, кулаком попытался стукнуть ему еще раз в живот, но промахнулся и заехал даме в бюст.

Та меня ридикюлем—по уху. Я еще пуще заревел и крикнул:

— Да пустите же меня!

Руки разжались и я грохнулся носом об пол.

Из моего носа полилась кровь. В истерике билась дама, а красногвардейцы и инженер вели отнюдь не салонные разговоры, изощряясь в изобретении самых замысловатых ругательств.

Дама, придя в себя, куда-то скрылась, а я взлез на диван, вполне справедливо полагая, что место по праву принадлежит мне.

Я пролил за нее свою кровь.

— Ты инженеру в ухо дай!—посоветовали мне красногвардейцы после третьего звонка и сунули для защиты места новенькую винтовку с патронташем.

После этого инженер предусмотрительно удалился и я, никем не тревожимый, спал до Ленинграда, изредка просыпаясь для того, чтобы из груды писем выколупать смятую картошку для утоления голода.

В ЛЕНИНГРАДЕ.

В Петергофском Райкоме, где я рассказал о положении на бронепоезде, благодаря исключительной протекции тов. Миничева, мне дали 10 фунтов рису и 1 фунт жаровару.

Грешен, ребята (надеюсь, что это не станет известным контрольной комиссии). В Москве я настолько изголодался, что этот рис и жировар с'ел один в три дня.

Хотя моим оправданием может служить удивительная затхлость риса. А жаровар... мне кажется, что это был кусок скверного мыла.

Из Райкома, тов. Трифонов, на автомобиле, для доклада о бронепоезде повез меня в Штаб Красной Армии к тов. Юреневу.

Вооруженный смелостью и доверием команды, я долго рассказывал ему о голоде, о набегах команды на чужие огороды, но результата никакого.

И только тогда, когда в «качестве иллюстрации» на воротнике моей рубашки появилась «живность», тов. Юреневым было дано приказание выдать мне:

1 пару сапог,

1 пуд капусты,

10 фунтов крупы гречневой.

Уложив полученные предметы в мешок, вместе с одним из путиловских красногвардейцев, согласившимся поехать на бронепоезд, Колькой,—мы были доставлены на вокзал.

И вечером с запиской коменданта мы поехали в Москву.

В МОСКВЕ.

Утром поезд, где были мы, обрызганный хлопьями снега, пришел в Москву и выбросил на платформу сотни растерянных событиями людей.

Было тошно смотреть на некоторую часть железнодорожников, у которых революция не пробудила классового сознания.

Когда на платформу, надрываясь под тяжестью саквояжей, выходили первоклассники, вокруг них, с готовностью вытянув руки, суетились носильщики и, виновато заглядывая в глаза, шептали:

— Прикажите... тов... господин.

Колька, вытянув голову с полки в окно, смотрел на перрон и мыслями, укоризненно раскачивая головой, тихо ругался.

— Маз... дай... саватейки,—заскулили в вагоне и так не смело рванули Кольку за клеш.

Со вздохом оторвался парень от окна и, отодвинув с глаз пряди спутанных волос, всмотрелся.

Стояло двое детей, крепко держась за руки.

— Да-а-а-й... хлебца... миленький... мне,—и настойчиво вновь рванули за клеш.

Колька привстал, нежно притянув к себе ребят, и, смотря в лучистые и прекрасные глаза, выковыривал из их ушей комки грязи.

— Союз есть молодежи... Вы запишитесь... помогут и—взмах рукой.

Вытащил Колька из мешка кочан капусты с завялыми, как тряпки, листьями, и, отодвинув в полы матрацных курток детей, сунул его туда.

— Хлеба нет, ребята... Валитесь дальше.

Сжался под курткой кочан и, по-прежнему держась за руки, дети ушли.

Долго мы с Колькой думали над этим фактом. Нам казалось, что сейчас, в дни революции, достаточно поднять этот вопрос,— и все будет сделано. Устроят сразу приют для беспризорных детей и все будет прекрасно.

Поэтому Колька, после долгого раздумья, достал тетрадь и написал:

«По приезде в Питер сказать парням об устройстве дома для детей христорадников».

Подумал и раздумал. Советская Власть сама это сделает, догадается.

И успокоился на этом.

Взяв мешки, мы вышли из вагона и направились на бронепоезд.

В тупике стоял путиловский бронепоезд. Было на нем неживо и скучно.

ВНОВЬ В БРОНЕПОЕЗДЕ.

Жерла пушек обезоружены чехлами.

У броневлощадки часовой, всматриваясь в концы своих ржавых и истоптанных сапог, бросал соседу:

— Гужбан!

Мычал сосед от лени и силился расширить щели своих сонных глаз.

Мы—в вагон команды. А там ссора.

Сидел рабочий-красногвардеец, притягивал другого к себе за воротник и оба говорили.

Оба сегодня хныкали.

Шли по улице. А навстречу тысячи таких же, как и они, при возвращении с завода, угрюмые, усталые.

А впереди гробы... гробы.

Кто в гробах? Свой брат—рабочий. Сколько их по всем городам и последние ли это? Как не всплакнуть!

— Да!—просопел сосед.—Ведь, поди, у них семьи... дети... плачут, поди.

И задумался.

А из команды ему:

— Ну, всех-то нам не оплакать. Будет много впереди. А вот я вам расскажу анекдот:

— ... Ну, и вот.

И залился рассказчик смехом, заглушая хихиканье и звон пружин диванных.

Посинел нос у красногвардейца.

Оторвавшись от дум, схватил грязную рубаху и свернул ее жгутом.

Долго думал, а потом замахнулся и залепил рассказчику в физиономию.

Быть бы драке. Уже приготовлялся к ней рассказчик и раскрывали ворота рубашек окружающие.

Да вошли мы, бледные от голода и озлобленные, что в команде могут драться в такой серьезный момент, как октябрьские события.

Вошли. Небрежно кивнули головой утихшим красногвардейцам и бросили привезенный мешок, на котором сосредоточились их взоры: умоляюще-спрашивающие—на нас и голодно-алчные—на мешок.

Конечно, сбоку здесь начались предположения и догадки.

— А што ежели Ленинградский Ревком колбасы прислал?.. копченой... и денег... Вот лафа!

— Коку маку,—ответил, уже познакомившись с командой и осмелевший Колька.

Когда команда нетерпеливо стала требовать показать ей, присланных Ревкомом подарков, я при усиленной тишине вытащил четыре кочна вялой капусты и пару сапог для ноги всадника с Знаменской площади.

— Вот подарок Ревкома... команде—с'иронизировал я.

Все не верили этому. Думали, что у меня спрятаны деньги. Перевернули, вытрясли карманы, пощупали в интимных местах. Ничего не было.

Только после этого поняли.

— На сто человек?—протянулись ко мне испуганные и удивленные лица красногвардейцев.—Одну пару сапог и четыре кочна?

— Зато сапогам износа нет,—похлопывая по голенищам, процедил Колька.

— Экономическое положение республики скверно,—авторитетно отметил я.

Но так как и нам было обоим непонятно, почему нам не дал Ревком нужной помощи, то, как честные комсомольские активисты, мы ответ на данный вопрос решили отыскать в книге.

Забились под потолок на нары и раскрыли книгу К. Каутского: «На другой день после социальной революции».

Сжали брови.

— Интересно знать! Что-же будет теперь в России?

А команда, поставив на пол сапоги, всунула в голенища кочны капусты, ковыряла бархатные листья пальцами и толпой обиженными голосами кричала, перебивая друг друга:

— Продовольствия нет.. Денег нет... Железнодорожный ревком урезает масло с каши... и рабочие к нам больше не ходят.

— Раньше что? Кто припрет картошки... кто муки... глядишь, и сыты, а там... человек живет надеждами.

— Даешь собрание! Собрание, ребята!—глубоким эхом отдалось по бронепоезду.

СОБРАНИЕ.

Было на бронепоезде собрание.

Секретарем был избран я, а председателем рабочий-путиловец, который своей бородой колол мне уши и, обдавая запахом перегорелого эфира, шептал:

— Ты, мальчуган, нить... нить основную пиши... конкретней, как говорят, чтобы не подкопались.

Кто должен был подкапываться—для меня было не совсем ясно, но я стенографически почти записывал резкие речи ораторов, ежеминутно задумываясь над вопросом:

— А вдруг подкопаются?

Вначале заросший до глаз бородою красногвардеец, зажимая в одной руке картошку, а другой размахивая кочаном капусты, долго кричал о необходимости отправки домой.

А рядом хохол-красногвардеец присел на корточки, треща брюками, гладил руками привезенные сапоги и молча вскидывал просящие глаза к собранию. А оратор все кричал, возбуждая собрание:

— Нельзя... домой надо. Жрать нечего. Вот с'ем я картошку, а дальше што? Воровать лети? Нет. Не опоганим себя! —Да желтолистным кочном с пыла как двинет соседа-хохла по голове.

— Щоб ты сказывся, дурень! По самой потылице...—утирая голову от капустной перхоти, незлобно ответил тот.

— Правильно! —ревом охрипших глоток наполняла вагон толпа.—Нет впереди ничего у нас.

— Кончена революция!

— В заводы!

— Домой!

— Нас забыл Питер, послав к москвичам.

Сурово слушали крики комсомольцы.

Разобрался в шуме и криках Колька и, поглаживая поднятый в задумчивости к потолку подбородок, сказал соседям-комсомольцам:

— Нашли чудаков тоже! Вот уж мы, комсомольцы, не политики, а домой не поедем!

— Будем стонать от голода, загоняя свое барахло, а не уедем.

— Рабочим придется с буржуями бороться 10—15 лет,—сказал кто-то.—Поддерживая Кольку, вставил другой комсомолец:—А кто все-таки?

В ЖЕЛДОРРЕВКОМЕ.

Ночь. После бурного собрания, где все-таки решили за окончанием революции уехать домой в Ленинград, я спал, укутавшись с головой в отцовский пиджак и видел сны.

И вдруг кто-то неделикатно сжал мою ногу, сбросил с дивана и проворчал:

— Ноги воняют... мыть надо. Идем.

Будучи весьма щепетильным к своей личности и к тому-же забиякой, я намеревался вступить с «неким» в драку, но увидел своего командира.

И если т. Зайцев проявил себя хорошим командиром, обратив внимание на несоблюдение мною некоторых правил гигиены, то я проявил себя отличным солдатом:

— Слушаюсь!

Растирая сонные глаза, последовал за ним, спотыкаясь о железнодорожную колею.

Он ничего не говорил, но я догадался, что путь мы держим в Ревком железнодорожного района, помещающегося в царском павильоне Николаевского вокзала.

Царский павильон, а в нем Ревком. Свет стосвечевой лампы тускло пробивался сквозь туман табачного дыма, вырисовывая тени.

У телефона, жестикулируя горячо и убедительно, член Ревкома повторял:

— Помилуйте... Слушаю!

Положив на туловище пулемета головы и крепко втягивая носами воздух, спали рядом московские красногвардейцы, при каждом шуме вздрагивая и недовольно мотая ногой.

Командир несколько минут секретно о чем-то говорил с членом Ревкома, а затем, сделавшись еще суровей, крикнул мне:

— Ну, шкет... получай сахар.

Вместе с сахаром мы получили консервы, японские сухари.

— Что-то будет?—подумал я при виде такой горы с'естного.

— В Тулу едем,—ответил на мои мысли командир,—Советскую Власть устанавливать.

— Ты вот ученик токаря. Да? А я, шкет,—сапожник. Все равно. Не видать тебе сейчас суппорта и резца, а мне дратвы и колодок. Теперь мы начнем воевать.

Принесенные продукты были очень радостно приняты.

Целый день команда ничего не ела и от безделья и голода готова была выкинуть ряд бестактностей.

А теперь было в вагоне вновь хорошо и весело.

Колька сидел в вагоне в кругу красногвардейцев, зажав между колен банку консервов, ел их с японскими сухарями и сдабривал еду мыслью: «кончится одна банка, из мешка достану другую; ну, еще если разойтись, то с'есть можно и третью».

Сытому-то и побеседовать можно спокойней.

— Нам, комсомольцам, все равно, есть ли ужин или нет. Какая разница? Благо в Тулу с юнкерами драться едем.

— Ма... да! И нам тоже,—чавкая и хрустя сухарями вторили старики.

ВДАЛЬ ОТ ДОМА.

10 ноября 1917 года, ночью, наш бронепоезд (№ 2) вместе с бронепоездом № 1 и эшелоном матросов, под командой тов. Ильина Женевского, двинулся на Тулу.

Проснувшиеся от холода и встряски комсомольцы, при виде мелькающих встречных фонарей, без стыда даже взвизгнули от удовольствия.

Мы ехали воевать, делать революцию: как здесь не появиться восторженной гордости?

Но было и чувство тоски и сожаления о покидаемом родном Ленинграде и доме.

Поезд уносит с каждой минутой все дальше от него и красногвардейцы уходят в свои переживания.

В вагоне команды, где маятником качается догорающая свеча, умолкают вначале песнь, затем беседа и шопот.

Молча развешиваются на печке портянки, чтобы сухи были в завтрашнем бою, а после слышится сонное храпение.

От зевоты запрокидывается голова, втискиваясь в буханку черного хлеба, заменяющую красногвардейцам подушку.

Жестко. И возмутительно чешется.

— Ну, спим... спим,—успокаивают ворчание старика, разбуженного их шопотом, комсомольцы.

Засыпают и в самом деле.

А я долго не сплю из-за многих размышлений и дум.

Мои мысли все отразились в том сне, который я видел в этот день.

Я не знаю хорошо, спал я или не спал. Кажется, спал.

И во сне я видел, как что-то бесформенное тянуло от меня во мглу дом, с постелью, стаканами, баней и родными, все дальше и дальше.

А перед глазами неслись батареи, снаряды, рвущие людей на лохмотья.

Земля вместо трав и цветов на моих глазах обростала крестами и могилами.

Моя комсомольская улыбка исчезала, а на лице появлялись жесткие и суровые складки.

Лицо обрастало бородой и усами.

А утром дневальный мне рассказывал, как я во сне плача шептал:

— Не надо усов и бороды. Разве нельзя без этого?

И когда он при виде влезавшей в вагон крестьянки крикнул громко:

— Нельзя!

Я тихо заплакал, повторяя:

— Нельзя... значит великое дело?

Такие же мысли или похожие на них были и у других комсомольцев.

Все мы утрачивали улыбку, тихую домашнюю бузу.

БАБА В ПОЕЗДЕ.

В морозное скрипучее утро молодежь выбросилась из вагонов и шпанистыми голосами будила бронепоезд и маленькую забытую станцию.

И вдруг...

В конце запорошенного снегом эшелона, молодые глаза комсомольцев высмотрели закрытый на замок товарный вагон.

— Чей он?

А уж вдоль поезда слухи пошли:

— В купе вагона... знаешь, где Жоржка, баба какая-то едет... волосы чешет и папиросу, как... курит.

— Кто привел бабу... сознавайся,—сжав губы и вылупив глаза, кричал пулеметчик Осипов.—Постановление, сукины сыны, было... баб не водить. Кто привел?

Молча стояли красногвардейцы, испытующе оглядывая друг друга.

— Унизительно,—подумал Колька, высморкался в сторону и вслух добавил:—командиру Зайцеву доложить надо.

— Беспременно! Пошли к командиру.

Ну и пошли толпой.

— Нам мораль держать надо питерцам—а не баб водить,—да заковыристо,—как бросит изо рта ругательства.

— Гнать бабу нужно с поезда.

Посторонних точно кнутом огрел по задам. Даже вздрогнули и шагу прибавили.

Командир, прислонившись к телеграфному столбу, говорил с комендантом и мучительно шевелил кожей лба.

Истыканный шилом и черный от сапожного вара, палец командира водил по линии поезда и застывал на таинственном вагоне, при окрике:

— Откуда?

Плечи коменданта подымались к ушам, руки скреблись в лохматой голове и до этого разбитной малый виновато бормотал:

— Не могу знать!

— А вам что? — раздражительно спросил Зайцев при виде взволнованных красногвардейцев.

Кто-то пихнул к Зайцеву Кольку и тот, с налета упершись руками в живот командира, начал:

— Баба в поезде... постановление было не водить... коман...

— Какая баба? Что за баба? Гнать ее... кто привел мне доложить... Мать вашу в тридцать три гроба!.

— Пойдем. Бабу в три шеи выгоним. Не дело сейчас этим заниматься, потянули Кольку в толпу, направившуюся к «бабе».

В чистом двухместном купе, обитым плюшем, сидела, положив нога на ногу, худощавая, 30 лет на вид, женщина, читала книгу и покуривала небрежно папиросу.

Одета она была в кожаную тужурку на меху и барашковую папаху.

При появлении красногвардейцев, умолкших и мрачно насупивших брови, она встала с дивана и довольно нелюбезно спросила:

— Зачем пришли?

Вновь вытолкнули из середины Кольку, который, выплюнув папиросу и высморкавшись, начал:

— Кто вас сюда привел?... Вообще мы женщин... принципиально не пускаем.

— Ну, и убирайтесь к чорту и мне нет до этого дела и не морочьте мне мою голову.

Да сказано это было с такой грубостью и смелостью, от которой все оробели, даже Колька.

— Вот сволочь, баба!—покачав головой, мог только сказать опешивший Осипов.

От неожиданности такой встречи «бабу» даже побить забыли и вышли.

У вагона долго орали ругательства, размахивая кулаками и требуя «бабу» вышибить:

— ... Так как позор иначе.

Но вышла из вагона баба, презрительно осмотрев всю толпу, подошла к Осипову и, выдохнув из рта тучу дыма в его лицо, выругалась, как босяк и направилась в штаб, оставив за собой ругань, угрозы и растерянность.

КТО ОНА?

Командиру путиловского бронепоезда.

«С получением сего предлагается охранять силами команды вагон с винтовками и заключить на все виды довольствия его проводника Марию Никифорову».

Штаб отряда питерских сводных войск.

Ах, как взволновалась команда. Баба пересилила и еще обругала нас.

— Мы кровь проливали, а нас... да мы ее...

— Да мы в два счета!

— А теперь ее охраняй и корми.

Вновь устроили собрание и комсомолец Жоржка, краснея от непривычки выступать, ухитрился, одну руку приложив к сердцу, а левую вытянув вперед, ляпнуть:

— Быть или не быть? Мы или она!

А остальное, когда рот открыл, забыл.

Где «баба», там уж не жди удачи.

Решили ехать обратно и уехали-бы.

Да только пришел к командиру бронепоезда штабной матрос, на груди которого синело не то восходящее солнце, не то штурвальное колесо, походил по поезду: в одном вагоне помянет о «боге», апостолах, «маме», в другом о пролетарской революции, о красе революции—красногвардейцах, в третьем,—об изменниках народа, о людях, жизнь которых зависит от случайностей.

После него собралась команда, поговорила, сложило все сказанное воедино. Вышло очень убедительно.

— Лучше не ехать, братцы, обратно!

Поехали дальше.

А Кольке команда заявила:

— Ты мальчонка шустрый. Так узнай, кто она... иначе в вагон не пустим.

У Кольки самого печенка портилась от желания узнать:

— Кто она, эта—«сволочь баба»?.

Уж что только не делал Колька, чтобы узнать о ней.

Носил ей кипяток, папиросы. Даже входил к ней, постучавшись вначале.

Интеллигентней-де.

Потом в штабе папиросами матросню угощал.

Вечером все сведения он получил и команде рассказал следующее:

— «Сволочь-бабу» звали Мария Никифорова. По своим убеждениям она примыкала к анархистам и в данное время возвращается из Москвы, откуда везет, для рабочих города Александровска вагон берданок и старых винтовок.

— Ну, уж это чорт знает, что такое! Груба, неприятна на вид, и еще анархистка. Чорт ее принес сюда. Тьфу!—плюнул с раздражением командир.

Через некоторое время, когда комсомольцы уже брились два раза в неделю и не видели эту «бабу», а только о ней слышали, они жалели, что:

«В своем отечестве несть пророков».

Если бы они были, то рассказали бы всем, как впоследствии она станет главарем банды головорезов—Марусей Никифоровой и будет резать, убивать, взрывать, вместе с пресловутым Махно, Украину и принесет много, много бедствий русскому народу.

А комсомольцы, ребята сообразительные и знали-бы, что нужно сделать с ней. Одна или две пули и имя Марии Никифоровой не стало бы знаменитым.

Да! Жаль.

ОСАДА БРОНЕПОЕЗДА. БАНЯ.

Бронепоезд приехал в Тулу.

На станции, где около бронеплощадок, гордо выпирая грудь с животом, как подобает честным часовым, расхаживал Колька и я, «несознательная часть» глазеющей толпы с громкими криками и свирепыми лицами бросилась на бронепоезд.

Началось восстание —мелькнуло в голове Кольки, и вмиг винтовку на перевес.

— Ай, не подходи, стрелять буду!

Где тут! Заглушая предостерегающий Колькин крик, толпа стремительно окружила бронепоезд, подбадривая отставших ужасными криками:

— Молоко! Колбаса! Вакса! Сапоги!

— Гармошки! Дешево продам!

— Тьфу! — пересохшими губами сплюнули мы с Колькой и прислонились, чтобы отдышаться, к бронепоезду.

Через десять минут пришла смена.

На бронепоезде мы застали красногвардейцев, собирающихся в баню.

Мы, конечно, изумились. Приехали мы в Тулу для боев, а здесь баня.

— А как же восстание в Туле?

Оказалось, что полученные Москвой сведения о восстании в Туле являлись провокацией. Здесь было тихо и мирно и даже не предвещало ничто восстания.

МИТИНГ.

В команде старики-красногвардейцы вытаскивают белье. А около станции веселый народ, комсомольцы, веники для стариков готовят, под носом у сторожей обдирая березы.

— Эх! — жмурясь от сладостного ожидания, захлебываются старики,—и попаримся же мы. У-у... косушечку,—и так это звучно щелчком под щеку.

— Нам-бы, комсомольцам, квасу!

Выстроились, чтобы итти в баню, шагнули и остановились.

Зачем?

Навстречу знамена, толпа, оркестры, крики, пение, здесь рабочие и крестьяне...

— Питерцев с победой поздравлять идут тульчане,— известил штабник.

— Подождать, что-ли, не могли?—заворчали в команде, — ну, а ежели так, то приодеться надо!

В вагоне приодевались. На поясе навешивали гранаты, бомбы, револьверы, груди блестели от патронов на пулеметных лентах.

Как щеголь, Колька под клеш надел шпоры. Впрочем шашка тоже подошла. Да планшет, бинокль, да два пистолета, из которых, может быть, сам Пушкин стрелял.

Удивительно Кольке к лицу подошли!

А около станции, колыхая в морозном чистом воздухе знаменами, тысячная толпа гремела оркестрами, пением, точно так, как ленинградцы в дни Октября.

— Питерцы! Да здравствуют питерцы! Да здравствует революция!

Появились из вагонов питерцы. У комсомольцев в груди что-то затрепетало. Так было радостно и приятно за питерцев.

— Если так принимают,—подумали они, то и умирать можно с удовольствием

А толпа праздничным взором хороших людей смотрела на них и тянула за рукава вглубь себя, пожимая руки и просто от хорошего чувства гладя руками платье.

Комсомольцев даже поцеловали.

Всем было хорошо, радостно и приятно. И речей не надо было.

Колька достал из планшета записную книжку и, помусолив слюнями карандаш, записал:

«Написать в ПК и райком — до последней капли и издыхания крови помирать, так все приятно и хвалят очень Питер за хорошее дело. Целуют меня и Жоржку».

В 11 час. утра на трибуну взошла Маруся Никифорова.

Было в толпе тихо. Даже, когда ругали Керенского, меньшевиков, эс-эров.

— Хорошо!—восхитился Колька,—и говорит хорошо и большевиков не ругает, кабы мне так говорить!

В 12 часов комсомольцы, чтоб погулять, пошли в баню.

А так как баня без чайку, что щи без соли, то в чайной выпили чаю с вареньем.

Пришли на вокзал и как будто бы нигде не были.

Маруся Никифорова все еще говорит, и хорошо, и понятно, и красиво.

Был уже третий час.

ВОТ-ТЕ ХРИСТОС!

За границей еще не было «Руля», «Последних Новостей», но сотрудники их уже были в Туле.

Было на станции много солдат, крестьян. И кто-то сеял между ними пахучую плесень лжи.

Шопотком, шопотком, кто-то красноармейцам рассказал, как в Питере по камням растаскивали Исаакиевский собор.

— А вы знаете? Всех священников в Москве большевики захватили и с Кузнецкого моста связанных бросали в Москву-реку.

Оборотились мы. Нет никого, кто говорил.

Вернувшись в вагоны, комсомольцы устроили собрание и решили:

— Надо агитацией заняться, ребята.

На станции, где Колька и я указывали комсомольцам группы для агитации, к нам подошел крестьянин, осмотрелся кругом и нагнувшись, шепнул.

— Нехорошо, мальцы... с убивцами заодно... бог достатка не даст.

— А, дяденька! Слушай,—обрадовались мы.

И начали.

Все, что знали, видели и чувствовали. И от обиды за «убивц» даже слезу пустили маленькую.

И стало у нас слушателей человек сто.

Стояли вокруг, светлели у них лица, и в знак одобрения покачивали головами.

— Вот оно што-о-о,—пронеслось по станции,—кончил, малец? Ежели правда, то перекрестись.

— Как перекреститься?—чуть не крикнул Колька,—да я же—большевик.

И взглянул на меня.

Мы стояли в смущении и одна мысль волновала обоих.

— Перекреститься, не веря, — позор и бесчестье для комсомольцев!

— Не перекреститься, не поверят!

Комсомольцы не знали никаких отступлений от программы. Мать, отца, курить бы бросили, если-б захотела партия.

Покраснели, лоб от переживаний покрылся потом и сухими губами произнесли:

— Вот вам Христос,—набожно перекрестившись...

— А как бы вы, ребята, сделали?

Цель была достигнута средством. Крестьянин, назвавший красногвардейцев «убивцами», заметив нашу попытку к бегству, красных и потных, протянул свою руку и ласково остановил:

— Погодь!

Вынул из немытого годами холщевого ящика буханку ржаного хлеба, потоптался на месте, взял за плечо Кольку и шопотом, слышным далеко за толпой:—Слышь! Нет у меня ничего, малец!.. На, пожуй и ребятам дашь... поди, изголодались там в Питере?—

И вот вечером в вагоне была ругань.

Колька резал на ломти хлеб и раздавал их красногвардейцам, об'ясняя, какой хороший был крестьянин.

И расчувствовался. Губы задергались от наплыва хорошего чувства.

— Да брось ты, шкет, врать то. Стянул где-то буханку и заливает во всю,—обиделись на Кольку старики.—Ведь не было этого.

— Было, а он этому свидетель.

Но никто не верил этому.

Было так обидно, что не верят в тот случай, о котором мы часто и очень часто вспоминали с улыбкой и теплотой.

Как свидетель, услышав, как и мне старики снисходительно заметили—ври! ври! я плюнул и, где здесь уважать старших, выругал всю компанию и ушел с Колькой в свое купе.

КОЛЬКА В РАЗВЕДКЕ.

Утро. Едва слышно ветерок гнал к западу фиолетовые облака, фиолетом отсвечивая всю станцию. Колька вздрагивал от прохлады, слушал звуки, исходящие от телеграфного столба, и подбирал, сквозь сон, подходящие напевы.

Потом оставил.

Послышалось что-то странное.

Протяжный гудок бронепоезда, тоскливый и нудный, раздавшийся рядом, долго гнался к облакам, замирая и пугая нас.

— С чего это?—невольно проворчал Колька, сдирая с окна сохнувшие портянки.

— Ребята, спите? Беда! Казаки с Орла двигаются,—зашептал в щель двери кто-то и пожевал немного, потом вслух подумал:— сейчас наверно стрелять будут.

Скокнул с полки Жоржка и, как был, босиком, да и в подштанниках, и выскочил на путь, будя всех испуганным шопотом:

— Сейчас стрелять будут.

Кто в такую минуту будет спать?

Повыскакивали из вагонов полуодетые люди и, подозрительно посматривая по сторонам и в высь, жались к толстодюймовым броням поезда.

Колька не был трусом, но лежать под бронепоездом было куда спокойней, чем в вагоне.

С этим мнением Кольки согласился и я.

И лежали, пачкаясь в снегу, нефти, пока не пришел командир.

Надо было итти в разведку.

Никто не улыбался и никто не шутил.

Но Кольку и командира молча одевали в тряпье, мазали лицо сажей, смотрели на них с надеждой и пожалели:

— Вы, товарищи, осторожней... не попадитесь к казакам.

— Знаем. Ладно. Отца только известите, если...

И под штанами у Кольки на ноге жилка запрыгала.

Босяками ходили долго по путям. Для убедительности курили подбираемые на линии «бычки» и морщились, закусывая их апельсинными корками.

Колька для дела и не то бы сделал. Но казаков все-таки не было.

Заглянули в вагоны. Чисто. Колька открыл печь.

Если тлеют угли, была стоянка.

Не было стоянки.

Не было казаков.

Ничего не было.

Но не мог-же это писать домой Колька?

На открытке, где сестра милосердия прижимала голову солдата, не то искала в его голове, он написал:

«Скажи, папа, парням, что был в разведке, казаков искали. Было не страшно и я не ранен. Я уже привык. Колька-красногвардеец».

И после того, как в этом письме я выразил восхищение «героизму» Кольки, он, преклонившись перед моим «товариществом», послал письмо в Ленинград.

А мы с бронепоездом уехали в Харьков.

О КОРНИЛОВЕ И ТЕЛЕГРАФИСТЕ.

В Курске с командиром пили чай, ели белый хлеб и думали:

— А что едят в Питере?

И было неловко есть белый хлеб, когда там картошку едят, поди. А то и ее нет. Неловко. К нам подсел человек в фуражке.

— Телеграфист и без гитары?—усмехнулся Колька.

— Хочу я узнать, куда вы едете?—сняв фуражку и оглянувшись, спросил сосед.

Колька сжал губы, выпятив нижнюю, и поднял к нему голову, смотря на него:

— Куда вы едете?

Не разжимая губ,—кивок в сторону командира.

Нельзя,—оборвал командир.

— Не на Корнилова ли?

— Причем тут он?

— Так вы не знаете?—возбудился радостно телеграфист.— Так Корнилов бежал с ударниками из Быхова и двигается сюда. Как же вы этого не знаете, об этом все знают.

— С вашей помощью?

Чиновник скромно повертел фуражкой.

Комсомольцы и командир плохо знали географию, тактику Корнилова, но решили, что им придется быть в бою.

Так, чтоб предупредить события, Колька написал тотчас-же домой, как шестидюймовый «банник» разорвался над его головой, «сея смерть и разрушения».

Колька, конечно, был прав и исходя в своем мышлении из очень простого факта.

Нужно предупредить события.

Ведь, если «банник» разорвался-бы над его головой, Колька был-бы избавлен от необходимости писать об этом.

Так думал он, так подтверждали и другие комсомольцы.

Мы пришли в вагоны, с тайным репортерским желанием услышанное облечь в более красивые формы и, как сенсацию, преподнести команде.

Внимание на день обеспечено—думалось. Но телеграфист оказался хуже, чем мы представляли после Чехова, и он лишил нас удовольствия и внимания.

О Корнилове всем было известно и у всех были, на нашу зависть, готовые выводы.

Послушаем.

— Корнилов, братцы, последний человек для буржуев. Как разобьем, тут уж никто не страшен!

— Тут уж Руси мир, нам слава, а буржуям—капут.

Заговорил у Кольки комсомольский актив и он вставил:

— А подросткам шестичасовой рабочий день.

— Блажь!—щелкнул его кто-то по носу.

АЙ-ДА, РЕБЯТА!..

Командиру бронепоезда.

«Быть в боевой готовности, ехать по направлению первого эшелона. Штаб».

Ехали в Белгород.

Колька стоял около орудия и «смертоносным банником» водил из конца в конец в дуле, вычищая налет, и думал:

— И вдруг дома узнают, что «банник» не взрывается? Вот стыд-то!..

Краснел и успокаивал себя:

— Где им!..

Дело было не шуточное с Корниловым. Не ехали, а летели. На станциях почти не задерживались.

Но где-то задержались на полчаса.

Подошла группа кончивших воевать солдат и, увидя комсомольцев, схватилась за животы.

— Гы! Гы! Как бабы, нескладно одеты. Вояки—тоже.

— Вы, ребята, не показывайтесь. Вид-то у вас, действительно, смешной,— и, поправив на животе пистолеты, строго как активист, Колька заметил:

— Агитацией занимайтесь больше.

Устыдились ребята и замялись.

Что говорили они солдатам, команде не было известно.

Но когда после третьего звонка станция слилась в толпу, махающих папахами и кричащих красногвардейцам ура, людей, Колька встал, и, гордо оглядывая изумленный вагон, почти нараспев, заметил:

— Ай-да ребята! Ай-да, комсомольцы!

Не подумайте, что Колька является автором всей песни, где имеются эти слова.

Нет. Колька скромен и сказал все случайно Хотя бы потому что всяк это может сказать про комсомольцев.

Да-сс!

V. Октябрь по Корнилову.

БЕЛГОРОД.

Как чистенькие, как праздничные чепцы у немок, свеже-выкрашенные мелом хаты.

Маленький вокзал.

У вокзала три извозчика, вылинявших от долгих стоянок на солнце, десяток свиней, куры, гуси, торговки... и ни одной фабричной трубы.

Тихо. Сюда-бы неврастеников.

Было утро.

Свежо, тепло и солнечно.

Хотелось Кольке и комсомольцам выбежать из пропахшего потом и портянками вагона и наслаждаться прелестью украинской природы, о которой с такой тоской читали в мастерской, при работе на переборке.

Наспех умылись. Окунулись при выходе в солнечные лучи и остановились, вопрошающе оглядывая друг друга.

По перрону станции бродили, звеня шпорами и виляя задами, люди в многоцветных шапках, брюках.

Приторно-слащаво звучали слова в их речи.

— Пшепрашам! Панове! Дзенкую! Бардзо!

Даже старики остановились.

Забыта была природа, погода, было только опасение за свое оружие и бронепоезд.

— Кто они? —, несмело шептали красногвардейцы, — на какой они стороне?

— На какой-бы ни было, нам нужно держаться. Слышишь, панами кличут друг друга.

— Ой, не уходи, товарищи. Не было-бы беды.

Сидели час—другой, в щели окна подсматривая за гуляющими франтами и сгорая от желания узнать:

— Кто-же они?

Пришел командир. Вынул из кармана бутылку ситро, напомнившую всем о жажде, задрал голову, булькнул, шевельнул кадыком, и, не ожидая вопроса и не глядя ни на кого, начал:

— Ну и попали мы,—потом вздохнул.

Все в испуге вскочили.

И рассказал он нам, что в Белгороде расположена бригада польских легионеров под командованием генерала Довбор-Мусницкого.

Приближение генерала Корнилова и октябрьские события посеяли раздор и между бригадой.

Одна часть, возглавляемая офицерством, во главе с Довбор-Мусницким настаивала на нейтралитете в борьбе Красной Гвардии с Корниловым, ведя, конечно, скрытую агитацию за переход на сторону генерала.

Необходимость сохранения нейтралитета мотивировалась тем, что:

Бригада польских легионеров расположена на «чужой родине» и иноземцам не совсем прилично принимать участие в «домашней ссоре».

Польский и русский народы за вмешательство во внутренние дела последнего, легионеров осудят.

Цель пребывания бригады: борьба с немцами и уж если выступать, то на сторону Корнилова, так как большевики имеют связь с германским штабом и работают на их деньги.

Другая часть, возглавляемая председателем бригадного комитета меньшевиком - интернационалистом Де-Мулине (или похожая французская фамилия), наоборот агитировала за выступление против ударников генерала Корнилова, привлекая легионеров лозунгами большевиков и октябрьской революции.

При нашем приезде в Белгород в штабе было устроено совещание обоих групп, совместно с местным советом и представителями нашего отряда.

По последним сообщениям на заседании пересиливает группа «нейтралитета».

— Шатай-валяй! Нейтралитет.

— Режьтесь-де, братцы, сколько хотите. Мы-де—люди чужие. Еще Польша не сгинула.

И зло захохотали.

Хотелось нам—комсомольцам—встать и пойти избить одного, всех легионеров, за сидение между двумя стульями, как выразился один агитатор.

Наступил полдень. Известий никаких.

Люди сидели в вагонах голые, без рубах, ели прокопченную дымом кашу, давили в рубахах все лишнее, и окровавленными пальцами ковыряли от скуки в носу и ругали без конца.

— Переговоры, нейтралитет, всякую такую, чтобы ее чорт побрал, вещь.

И засыпали, обливаясь потом.

И случилось дальнейшее совсем некстати.

По перрону гулко зашлепали сотни ног, захрюкали испуганные свиньи, а по вагонам раздался призывный клич:

— К оружию. На площадки!

Падали с нар котелки, срывались люди, босые, сбивая о рельсы ноги, бежали к бронеплощадкам, ощетиниваясь винтовками на юг, восток, север, запад.

Была опасность.

Прошло возбуждение. Глаза в бинокле вдали рассмотрели всадников на конях, а разведка принесла весть о появлении войск генерала Корнилова.

— Жоржик! Быть бою!—шепнул, приваливаясь для стрельбы, Колька.

Приближение Корнилова к Белгороду сильно поколебало позицию генерала Довбор-Мусницкого.

Часть легионеров, не ожидая решения совещания, двинулась вместе с красногвардейцами против Корнилова.

Наши и польские пулеметы, где-то в холмах, за Белгородом, трескотней рассеивали ряды наступающих ударников.

Со свистом, разгоняя по домам людей, с бронепоезда вылетел снаряд, молнией сверкнул в холмах второй, обрызгивая холмы неподвижными точками—трупами. Скрывались за холмами уцелевшие, очищая желтые пески горизонта.

Затихло эхо последнего снаряда.

На перроне опять продавали подсолнухи, галушки в сметане, около станции, ворочая рылом мусор, бродили свиньи.

В вагоне старики-красногвардейцы затеяли спор о воспитании детей, в перемежку чавкая, поедая белый хлеб, и тонкие ручейки молока текли по их бородам, на шерсть их груди.

КОМСОМОЛЬЦЫ У ЖИГАНОВ.

На столбе у станции засиженная солнцем и мухами афиша:

«*Ко всем учащимся города Белгорода! Инициативная группа приглашает учащихся записываться в Союз Молодежи. Цель союза: учиться, работать и проводить культурно время.*

Инициативная группа».

— Учиться и время проводить культурно можно одному. Идем, ребята, говорить о питерском Комсомоле, — взволновался Колька.

— Идея! И расскажем, что мы учимся, работая... И готовы умирать за всех и все...

Купили подсолнухов, вычистили сапоги и, подбирая слова агитации за Комсомол, двинулись.

Пришли в гимназию, где в зале гимназистки в пелеринках, гимназисты, надменные от воротника курток, пара харьковских студентов, покрываясь потом, танцовали ки-ка-пу.

— Пфф! Ки-ка пу, а там стреляют...

Слышался острый запах дешевой косметики, сильнее оживлявший на комсомольцах вшей.

При виде группы вооруженных оборванцев, шум затих. Лица испуганные, но храбрящиеся брезгливостью и недоумением. И кто-то робко спросил:

— Вам, господа, что надо?

— Ну, ты, жиган! — рванулся к спору Жоржка, но протянутые ко рту руки товарищей остановили.

— Мы, ребята, к вам зашли о питерском Комсомоле... рассказать. Мы с бронепоезда,—краснел и заикался Колька.

— Питерцы!—зашептала компания, впиваясь взглядами в комсомольцев. Зажелтело золото портсигаров, наполненных папиросами. На столе для докладчика поспешно наливали воду.

Первым говорил Колька.

«Жиганам» комсомольцы рассказали о положении молодежи, о всех фактах, которые наталкивали молодежь на необходимость организации Союза Молодежи.

Рассказали о культурнических уклонах «Труд и Свет» и о создании социалистического союза молодежи.

А в заключение эффектно закончили:

— ... Одна группа (жест в сторону комсомольцев) училась и работала, как вы, а сегодня, может быть умрет, чтобы лучше другим жилось. А другая мешает нам... С кем же вы?

На трибуну, за Колькой, чесаться и зажигать огнем гимназистов полез Жоржка и другие. А за ним студенты.

— Убийства? Как тяжело... Не нужно крови... Все люди братья.

— Можно сопатку им расквасить? А, Коля?

По окончании докладов и прений, присутствующими на собрании учащимися было постановлено:

«Организовать по примеру ленинградской молодежи Социалистический Союз молодежи.

Принять участие в гражданской войне, созданием отряда красногвардейцев из юношей и санитарного из девушек».

Все указания по вынесенным постановлениям были даны комсомольцами охотно.

Нужно отметить, что отряды были организованы и приносили нам большую помощь в боях под Белгородом.

Обратно вечером возвращались вместе с гимназистами, в строю, с задором напевая:

Пусть красное знамя
Собой означает
Идею рабочего люда...

Позднее слышался плач, то секли некоторых новых комсомольцев.

Перемена убеждений—деяние, порой наказуемое.

«БОГОМА».

Был в команде рабочий, путиловец.

Был он велик, грузен и по виду страшен. На его руку едва влезала парусиновая рукавица, а голенища сапог были обхватом равны доброму хозяйскому ведру.

Из одних его штанов любому комсомольцу вышло бы трое. А то и целый костюм. В его фигуре чувствовалась крепость бетона. Мускулами своих рук он рвал веревки, а пальцами колол орехи, гнул пятаки. Звали его «Богома», из-за любви к похожему сильному ругательному выражению.

Характер его был двояким:

Один—для близких ему лиц, которыми он считал родных, товарищей, рабочих. С ними он был нежен, мягок. Второй—для далеких ему лиц—грубый, суровый.

На бронепоезде он называл всех по именам и не иначе, как Ваничка, Шурочка, Колечка. Был он со всеми ласков, вежлив и, даже рассердившись, говорил:

— Витечка, пошел ты на...

Он много читал. По прочтении книги, соберет вокруг себя ободранных и встрепанных подростков и говорит без конца. С Наполеона переедет на подполье, Октябрь, с Октября—на библию.

Пришли комсомольцы от учащихся. Радостна победа над образованными.

Хулиганили ребята по поезду, задирая старших, с хихиканьем толкая друг друга и звучно перебирали губами, языком, рассказывая, как в первый раз спорили серьезно со студентами:

— Эх, Богома!.. Студента! Цццц! Эх!

— Люблю вас, комсомольцев... Хулиганы вы...

От неожиданности у комсомольцев даже оттопырились губы.

— Образованных и старших, подлецы, не уважаете.

— Как так? А Ленина?

— Гм... Ленина... Ленина любить надо... он герой... он наш... Вы ему, ребята, верьте, но пока ему нет пятидесяти лет. Как пятьдесят лет,—так ша...

И повел беседу.

— Ленин—интеллигент... А интеллигенты с нами только до старости. Когда они обзаведутся семьей, то говорят, что раньше

у них были грехи молодости. В молодости они на луну лезут, а после на цыпочки боятся встать и назад тянут. У интеллигентов мозги разжижаются после пятидесяти лет. Я сам читал это. Вот Плеханов... а?.. И Ленин сейчас хорош, а после...

— Ну, ты про Ленина то врешь. Он не такой,—обиделся Колька.—Ты не ври про Ленина, Богома...

— Если-бы... Он, ребята, интеллигент... А у интеллигентов как 50 лет, так мозги сдают.

Испортил Богома всю радость победы у комсомольцев.

— Неужели и у Ленина мозги разжижаются?

Было тяжело.

Лежали к солнцу животами на душистой траве и думали: какой будет Ленин?

Голова у него трясется, ходит, опираясь на палочку, по утрам пьет кофе, читает газету и своим детям будет говорить:

— Вот, когда я был революционером, то думал тоже так... Живите, дети, тихо.

От возмущения Колька сорвался с места, нервно прыгал, разрывая руками рубашку, утаптывал траву, потом подлетел к Богоме, долго ударял его кулаками по животу, в ярости крича:

— Дурак... дурак... Никогда у Ленина мозги не разжижатся... никогда...

И, в изнеможении упав, перекатывался, ртом захватывая клоки земли с травой.

СТАНЦИЯ ГЕРЦЕВКА.

Вечером командир Бепо Зайцев, Колька и я ехали в разведку.

Есть от Белгорода до города Сумы одноколейная дорога со смешными маленькими паровозами.

В нескольких верстах есть ст. Герцевка, связь с которой была порвана и где, по сведениям, добытыми штабом, находились корниловцы.

Разведка получила задание выяснить расположение противника.

На паровозике были потушены все огни. Колька сидел, пронизываемый ветром и ночным холодом, на переднем буфере, пытливо всматриваясь в темноту, плотно облекшую всю окружность.

По бокам паровоза прилепились остальные.

Наше состояние было нервное, выжидательное. Может быть минирован, разобран путь, возможен обстрел паровоза. Везде казалась смерть.

Противно дребезжал паровозик.

Вдали огни.

Разведка тихо под'езжает к семафору и по канавке, с бьющимся сердцем, ползет вперед.

Там носятся люди, звеня шашками и шпорами.

— Эх, бомбу!—зарождается желание у Кольки.

Командир силится сосчитать количество вражеских вагонов, из которых слышно ржание коней, песни, танцы. Продвинулся вперед, чтобы лучше видеть...

Послышался звук молчаливой борьбы, дыхание у кого-то вырывается тоскливым предсмертным клокотом. Их не видно.

Но кто-то задыхается, кого-то душат.

Тихо, сжимая револьверы, Колька и я поползли вперед и увидели подымающегося командира, случайно напавшего на часового.

Долетел-ли до станции шум борьбы или кто-либо ее видел — мимо разведки взвизгнула пуля. Нужно было удирать.

Вскочили на паровоз, и машинист погнал.

Крошечный паровозик, напоминающий коротконогую таксу, сопел, визжал и силился пойти не по рельсам. Противно визжали части.

— Стой! Не гони! Ну его к чорту!

Сопение заменилось вздохами глубокими и тяжелыми. Казалось, паровозик задохнется от усталости.

Стало тише. Со стороны послышалось дребезжание колес: к разведке стало двигаться светлое расплывчатое пятно—отражение топки паровоза.

Быстро остановились, потушили огни. Прижатое к рельсам ухо уловило звук двигающегося паровоза.

— Видимо, за нами.

Вскочили,—и вновь визжал паровозик, далеко за холмами будя собак. Погони уже не слышно.

Прилетели к станции. У семафора тихо.

Чтобы согреться, красногвардейцы нежно давили «малу кучу», понятно, беспокоясь о разведке. Рядом Жоржик лежал в траве, растопырив ноги, и кого-то обнимал.

Мы к нему.

— Не подходи! Кто здесь?—просипел он, откатываясь вместе с ношей к толпе. Взмах ногой и... Жоржик перевернулся на спину, положив на живот десяток винтовок—чтобы не спер в темноте кто-либо.

Рванул ветер, прошелся шелестом по траве и затих. Вновь проскользнул звук приближающегося со стороны Герцевки паровоза.

— Ребята! Часть бегом на станцию! Поднять всю команду без шума и двигать с осторожностью к нам. Да быстрее... В тридцать три гроба...

Мы, комсомольцы, подумав, что если для каждого командира необходимо иметь такой голос, как у тов. Зайцева, решили, что из нас никогда не выйдет чего либо похожего.

С быстротой спортсменов-бегунов красногвардейцы помчались к станции выполнять поручение.

Мы, оставшиеся, залегли в кусты.

Стук паровоза приближался к нам с каждой минутой.

Скоро мимо нашей засады пролетел паровозик, из окон которого выглядывали: два офицера и машинист.

У Кольки и у иных комсомольцев задрожали нервно руки.

— Ну, только один выстрел, товарищ командир?—послышалось из кустов.

— Я зубы выбью за выстрел.

Когда вдали замолкло пыхтение паровоза, по команде мы бросились по колее за ним.

У семафора, около станции Белгород, потушив огни, мы увидели силуэт вражеского бронепоезда и группу шептавшихся людей.

Рядом с семафором штабелями лежали шпалы.

— Шпалы на линию!—шопотом приказал командир.

Бесшумно, в пять минут, поперек линии горой были положены шпалы.

Проход для паровоза был закрыт.

Оставалось только взять его.

Из Белгорода донеслось шипение двигающегося бронепоезда.

Белый паровоз почувствовал опасность и двинулся к нам.

При виде горы остановился.

Не зевая, с разрешения Зайцева, мы дали залп и вскочили к машинисту.

Т. Зайцев машиниста за горло, а комсомольцы прикладами двух офицеров по лбу. Слегка, чтоб очумели.

Паровоз был наш.

Но не это нас радовало.

Радовало нас и штаб то, что, по показаниям взятых в плен офицеров, этот паровоз был единственный у белых и предназначался для перевозки их в г. Сумы.

Теперь там положение было таково:

Обмундирование и снаряжение погружено в вагоны и если налетом кинуться на ст. Герцевку, все будет нашим.

Командование так и сделало.

Ночью, черною и тихою, из Белгорода, соблюдая отчаянную осторожность и тишину, ленинградский отряд вышел, а бронепоезд выехал для налета на станцию Герцевку.

Ехали и шли медленно. И когда кто либо кашлял, группа втягивала головы в плечи и робко поглядывала на верх.

— Вдруг стрелять начнут?

В бронепоезде была иная картина.

Плотно заткнув паклей и тряпками все щели, при свете керосиновой лампы, восемь комсомольцев сидело около керосинки и занималось отнюдь не боевым делом.

Перед самым выездом из Белгорода, ощущая зверскую потребность в «шамовке», предприимчивый Колька, воспользовавшись редкой невнимательностью торговца, стянул у него трех щук.

А так как наши комсомольцы всегда были единодушны, на частную собственность имели собственные воззрения, то укоризнен-

ных взоров на Кольку не бросали, а дополнительно «тиснув» у зазевавшегося аптекаря горшок масла, рыбу принялись жарить.

— Чтоб пошамать перед смертью.

Около керосинки с засученными рукавами, путаясь в обычном для красногвардейца снаряжении, суетился в качестве повара Колька.

А около на полу, на нарах расположились остальные и по выражению Кольки «трепались на мочалку»..

— Смотрите, ребята! Смотрите! Колька режет рыбу. И никого не приглашает.

— Сколько в этом поступке самопожертвования. Что за парень Коля. Уважение ему. Подойдемте к нему и скажем коллективно— Коля ты ду...

— Сам дурак!

— Не дурак, а душка.

— Бросьте трепаться! Дайте масла.

— Красногвардейцы—краса и гордость революции. Коля нам сказал, что для рыбы необходимо масло. Вот где проглядывает пролетарское творчество. А мы... мы, обнажив головы и посыпем пеплом от печали главы.—И полузакрыв глаза, вытянув руки проговорил:

Рожденный ползать—
Летать не может....

Но в этом он ошибался. Рядом с вагоном раздался чудовищной силы взрыв снаряда, от которого дрогнул весь вагон, а сидевшие на нарах комсомольцы, вместе с декламатором, с присущей им легкостью, правда без грации, полетели вниз.

Счастливы человецы,
Не ведующие артиллерийского огня.

В темноте послышался Колькин голос.
Это означало, что мы вступаем в бой.

БОЙ ЗА СТАНЦИЮ ГЕРЦЕВКУ.

Несколько придя в себя после выстрела, наша комсомольская группа выпрыгнула из вагона и, наклонившись, побежала в ту сторону, где по нашему предположению находились матросы и красногвардейцы-пехотинцы.

Бронепоезд мы оставили потому, что по приказанию командира там должны были быть только артиллеристы и пулеметчики.

Пехотинцы, к которым причислены были мы, при столкновении с войсками генерала Корнилова, должны были влиться в группу матросов.

Со всех сторон слышалась пулеметная и ружейная стрельба и трудно было предполагать их местонахождение.

Уже рассветало.

Чтобы не попасть случайно в руки белых, мы поиски матросов временно прекратили и остались сидеть около полотна железной дороги.

И были мы здесь свидетелями такого необычайного факта, который редко забывается.

Просидев около часа, в полудремотном состоянии, на полотне железной дороги, нам послышался топот ног и ругань.

Фигуры были скрыты кустами.

Мы быстро залегли и приготовили винтовки для стрельбы.

Но достаточно было услышать пару слов, непосредственно относящихся к небесам, чтобы догадаться о приближении матросов.

Предчувствие нас не обмануло. Из кустов показалась группа матросов, вместе с которыми находилась и Маруся Никифорова.

По их рассказам мы узнали о приближении к данному месту батальона ударников и роты женщин-ударниц.

Группа матросов, имевшая при себе пару пулеметов, имела задание—воспрепятствовать им переправиться через железную дорогу.

Мы стали ждать.

Вдали на горизонте около леска показались в кустах каски ударников.

Чтобы дать представление о находящихся здесь красногвардейцах и повернуть белых обратно, по приказанию Маруси Никифоровой два пулемета открыли стрельбу, поддерживаемые залповыми выстрелами комсомольцев.

Белые наступали попрежнему.

По нам в начале дали залп, а затем совсем недалеко затрещал десяток пулеметов. Уходить уже приходилось нам.

Комсомольцы, как ребята более подвижные, скакнули в другую сторону, но с матросами дело оказалось хужее.

Их не пускала Маруся.

Из кобуры вынула «браунинг» и, уставив в лоб матроса пулеметчика, лаконически произнесла:

— Надо стрелять в белых!

— Ну ты, баба... убери револьвер!—прогудел матрос, стараясь втащить в кусты пулемет.

— Стреляй говорю!

— Пшла вон!

Раздался к нашему ужасу выстрел и матрос уткнулся лицом, не дыша, в болото.

— Эй, вы, ребята... марш на насыпь!

Мы, робко озираясь на страшную «бабу», из кустов полезли к ней.

— Пулеметчики, открыть стрельбу!

Влезли к нам и матросы.

С револьвером в руке стояла сзади Маруся Никифорова.

И мы в этот день могли гордиться собой. Мы смотрели врагу в лицо и ни разу не оглянулись, чтоб ей пусто было, назад.

Ведь этого даже у безумно смелых нельзя встретить.

На выстрелы из Белгорода, в помощь к нам пришли: небольшой отряд польских легионеров и юношеский отряд.

По белым начала бить наша артиллерия.

И случилось то, что должно случиться.

Белые побежали в лес, в погоню за ними побежали мы.

И опять-таки впереди были комсомольцы, изредка оглядываясь:

— А не гонится ли сзади Никифорова?

Наша злоба на эту «бабу» вымещалась на «бабах»—ударницах.

Догонишь одну из них да по каске, прикладом. Только визг в лесу раздастся.

* * *

Отступление белых на нашем участке заставило их бежать вообще от станции Герцевка.

И так как все их силы направились через лес, то наше командование, учитывая нашу малочисленность для борьбы с их целой, не разрозненной группой, приказало нам преследование прекратить.

Вернулись в вагоны. Считали, осматривали свои ряды. Оказалось, что убитых противником было трое.

В наши комсомольские ряды проникла тоже печаль.

На бронепоезд мы вернулись без комсомольца Кольки.

КАК КОМСОМОЛЕЦ ПОТЕРЯЛ ШТАНЫ.

Потеря Кольки для всей команды была ударом.

— Живой или мертвый, должен быть здесь... в тридцать три гроба, ответил на наш плаксивый доклад командир.

Начали с кустов. Искали, разрывали снег. Колька точно провалился.

После полудня, утомившись от долгих поисков, решили:

— Колька уведен в плен.

И если судьба не вздумала бы шутить и сделала бы наш вывод правильным, имя комсомольца на бронепоезде не покрылось позором и не было бы предметом злого смеха команды.

Колька явился к нам часа в два пополудни.

Вид у него был мрачный и злой.

Не говоря ни с кем, он в вагоне залез на нары и горько, горько заплакал.

И плакал Колька чуть не весь день.

А потом рассказал нам.

Бежал он за белыми по лесу. И не заметил, как отбился от группы.

Пришел он в себя только тогда, когда чья-то железная рука схватила его за ворот и притянув к себе, прямо Кольке в ухо крикнула:

— Снимай штаны.

Рванулся Колька. Не вырваться. Он штыком фигуре, та от него винтовку отняла.

Поднял Колька глаза и обомлел.

С револьвером в руках над ним стояла грозная фигура Маруси Никифоровой.

— Пустите меня!

— Снимай скорей штаны.

И, к ужасу Кольки, револьвер колыхнулся.

Кольке тотчас-же вспомнился матрос и вздохнув, он, усевшись на снег, рванул себя за клеш.

— Да не клеш мне надо, а нижние, ватные. Да не копайся!

И когда Колька пришел к мысли, что если сейчас умереть за штаны, от пули Маруси Никифоровой, то в песне его не помянут и ребята «глупцом» назовут, вслед за клешем с ног Кольки были стянуты и ватные штаны.

Получив комсомольские штаны, Никифорова подняла подол и, обнажив голое посиневшее от холода тело, без всякого стеснения их надела.

— Ведь я же мужчина—уверял, всхлипывая, Колька.—А она и не постыдилась меня.

Нам было стыдно за Кольку, так как эта история ходила по отрядам в качестве анекдота, вызывая остроты над комсомольцами.

Но мы отомстили за штаны. При появлении Никифоровой, комсомольцы исчезали перед ней под вагонами.

Знаете, чтоб руки не подавать.

КРЕСТЬЯНЕ И КОРНИЛОВ.

Несмотря на свое короткое пребывание в районе Белгорода, Корнилов своими действиями вооружил против себя крестьян.

Несколько деревень, относившихся к ударникам и красногвардейцам с одинаковым безразличным настроением, несмотря на это, им были разграблены.

Часть же других деревень, пытавшихся противодействовать наступлению корниловцев и определенно сочувствующих нам, были мало того что разграблены, но и сожжены.

Отступая под нашим давлением вглубь Курской губернии, Корнилову очень туго приходилось от партизанских действий крестьян.

КРЕСТЬЯНЕ И БОЛЬШЕВИКИ.

Мы обедали. А во время обеда, да еще в то время, когда голоден, редко обращаешь внимание на что-либо не относящееся к обеду.

— Хлеб да соль!—послышалось из под вагона.

— Милости...

— Ну! Ну!—проворчал успокоившийся Колька.

— Спасибо!

Оглянулись и видим, что перед нами стоят три крестьянина.

Не ожидая распроса о цели прихода, они сообщили, что являются делегатами одной деревни и пришли просить у командира выслать к ним в деревню, для устройства собрания Ленинградских большевиков.

— Щоб гарно балакалы о житти и завирухе (войне).

— Пусть комсомольцы идут.

Соскучившись по агитационной работе, мы предложение приняли охотно и, усевшись на сено в телегу, поехали с крестьянами.

Встречены мы были толпой у околицы.

Не долго задерживаясь здесь, мы прямо с телеги принялись митинговать.

Говорили главным образом о целях Октябрьской революции, о программе большевиков и о наступлении Корнилова.

И когда последний оратор закончил свою речь лозунгом, толпа крестьян стянула нас с телеги, и возбужденная потянула к одной из лучших хат, повторяя:

— Мы зараз иого убьемо, бо вин нам брехал о бильшовиках смуту.

— Кого убьете?—заволновались мы.

— Михайло! Он был староста, а зараз голова рады. Вин каже, що бильшовики—немцы, а Корнилов иде, щоб нам хлиборобам гарно життя дать.

И несмотря на наши слезные просьбы, Михайло оставить в живых, он был убит ударом колуна по голове.

Больше ездить для агитации среди крестьян ни один комсомолец не соглашался.

ПОДКРЕПЛЕНИЕ.

В этот-же день, со стороны Синельникова, к нам на помощь приехал отряд черноморских матросов под командой т. Мокроусова.

По прибытии в Белгород, где отряд узнал об отступлении Корнилова к г. Обояни, он без задержки отправился туда.

На ст. Клейнмихелево матросы высадились и 15 верст по пояс в снегу, направились навстречу ударникам.

Около одного села между ними произошел бой, при чем матросы обстреливались даже священнослужителями этого села из пулеметов на колокольне.

Перестрелка длилась около 5 часов, в течение которых матросам пришлось лежать в снегу.

К счастью, бою положило предел братание, начавшееся на флангах.

Но жертвы все-таки были не малые. Убитых, замерзших в снегу и раненых насчитывалось около 60 человек.

А после, корниловские войска почти целиком сдались матросам в плен, и бронепоезд поехал с октябрьскими лозунгами в Харьков, а оттуда на Дон.

Много славных дел сделано после этого комсомольцами. На их описание требуются тома.

На этом же мы покончим.

Цена 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77.

Москва: Московское отделение издательства „ПРИБОЙ" Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09.

159